

Ю.А. Ищенко

Симулякры

«Новороссии»

Киев – 2015

Ю.А. ИЩЕНКО

Симулякры «Новороссии»

КИЕВ -2015

ББК 60.028.132:87.3(0)6-716

УДК 316.752.4

И 98

И 98 Ю.А.Ищенко

Симулякры «Новороссии» К: - ЦГО НАНУ, 2015.–146с.

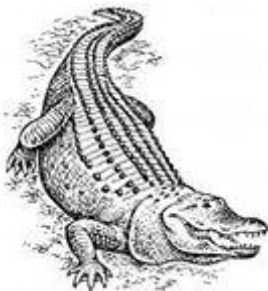
Разработанный российскими пропагандистами в рамках идеологической концепции «Русского мира» и используемый в информационной войне против Украины проект «Новороссия» представляет собой дискурсную манипулятивную практику, спекулирующую на искажении исторических фактов, философских и геополитических концептов классического евразийства и на стереотипах сознания «постсоветского человека». Раскрываются этические и эпистемологические истоки платонизма «Русского мира», его негативное отношение к аристотелевской традиции мышления, симулятивные информационные технологии, утопизм и нигилизм практиков «Новороссии». Прослеживается реакционная роль идеологов от РПЦ в обосновании мессианских и утопических идей Русского мира, распространении великорусских шовинистических настроений, проведении агрессивной политики и террористических действий нынешнего режима власти РФ в отношении Украины. Рассчитана на философов, научных работников, широкий круг читателей.

Розроблений російськими пропагандистами в рамках ідеологічної концепції «Русского мира» і використовує в інформаційній війні проти України проект «Новороссия» є дискурсною маніпулятивною практикою, яка спекулює на викривленні історичних фактів, філософських і геополітичних концептів класичного євразійства, на стереотипах свідомості «пострадянської людини». Розкриваються етичні та епістемологічні джерела платонізму «Русского мира», його негативне ставлення до аристотелевої традиції мислення, симулятивні інформаційні технології, утопізм і нігілізм практиків «Новороссии». Прослідковується реакційна роль ідеологів від РПЦ в обґрунтуванні месіанських і утопічних ідей «Русского мира», поширенні великоруських шовіністичних настроїв, проведенні агресивної політики і терористичних дій нинішньої влади РФ щодо України. Розрахована на філософів, науковців, широке коло читачів.

ISBN 966-02-2902X   © Ю.А.Ищенко

Содержание

<i>Игры с мессианским огнем.....</i>	<i>5</i>
<i>Платонизм «Русского мира».....</i>	<i>9</i>
<i>Эпистемологическая оккупация и платонистический эссенциализм.....</i>	<i>18</i>
<i>«Русский мир» как симулякр евразийства.....</i>	<i>45</i>
<i>Истоки концепции Евразии: смысл концепта и ущербность проекта.....</i>	<i>55</i>
<i>Праведность «Новороссии»: от мессианизма к практике лжи и террора.....</i>	<i>79</i>
<i>Апокалиптика, утопия и нигилизм «Новороссии».....</i>	<i>100</i>
<i>«Зловещий гость, вошедший в дверь» (вместо заключения).....</i>	<i>122</i>

Как резонирующий идеолог современного евразийства, «Русского мира», соответственно, и легитимизатор геополитического шовинистического проекта «Новороссия», г-н Дугин недавно заявил: «У нас нет образа будущего в виде оформленной концепции. Но этот образ мы носим в своей душе. Он просто еще не родившийся. Мы чреваты им. Это образ духовности и справедливости. Есть две вещи, которые определяют идентичность русского народа. Это его стремление сказать важное слово - слово спасения, истины, добра в историческом пути Руси. Для нас важно, чтобы последнее слово в мировой истории осталось за нами. И чтобы это было слово духа и красоты, а не слово уродства и материи, прагматичности. Это с одной стороны. А с другой - для нас важна социальная справедливость» (см.: 47). Как говорится, до боли знакомые слова, которые в истории с небольшими вариациями уже звучали. Достаточно послушать, скажем, речи дуче Муссолини - основателя итальянского фашизма. В них задолго до господина Дугина щедро рассыпаны высказывания, аналогично которым последний, наполняя, конечно же, их великороссийской риторикой, обосновывает идею «Русского мира». Но вот Муссолини: «Великодержавная Италия, Италия наших снов станет реальностью нашего завтрашнего дня!» «Рим - центр мира, Италия - мать народов». «Рим - лучезарный маяк, на который смотрят все народы земли», - утверждал дуче в одном из своих выступлений (1924г.). «И когда между 1935 и 1940 годом, - пророчествовал он, - наступит решающий момент европейской истории, мы сможем заставить слушать наш голос и добиться окончательного признания наших прав» (см.:41). Приведенный спич Муссолини свидетельствует, что история ныне повторяется: когда г-н Дугин вещает о высокой духовной миссии «русского

мира», то это – лишь своеобразный парафраз заповедей итальянского фашизма. В частности, заключительная десятая заповедь фашистского декалога гласила: «Фашизм - есть священное единение всех настоящих итальянцев: он - цветущая, светоносная Италия, душа мира» (там же). Идеологические, националистические и великодержавные параллели, и если и не прямые заимствования, то ценностная аргументация, тут очевидны: срабатывают как архетипы, так и символика мессианского мышления. На практике же, как это было и в случае с дуче, не все выглядит у «Русского мира», мягко говоря, прилично. Такая желанная и пестованная «русской душой» «духовность» превращается в специфический российский мессианизм, а «справедливость», несмотря на ее раздуваемые до всемирных страстей позывы, на исконное право «русскости» быть исключительной.

«Игры с мессианским огнем»

Умберто Эко писал: «Игра может быть соревнованием, может им не быть, может заинтересовать одно лицо или более, требовать определенных способностей от участников или не требовать, включать деньги или нет...» (см.:45). Но игры, скажем мы, - это не только некие соревновательные практически-символические действия, требующие определенных знаний, умений и денег, они также требуют понимания, а поэтому и согласования смысла, соответственно, определенных правил, выраженных соответствующим языком. С этой точки зрения, все игры – различные действия, которые в своем процессе

осуществляют практическое воспроизведение означивания своих правил и, выступая, помимо всего прочего, как «языковые игры», обнаруживают определенное «семейное сходство» (Л.Витгенштейн) в семантике своих языков. Можно, очевидно, говорить, что в истории религии подобное «семейное сходство» проявляют и «языковые игры», которые происходили с той или иной исторически определенной концептуализацией в религиозных текстах «мессианства». Исходно мессианство формируется как иудейская концепция о Мессии - человеке, который имеет особое поручение Бога относительно освобождения еврейского народа. Вместе с тем эта мысль трансформируется в мысль об особой роли избранного народа Божьего, которая проходит сквозь весь Ветхий Завет, и где этот народ именуется Израилем. На него возлагается миссия дать всем другим народам пример святости, справедливого обустройства бытия и привести всех в поклонении перед правдой Божьей к спасению. После выполнения миссии мессианскому народу предстоит вечно охранять это праведное обустройство. Мессианский народ состоит из людей, которые стремятся к справедливости, добру и истине и идут к ним.

Однако иудаизм, как подчеркивают многие христианские мыслители, проходит мимо идеи жертвы¹. «Еврейский хилиазм, который ждет блаженства на земле без жертвы, без Голгофы, глубоко противоположен христианской мессианской идее», - отмечал, в частности, Н.Бердяев (7, с.107). В христианстве же ожидания Христа Грядущего предполагает прохождение через Голгофу, принятие Христа Распятого и героический, творческий путь вверх. Другими словами, христианское мессианское ожидание есть ожидание спасения и освобождением народа через жертву. Но именно в силу такого истолкования жертвенности мессианизм обретает форму возвышения, более того, сознания исключительности того или иного народа. Поэтому, скажем, у польских мессианистов - у Мицкевича, Товянского, Цешковского, как указывает тот же Н.А.Бердяев, было очень чистое жертвенное сознание, и оно загорелась в сердце народном от больших

---

¹ Ягве, требовавший во имя веры от Авраама жертвоприношения его сына, в конце концов, заменяет человеческую жертву на жертву агнца.

страданий. Но достаточно скоро, сожалеет философ, жертвенный мессианизм в Польше сменился крайним национализмом. Это явление не минуло и истории других народов.

Мессианская идея народа может быть лишь плодом больших народных страданий, - учат христианские богословы. И в этом российское мессианство напоминает иудейскую традицию, поскольку в нем присутствует идея спасения народа. Мессианская идея здесь так же была плодом мучительной судьбы народа и ожидания Града Грядущего. Но в российском *православном* мессианстве на первый план выходит мысль, что Россия является государством, которое выполняет особую роль в мире. И это не просто задача - тут присутствует идея, что страдания России, как и страдания Христа, приведут к спасению всего человечества. Поэтому российское мессианство базируется именно на христианском мессианстве, которое отталкивается от веры, что Иисус Христос искупил грехи человечества. Эта вера, по мнению апологетов Русской православной Церкви, и сформировала настоящий Русский народ. В конце концов, построенная на «семейном родстве» исторически накладывающихся друг на друга языков Библии, игра с мессианским дискурсом привела к православной церковной легитимации «истинной русскости», а именно институциональному (государственному) сращению православия и народности: мессианство превратилось в одну из составляющих Русской идеи. Произошло смешение русского мессианизма с национализмом.

Следует отметить, собственно, лингвистическое измерение сращения мессианизма и национализма. Речь идет о том, что мессианизм на языково-семантической почве толкования экзистенциальных ценностей (страдания, любви, судьбы, жизни, спасения и т.д.), общих для всех людей и народов (и, как потом выясняется, на основе социально инспирированных и «идеологизированных» апокалиптических переживаний и утопических проектов), путем определенных языковых игр со значениями, получает специфически национальный характер выражения в языке определенного народа. Ведь язык структурирует жизненный опыт и является в этом плане жизненным миром человека. И то, что делает конкретный народ народом, заключается не в том, что выражает его язык, а в том, как он это выражает. Поэтому идея избранности, на основе того, что представления об особенностях народа дискурсно идентифицированы в

его языковом сознании и принимаются не как понимание мира, а как сам мир, трансформируется в сознание особой привилегированности. Нам на это указывает семейное родство значений, связанных со словом «избранный (избъраный, избобранный)»: «*прил. 1.Отобранный, лучший. 2. Принадлежащий к избранному кругу, особенно ценимый, отличаеый. 3. Выбранный.4.в значении суц. Избранный*». При этом данная лексема коннотирует с глаголом «избратися (избъратися)» в первом значении (1. *Быть избранным, призванным для исполнения каких-л. обязанностей. 2.Оказаться, найтись среди кого-л.*), и во втором - «*избратися, «изборотися» как «с борьбою высвободиться»* (см.: 35,с.102). В этом лингвистическом контексте становятся понятными и слова Н.Бердяева, который отмечал: «У нас (имеется в виду до-революционная Россия - Ю.И.) не было здорового национального сознания и национального чувства, всегда был какой-то надрыв, всегда эксцессы самоутверждения или самоотрицания. Наш национализм слишком долго претендовал быть мессианизмом древнееврейского типа, *яростного, исключительного и притязательного* (курс. Ю.И.)». (7, с. 107).

А теперь снова слушаем одного из главных идеологов «русского мира» г-на А.Дугина. «Высокая идея составляет ядро российской идентичности. Мы всегда считали себя народом, наделенным исторической миссией. И любое обращение к этой теме всегда находит широкий отклик в душах людей. Может быть, не все об этом задумываются, но это предопределяет нашу культуру. Все, что для нас ценно, было пронизано этим мессианским чувством: и церковь, и литература XIX века, русская религиозная философия, и Серебряный век. Мы мессианский народ» (см.:47). И далее: «...Мессианский огонь неизбежно вспыхнет вновь. На протяжении всей истории мы по-разному оформляли свое мессианское чувство: в православном контексте, в секулярном, коммунистическом. Но мы никогда не забывали о нашей сути» (там же). Эти слова лишь подтверждают мысль о националистическом характере мессианизма, которым пропитана идеология «Русского мира» и сознание его adeptов. Ведь они свидетельствуют, если вспомнить историю, еще и об агрессивном, экспансионистском характере этого типа мессианизма. С одной стороны, это обусловлено самой природой мессианизма: «Благоразумного мессианизма, который хорошо обустроивает земные дела, быть не может. В мессианской сознания всегда есть неистовое обращение к чудесному, к катастрофическому разрыву в естественном порядке, к абсолютному и

необходимому» (7, с.106). С другой стороны, - спецификой толкования мессианской идеи в российском мессианизме, которая предстает здесь как вселенская идея. В сознании носителей идеи русского мессианизма наблюдается своеобразное «платоническое» оправдание как самой мессианской миссии русского народа (о чем речь пойдет ниже), так и эксплицируемых из нее экспансии и агрессии.

Мессианистская идея является составляющей концепции Русской Идеи, последняя же имеет сугубо платоническое происхождение, ведь эта концепция основывается на том, что русский народ может существовать только благодаря существованию идеи «русскости», без которой он теряет идентичность и определенность (см.:31,с.42). Такое, говоря словами Вл.Соловьева, «оправдание» мессианистской идеи, которое носит одновременно метафизический и психологический характер, происходит именно на почве Платоновой модели познания. Эта модель сочетает архаичные, связанные с магией и шаманизмом структуры мышления (что были в определенной степени унаследованы Платоном через орфико-пифагорейскую традицию) с просветительско-рационалистическими, логическими схемами мышления, которые обтачивались в риторике и диалектике софистов и Сократа (там же). Но сначала...

Платонизм «Русского мира»

Известный философ и культуролог Мирча Элиаде отмечал: «Битвы, конфликты, войны чаще всего носят ритуальный характер. Это - побудительное противопоставление двух частей клана или же борьба между представителями божественных сил... Ни в коем случае нельзя

объяснить войну или же поединок рационалистическими мотивами» (46, с.51). Собственно, это мы имеем в настоящей, еще до недавнего времени маловероятно мыслимой войне, развязанной путинским режимом против Украины. И концепт «Новороссия», идеологически и пропагандистки вытянутый из национал-шовинистического сознания российской имперской политики, и почитаемый современными российскими геополитиками, кремлевским руководством и российским внешнеполитическим ведомством, яркое свидетельство тому. Оправдание войны, ее легитимация в сознании россиян стала возможной только благодаря апелляции к мифу «русского мира» и соответствующей его практической ритуализации при помощи российских СМИ (скажем, были запущены симулякры «ЛНР» и «ДНР» для соответствующих выборов в, так называемых, самопровозглашенных республиках). Так была подготовлена информационная почва и известные ритуально-выборные (культовые для «советского человека») действия по воспроизведению идеологического дискурса «Новороссии» на землях исторически заселенных украинским этносом, и колонизованных имперской Россией еще при Екатерине II (которые, как известно, впоследствии в силу различных исторических событий вошли в состав Советской Украины, и законодательно были закреплены за ней международным правом после Второй мировой войны, а значит ныне *де-факто* и *де-юре* принадлежащих современной суверенной Украине). Сегодня же, по сути, игнорируя нормы и ценности последнего, путинская Россия «вытаскивает» из имперско-пронафталиненных идеологических ящиков шовинистически затхлый миф о «Русском мире» и «Новороссии», во-первых, с целью блокирования украинской государственности, во-вторых, распространяя на мнимые «исторические российские просторы» свое трусливое предубеждение, что демократия и либерализм, разрушают российскую идентичность.

Но восприятие в России (и не только) массовым сознанием этого мифа стало возможным лишь благодаря тому, что исторически была подготовлена ментальная почва для этого, а именно «фашизоидное» (то есть, массово ригидное, с делением на «свой-чужой») сознание «авторитарной личности» (Хоркхаймер,

Адорно). В данном случае - это сознание «советского человека», сформированное за годы «социалистического образа жизни». Впрочем, такая ментальность «советского человека» является не только продуктом целенаправленной «коммунистической идеологизации» сознания, а имеет гораздо более глубокие корни, погруженные как в «коллективное бессознательное» (К.-Г. Юнг), так и релевантные ему «габитусные практики» (П.Бурдье) в определенный способ рационально структурированных сообществ². Причем при отсутствии демократических основ организации общественной жизни и гражданского общества, собственно, отсутствия правовых законов и норм, начинают доминировать социально конституированные габитусы³, а идеологическая роль переходит к определенным сакрализованным ритуалам и праздникам как способа организации и воспроизведения коллективного бытия, в котором доминирует этос и верования.

«Ментальности - это тюрьмы, в которые водворено время большой длительности», - цитируя А.Гуревича, пишет М.Попович. При этом подчеркивается, что изучая ментальность, мы имеем дело не со своей копией в прошлом, а с *Другим* - другим человеком, человеком другой ментальности, которую нужно учитывать (28,с.5). С этой точки зрения, раскрытие ментальности «советского человека» как типа массовой авторитарной личности дает возможность показать не только «исток и смысл русского коммунизма», что основывается на идейном альянсе русской православной церкви и ее мессианизма с революционным народничеством и большевизмом (Н.А.Бердяев), а и - глубже - роль платоновской философии в генеалогии «Русской Идеи» и многих

---

² Как в номенклатурно-бюрократическом, государственном лексиконе, так и лексиконе обыденного общения отсутствовало даже слово «гражданин» - исключение составляло лишь уголовное право и соответствующая лексика тех его субъектов, которые противопоставили себя нормам коллективной жизни сообщества (что мнимо строилась на товарищеских взаимоотношениях): здесь образовалось и утвердилось словосочетание «гражданин начальник».

³ «В тех социальных формациях, в которых воспроизведение отношений доминирования, а также экономического или культурного капитала не обеспечивается объективными механизмами, неустанная работа по поддержанию связей личной зависимости была бы обречена на поражение, если она не могла опираться на стабильность социально конституированных габитусов, неустанно усиливаемых индивидуальными или коллективными санкциями. В этом случае социальный порядок принципиально базируется на порядке, который царит в головах людей и на габитусах» (13, с. 93.).

менее значимых «русских идей и идей» (31,с.39).⁴ Оказывается, что модель познания, которая лежит в основе институализированной (а значит, и социально ритуализированной на разных уровнях) легитимации «русской идеи» максимально приближена к Платоновой модели познания-восхождения, нежели к современным эпистемологическим концепциям познания-анализа, питаемых аристотелизмом как внутренней формой западной культуры (см.:1, с.738).

Платон, по мнению М.Элиаде, может считаться философом преимущественно «первобытной ментальности», или же «племенного сознания», онтология которых имеет дуальную (неизменный мир идей / изменчивый мир вещей) структуру. Таким образом, обосновывается взгляд на мир, согласно которому предмет или действие предстают реальными только в той мере, в какой они имитируют или повторяют архетип (46,с.55). Своеобразно дополняет это суждение К.Поппер, когда пишет: «Платон сокрушался о потерянной единстве племенной жизни. Изменяемый мир, сотрясаемый социальными революциями, казался ему нереальным. Только стабильное целое, то есть крепкий коллектив, а не смертные индивиды, имеет реальность. Поэтому индивид «по природе» должен подчиняться целому, являющемуся не простым агрегатом индивидов, а «естественным» объектом более высокого порядка» (29,с.116). Здесь, как в первом, так и во втором случае, ставится проблема структуры и функционирования архаических форм коллективного (или как пишет К.Поппер «племенного») сознания и его носителей - некой «коллективной личности»⁵.

---

⁴ Здесь важно также вспомнить мнение А.Лосева, которое служит эпиграфом к данной статье: «Советская власть держится только благодаря платоническим воззрениям русского народа» (А.Ф.Лосев в рецензиях ОГПУ. Источник. Документы русской истории, 1966, № 4. С.124) (См.:31).

⁵ Сравн.: Дж.Роулз предполагает, что личности (persons) могут возникать как нации, провинции, церкви, команды и т.д., поэтому принципы справедливости могут быть применимы в ситуациях конфликтных притязаний, возникающих в этих разных типах ассоциаций. (John Rawls A Theory of Justice, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.S.245). Для обозначения «коллективистских сообществ» иногда предлагается также термин «множественный субъект» (М.Гилберт), который, по мнению В.Навроцкого, дает возможность доказать, что речь идет не о межличностных отношениях, не об интересубъективности, а об

Абстрагируясь от обсуждения этих специально профессиональных проблем, выделим лишь важную для анализа нашей темы позицию: коллективные представления складываются внутри первобытных коллективов на основе архетипов, которые могут быть истолкованы не только как структуры коллективного бессознательного (К.-Г.Юнг), но и как образцы для подражания («парадигмы»-М.Элиаде). Это, на мой взгляд, позволяет выявить и проследить смыслопорождающие структуры сознания во взаимокорреляции феноменологического (описания форм опыта) и логического (дискурсного обоснование) анализа. Такой подход делает возможным раскрытие первоначальных архетипических коллективных представлений в рациональных концептуализациях, которые в своем обосновании опираются на структуры архаического мышления. Непроясненность и неявное действие этих структур в концептуализации вызывает мифологизацию в осмыслении опыта жизни и истории, что особенно опасно, когда предметом такого осмысления предстает история жизни народов, этносов, наций. Отличительной особенностью такого подхода предстает то обстоятельство, что ведущую роль в мифо-созидательных концептуализациях истории приобретает платоновская эпистемология, что вырастает, как показывают М.Элиаде и К.Поппер, из недр архаического («племенного») коллективного мышления.

М.Элиаде прямо писал: «Великой заслугой Платона остается его попытка теоретически оправдать взгляд архаического человека, пользуясь диалектическими средствами, которые предоставляла в его распоряжение духовная культура его эпохи» (46, с.56). Он утверждал, что Платон может считаться философом по преимуществу «первобытной ментальности» («первобытного мышления») и был мыслителем, который сумел наделить философской ценностью способы существования и поведения архаичного человека. Реальность в платонизме достигается

общности человеческой субъективности, которая бы предшествовала осознанию последней различия себя и другого. Здесь любая интеракция является типичной для всех ее представителей, но не для индивидуалистических сообществ, которые образуются именно для того, чтобы каждый мог достичь своих целей безотносительно к общей цели (См.: 26, с. 84).

исключительно путем повторения или же участия: все, что не имеет образцовой модели (идеи) лишено смысла, иначе говоря, ему не хватает реальности. Отсюда - стремление людей быть «архетипичными» в своих действиях и поведении. *Имитация архетипов и повторения парадигматических действий как будто отменяет время.* Отмена «земного» времени и перенос человека в мифическое время происходит только в существенные периоды времени, когда человек является в действительности самим собой, то есть в моменты осуществления обрядов или же других важных действий (еды, рождения, церемонии, войны, труда и т.п.). Другая часть его жизни происходит в «мирском» времени, которое лишено значения, - в «становлении». Затем устанавливается неоднородность этих двух времен - сакрального и профанного (46, с.55,56, 57).

Человек архаических культур с «племенным сознанием» периодически пытался преодолеть «историю», и через повторение архетипа сам превращался в архетип. Так воин, который имитирует поведение «героя», в ритуале пытался максимально уподобиться архетипической модели. События реальной земной жизни расчленяются и интерпретируются в соответствии с вневременной моделью. Архаическая память племенного сознания является общинным образованием и трудно удерживает отдельные «индивидуальные» события и «настоящие» лица. Она функционирует благодаря действию других структур: вместо событий - категории, вместо исторических лиц - архетипы. Вследствие этого *коллективная память неспособна сохранять исторические события и людей* (там же).

О платонизме г-на Дугина как человека с «племенным сознанием» говорят уже приведенные выше слова о «высокости» идеи «русского мира». Вспомним: «этот образ мы носим в своей душе. Он просто еще не родившийся. Мы чреваты им. Это образ духовности и справедливости». Важным является «чтобы это было слово духа и красоты, а не слово уродства и материи, прагматичности». Что это собственно платоновский образ мышления, платоновский дискурс становится понятным, когда мы обращаемся к раскрытию А.Лосевым социальной природы платонизма. «Чтобы изобразить социальную природу платонизма, надо знать, что идея сама по себе есть бытие абстракции...» (23,

с.773). Из «Идеи» Платона «вытекает вполне *определенная* и только *одна-единственная* социальная сисиема...его «Идея» насквозь социальна, а его социальность насквозь «идеальна»» (там же). И далее: «Платон дает концепцию, в которой *личное растворяется в общем до полной потери своей самостоятельности*. Социальная философия Платона пре-исполнена стремлением к *единству, к общему, к такой социальной жизни*, которая бы во всех своих моментах оказывалась чем-то нерушимо единым и согласным (там же, с. 808). «Главная и единственная цель Платонова государства - насаждение *«справедливости»*... Справедливость по Платону, есть мудрое равновесие всех сторон души, всех добродетелей души и след., всех классов общества. В платоновском понимании справедливости - на первом плане момент *единства*, и притом *структурного, статутарного* единства, где никакой отдельный элемент не обладает решительно никакой самостоятельной силой и значением» (там же). «И вот оказывается, что вместо действительного равновесия общего и личного в социальной жизни мы находим *полное поглощение личного общим*, находим в нем только ту самостоятельность, которая не превышает са-мостоятельности отдельных членов и органов тела в скульптурном изваянии в отношении его целого» (там же, с.811). Платон с большой энергией отбрасывает всякий индивидуализм, и плохой и хороший. Справедливость 1) не есть воздаяние каждому должного, 2) не есть делание добра друзьям и зла врагам, 3) не есть то, что сильный считает полезным (если атлету полезна говядина, то это не значит, что такая пища «полезна и справедлива» для слабейшего физически). Горести и радости должны быть совершенно общими. Отсюда, следует и общий вывод, что в идеальном государстве не произносятся вместе такие слова как «это - мое», «это - не мое»: *нет и не может быть никакой частной собственности* (там же, с. 809).

А вот что говорится в проекте «Русского мира» у г-на Дугина: «Русское общество не мыслит себя в условиях капитализма, в условиях индивидуализма, раздробления социума на атомы. И свободу мы понимаем совсем не так, как народы Запада. *Субъектом для нас является коллектив (курс.*

Ю.И.), весь наш народ - вот кто должен быть свободен. Именно поэтому мы готовы жертвовать собой во имя общего блага. Свобода без справедливости для нас бессмысленна и непонятна» (см.: 47). То что «свобода без справедливости» бессмысленна - краеугольный камень либерализма, г-н Дугин, по сути, воспроизводя либеральную идею, не замечает и продолжает вещать далее: «Идентичность русского народа - это его стремление сказать *духовное*, важное слово - слово спасения, истины, добра - *в историческом пути Руси*. Для нас важно, чтобы последнее слово в мировой истории осталось за нами. И чтобы это было слово духа и красоты, а не *слово уродства и материи*, прагматичности. Образ русского будущего - «это победа духа над материей, преобразование материи во имя светлой и священной цели» (там же).

Весь этот идейный пассаж идеолога «русского мира», все эти утверждения также делаются в полном согласии с Платоном. А.Лосев, анализируя платоновскую философию, пишет: «Раз целое фактически ... выше и достойнее частного и индивидуального, то это значит, что социально идея выше ее частного воплощения и материального выражения, выше материи. Но если это так, то отсюда и вытекает тот вывод, что *социально* индивидуальность здесь принижена, отсутствует, растворена в целом...что *господствует единое, целое, род, порода* (курс. – Ю.И.), а не личность и не особь, не «материальное» (23,с.811). Казалось бы, что согласно Дугину, «слово духа и красоты, а не *слово уродства и материи*, прагматичности» должно стоять выше материи, тем не менее, в полном согласии с логикой платонизма, оказывается в ее безусловной власти, т.е., как подчеркивает А.Лосев, во власти «материализма»: «Реально, принимая во внимание спецификум платонизма или же, другими словами, *социально* - платонизм есть учение о *субстанциальном примате материи*, о бытийном преимуществе тела и твари, что необходимо ведет к учению о *формально-смысловом примате идеи*, о господстве и преимуществе целого над индивидуальным. Такова логика всякого материализма» (там же, с.812). Происходит своего рода симуляция идеи.

С другой стороны, как видно из приведенного выше пассажа, г-н Дугин, апеллируя к истории, на самом деле, симулирует и ее. Происходит не просто копирование, но, как мы покажем ниже, искажение Платоновых концептов в его дискурсе. Их эксплуатация обусловлена возможностью манипулирования со связанными с ними архетипами, смысловыми коннотациями, ценностями. В философской теории языка Л. Витгенштейна, а также в теории бессознательного З.Фрейда и К.-Г.Юнга утверждается наличие в психике человека трансцендентного бессознательного, недоступного рациональному мышлению и пониманию. Так и Платонова символическая концептуализация идей («смыслов-концептов») хранит в себе опыт предшествующих поколений по взаимодействию с окружающим миром, аккумулированный в архетипах, поскольку «мостиком» между миром бессознательного и миром понимания служит «символ-концепт» как «форма когнитивного освоения содержаний Невыразимого» (Ж.Делез). Согласно семиотической концепции Ж.Бодрийера, симулякр как раз и возникает в результате утраты знаком референциальной соотнесенности, собственно, при отрыве означающего от означаемого и его последующем свободном использовании в ином ситуационном контексте (11, с.4). Имитируя («отменяя время») Платоновы концепты, идеолог «русского мира» создает вместо них симулякры, отрывая процесс означивания от гипостазированного наперед идеального значения. Г-ном Дугиным в его православном «праведническом» Русского мира *аисторизме* симулируется «идеология» Платона⁶. Вот как это формулирует А.Лосев: платонизм есть ниспровержение всякого либерализма, ведь никакой устойчивый режим не может быть либеральным; дело не в критике мифологии, а в том что платонизм хочет насадить догматическое богословие» (23,с.833). Отсюда, у Дугина, как и в платонизме, наука, искусство, философия - по сути «инструменты» богословия.

---

⁶ Сам А.Дугин не отрицает истоков этого, проговариваясь: «Христианское богословие представляет собой не что иное, как развернутую платоновскую топику, наложенную на мессианскую эсхатологическую канву иудаизма (см.: 62)

Эпистемологическая оккупация и платонистический эссенциализм

Верный традиции платонизирующей русской идеи, г-н Дугин дает весьма своевольное и далекое от норм рационального мышления толкование эпистемологии, которое буквально уже в следующем предложении ниже превращается в политический симулякр. «Есть такое понятие - эпистемология, наука о знаниях. *Смысл ее в том (курс. наш –Ю.И.),* что тот, кто управляет знанием, управляет всем, - человек полностью подконтролен той силе, которая устанавливает параметры восприятия действительности. Сейчас Россия находится в эпистемологической оккупации. Речь вот о чем. Существуют зримые признаки оккупации: внешнее управление, отсутствие суверенитета, колониальная администрация, отсутствие вооруженных сил. Но бывает и эпистемологическая оккупация» (см.:47). По строгим эпистемологическим канонам, здесь «ученый» Дугин только симулирует (дает копию без оригинала) некоторые положения социологии знания, раздела о социокультурных условиях производства и трансляции знания, который составляет лишь часть эпистемологии. О том, что данное понятие значительно шире, предлагаемого г-ном Дугиным, свидетельствует изданная в Москве в 2009 году «Энциклопедии эпистемологии и философии науки». Здесь, в частности, дается следующее определение последней: «Эпистемология (теория познания, гносеология) -

раздел философии, в котором анализируется природа и возможности знания, его границы и условия достоверности»⁷.

Однако, для г-на Дугина, озабоченного борьбой с всемирным либерализмом, важен не анализ реальных трудностей и проблем возможной посткапиталистической России, подлинная перспектива которой в условиях глобализации только и может мыслиться как общество знаний (см., напр.: 5). На первый план у него, естественно, выходит «восстание эпистемологической колонии против глобальной олигархии, которая по ряду параметров держит нас под своим контролем. А возглавляет восстание Путин» (там же), - торжественно, явно рассчитывая на аплодисменты официального Кремля, восклицает Дугин. Но «драма в том, что мы еще не уверены, хватит ли у нас сил, решимости», - тут же сетует наш идеолог. «Мы, - далее, наполняя грудь пафосом обиженной справедливости, продолжает он, - не понимаем, насколько глубоко либеральный тоталитаризм поразил наши нервные центры, проник в сознание людей. И насколько серьезна и опасна такая оккупация. Только самый радикальный, маргинальный сегмент этого либерального оккупационного контура выступает против Путина открыто - в лице «пятой колонны» на марше предателей. Основная же часть находится внутри. Она встроена в систему российского государственного управления с 90-х годов, а может быть, и раньше. Я называю это «шестой колонной». Нам нужно вести борьбу с «пятой» и «шестой» колоннами». «...Идет война. Это не наша война, нам ее навязали. Но мы сделали ее своей священной войной. Мы поднялись на защиту Русского мира» (см.: 47). Заключительные слова этой тирады, конечно же, не могут не вдохновлять на практические действия «Русское имперское движение», впрочем, занесенное Госдумой России в индекс запрещенных фашистских идеологий.

Г-н Дугин временами просто впадает в истерику, говоря об эпистемологической оккупации. Это, с его точки зрения, «когда то или иное общество или страна оказываются в концептуальной или интеллектуальной зависимости от гегемона». Таким гегемоном,

---

⁷ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация».- 2009.

согласно интеллектуальным притязаниям, лежащим в основании политического проекта и дискурса «русского мира», конечно же, оказывается либерализм. «Ничтоже сумняшеся» А.Дугин торжественно вещает: «Россия живет (?- курс.Ю.И.) по либеральной конституции, скопированной с западных образцов, руководствуется либеральными принципами экономики, навязанными нам Западом. Следует либеральным установкам в культуре и образовании. Мы живем в условиях либеральной диктатуры (Во как!!! Что называется, говоря словами Бориса Ельцина, «дожились россияны»!– курс. везде наш - Ю.И.). Если человек не признает нормативов и догм либерализма, он маркируется как бунтовщик (?!-Ю.И)». Однако спросим себя: где это мы все видим в современной путинской России? Впрочем, оставим на совести г-на А.Дугина подобные и «иже с ними» утверждения. Поистине *sunt cuique*⁸, или же, если припомнить Козьму Пруtkова:

Мне в размышлении глубоком,
Сказал однажды Лизимах:
"Что зрячий зрит здоровым оком,
Слепой не видит и в очках!"

(Эпиграмма No.11 <1854>.
Сочинения Козьмы Пруtkова).

Этой эпиграммой мы несколько не хотим обидеть господина Дугина. Да, социальная («эмпирическая», если уж рассматривать ее в терминах эпистемологии) действительность современной России, как, впрочем, и многих других республик бывшего СССР, просто «приговор», так и хочется сказать, «буржуазному либерализму» и, вместе с ним, «пресловутой» «западной демократии»: тут тебе и все их «грехи» - наркомания, алкоголизм и проституция, и геи с лесбияками, и ночные клубы с стрипбарами, и арт-бизнес-шоу на ТВ и в натуре, перемежающиеся с «шоу» мордобоев футбольных фанатов, и криминальные разборки, убийства и похищения, соседствующие с неимоверной чиновничьей коррупцией, и дорогие автомобили с космической цены костюмами, мехами и жемчугами их владельцев, и

---

⁸ *каждому свое (лат).*

разбросанные по всему миру особняки, немыслимые без финансовых спекуляций банков, растущих как грибы на всяком углу городов и городков необъятной России, и еще до недавних пор множество «Макдональдсов» с «пепси», в общем, «консюмеризм» и все плоды «американского образа жизни» и, простите, «гнилого западного либерализма»⁹.

Если же разбираться в этом конгломерате «означающих» социальной действительности, то в целом, с точки зрения социологии - это одновременно структурные элементы современного, все более костенеющего в своем маразме, государственно-олигархического российского капитализма, и «цветочки» консюмерной, глобальной массовой культуры, легко проросшие в опустошенной душе «советского человека», с их гламурными лепесточками, легшие как бальзам на раны, изъеденного коростами постоянных дефицитов, избыбшего и изголодавшегося, а часто-густо и бездомного в последнее время тела «гомункула», чей «адрес не дом, и не улица»...

Что ж, нам, как и г-ну Дугину и его сподвижникам, от этого нисколько не легче, и мы не только душой, но и всем нашим «еством» также возмущены этими «безобразиями». Скажем даже больше, возмущены всем этим вплоть до кончиков уже выросших постсоветских ногтей, которые - тут мы, правда, не всегда себя понимаем и, соответственно, правильно решаем - то хочется маникюрить, то отращивать до когтей... Естественно, что эта, прямо таки апокалиптическая, картинка становится просто нестерпимой в свете приятия платоновского дуализма неизменных, спиритуализованных сущностей-идей и чувственного, быстро стареющего, дольного мира консюмерных вещей. Ведь в контексте такого приятия возникает вполне справедливое и, конечно же,

---

⁹ Правда, есть и иное, сугубо российское, и глубоко имперское измерение «эмпирии» социальной действительности современной России, впрочем, натуралистически, через витальные потребности, и связанным с ними биологическим самосохранением, зависимое от вышеозначенных процессов - это милитаризация страны и защита русскоязычного населения под соусом патриотизма: русский человек должен быть вначале русским и только потом человеком, - заявляет Дугин. Но об этом ниже.

нравственное и благородное негодование самой Платоновой эпистемологии, фундированной гипостазированием всеобщих понятий (идей) Блага, Добра, Истины, Красоты и, милой сердцу г-на Дугина, Любви к Богу, Мудрости и Справедливости относительно несовершенной, перверсивной формы их нудительного воплощения в материальном мире. И как тут не понять пафосных сентенций нашего «святого» в своей платонической простоте идеолога: «Запад надо отвергнуть как катастрофу. Это упадническая цивилизация, разрушившая основы нормального и здорового общества. Запад, начиная с Нового времени, сошел с ума. Он распространяет свое безумие, свои припадки хищного захвата и духовного вырождения, сопровождающиеся адом раскрепощенной техники и декадансом индивидуализма на весь мир. Это называется «глобализацией». Радикальный отказ от Запада - это и есть русский ответ» (см.:47). Осмелимся заметить, внимательный читатель, что, с точки зрения здравого смысла и социологии, это все же не следствие «эпистемологической оккупации», а в лучшем случае, если отбросить все идеологические aberrации, - плоды информационной деспотии СМИ и интернет-сетей, тиражирующих как высокие знания и ценности, так и всякую дрянь массовой культуры, соответственно, воспитывающие как достоинство, мужество, мудрость, так и невежество, бескультурье, неврозы уязвимых, страдающих, слабых и беззащитных перед стихийными бедами природы и социума людей...

Все же, будем мужественными перед потоком какой-либо риторики, включающей и риторику «русского мира», и присмотримся ближе к дискурсу предлагаемых г-ном Дугиным мер борьбы с «эпистемологической оккупацией». «...Сегодня можно говорить, что мы имеем дело с восстанием в эпистемологической колонии» (см.:47) - горделиво величает новоиспеченный пророк. Но симптоматично: освобождение от этих либеральных эпистемологических пут он тут же переносит в практическую плоскость решений, жидуемую, как бы вы думали, (о, да! и конечно же!)... ценностями и идеологией любой его сердцу «русской идеи» (как тут не вспомнить И.Ильина с его платонистической эпистемологией, обретающей форму возвышенного поэтического дискурса «любовного сердечного

созерцания», в чем тот как раз и видит своеобразие «русской идеи»). А г-н Дугин, вдохновленный таким, отвечающим его ценностному миру (тут следует только искренне порадоваться за верность своим убеждениям г-на Дугина), сделанному и каждый раз дискурсно утверждаемому, выбору продолжает вещать: «Россия настаивает на своем суверенитете, на своей свободе, отвечает на вызовы, которые ей бросают, например, на Украине (?! –Ю.И.). Она пытается интегрировать постсоветское пространство, отстаивает свои национальные интересы в Новороссии» (там же). Однако... «абзац»: это уже не из области эпистемологии, а политики, точнее, это – откровенный экспансионистский, политический и националистический, дискурс. И за этим дискурсом, таится, несомненно, «тень» возрожденного при Путине «советского человека», а точнее – «массового человека», того, что означено как «все мы из СССР», т.е. «коллективного бессознательного» современных россиян (и, к сожалению, не только, россиян!), вошедшего и в ментальную структуру личности адресанта данного дискурса¹⁰.

На уровне же своего сознательного «Я», которое г-н Дугин пытается реализовать в своих «исторических изысканиях», адресант данного дискурса, говоря его же словами, действительно «оккупирован эпистемологией», но, как мы уже видели, эпистемологией платонизма и, соответственно, специфически Платоновым эссенциализмом. Естественна для такого рода «платонистического мышления» и апелляция к сущности. Основы такой логической связи показал, в свое время К.Поппер, хотя имеем и более ранние указания на это других философов. Но вот что, собственно, отмечал, английский эпистемолог: Платон распространил «свою веру в совершенное государство, которое не меняется, на мир «всего сущего». Он полагал, что любому роду обыкновенных деградирующих сущностей соответствует совершенная сущность, не знающая упадка. Эта вера в совершенные и неизменные сущности, которую обычно называют *теорией форм или идей*, стала центральной темой его философии»

---

¹⁰ Этим, в частности, объясняется столь огромный успех путинской машины пропаганды с ее симпатией к геббельсовской.

(29, с.53). С этой верой у Платона связана, подчеркивает К.Поппер, утопическая попытка достигнуть идеального государства, используя проект общества в целом», что «требуется сильной централизованной власти немногих и чаще всего ведет к диктатуре» (там же, с.202). «Спасти утопический подход может лишь платоновская вера в абсолютный и неизменный идеал, а также два дополнительных допущения: что имеются рациональные методы, позволяющие раз и навсегда определить (а) сам идеал (b) наилучшие средства его достижения. Лишь эти весьма смелые допущения могли бы позволить нам согласиться, что утопическая методология не является совершенно бесплодной. Однако и сам Платон, и наиболее ревностные платоники согласились бы с тем, что допущение (а), конечно же, ложно – рациональных средств определения конечной цели не существует и если что-то и может в этом помочь, то только своего рода интуиция. Поэтому при отсутствии рациональных методов любые разногласия между сторонниками утопической инженерии приводит к подавлению разума силой. Если при этом и будет достигнут какой-то прогресс, то не благодаря принятым методам, а вопреки ним» (там же), - писал автор книги «Открытого общества и его враги».

А вот что (если оставить в стороне все его притязания на знание истории, социологи и др. наук, и связанные с этим домогательства на рационально-дискурсивные средства и методы мышления, которых по сути то и не обнаруживается в его мысли) непосредственно свидетельствует об эссенциализме как основе фундаментализма «геополитического дискурса» г-на Дугина. Первое на что мы зачастую попадаем - это: «Мы никогда не забывали о нашей сути (*курс наш – Ю.И.*) - только тоталитарная либеральная идеология пыталась выкорчевать *все формы* (Sic! – еще один кульбит мысли!!!) мессианства». Отсюда, становится более чем прозрачный вывод: «Суть наша (читай почитателей «русского мира» -*Ю.И.*) - в мессианизме» (см.: 47).

Примечательным тут является то, что на основе методологического эссенциализма (=платонической онтологии) дискурс обоснования у г-на Дугина ситуативно конструируется путем курсирования (движения «туда-сюда») речи от «сущности» к «истине», от «истины» к «правде», от «правды» к «идентичности»,

т.е. по сути, имеем замену (подмену) имен, которыми *означивается* «Главное означиваемое» - «идентичность русского народа», а таким образом, и поданая сквозь призму его мессианизма и исторической миссии уже и «евразийская идентичность России». «Евразийская идентичность России составляет сущность нашей исторической миссии. У России есть свое представление о логике истории, о *Правде мира* (курс. наш – Ю.И.). Поиск этой Правды (= сущности – Ю.И.) и утверждение ее есть содержание национального исторического бытия. Эту Правду, верность ей отстаивали наши предки, многие поколения русских людей, россиян, клавших жизнь на алтарь Отечества. Отстаивать эту миссию мы обязаны и в дальнейшем. Это наш исторический завет» (см.:47), - вещает наш идеолог. С точки зрения дискурс-анализа этот пассаж напоминает листовку, является прокламацией намерений и выступает как послание наотрerefлектированного блока информации - тривиальный сигнал-месседж.

Проследим далее конструирование дискурса как ситуативного использования специфически профетического языка в текстах Дугина. Следующим шагом в таком «курсирующем» «туда-сюда» дискурсе является то, что гипостазированная идея наделенного мессианскими полномочиями русского народа превращается в онтологическую евразийскую сущность «русского мира». Это уже не просто особое геополитическое образование, а «особый мир». «Как историческая общность (народ), как уникальный хозяйственный и социальный организм, как особое геополитическое образование - мы представляем собой законченную самостоятельную систему, вписанную в общий планетарный баланс цивилизаций, культур, народов, религий и государств. Утвердить и сохранить наше многомерное своеобразие - наша главная задача» (см.:47). Тут уже желаемые события (задача) вписываются в вымышленное символическое пространство посредством означивания, прикрепления к именам, переходящим в навешивание «иконок-знаков».

Точно таким же образом далее выводится и «культурная» и «цивилизационная» идентичность, и «особый путь» «русского народа» / «русской идеи»/ «русского мира» как реальное гипостазированной Истины- Правды. На разных уровнях «русская

Истина», вещает Дугин, формулируется по-разному, но в каких бы терминах она ни определялась, ее наличие не подлежит сомнению. Миссия России не сводится к уже осуществленным историческим деяниям и не может быть отождествлена с какой-то имеющейся зафиксированной идеологической формой. Она шире и объемнее того, что уже совершилось, и того, что нашло свое окончательное концептуальное выражение. Проявляясь и в Киевской Руси, и в Руси Московской, и в Романовской России, и в народных бунтах, и в белой идее монархии, и в красной идее большевизма, и в авторитаризме (и тоталитаризме), и в демократии, миссия Россия внешне противоречивая и парадоксальная, превосходила и превосходит все ограниченные модели и формулировки (подробнее см.: 63).

Тут следует отметить, если в классическом евразийстве мы видим связь эпистемологических оснований с обосновывающим концептуальным дискурсом, то у г-на Дугина такая связь вовсе не обнаруживается, или запрятана столь глубоко под идеологемами-месседжами, что их просто не разглядеть. Так, если обратиться к апологетическому дискурсу евразийства у Мартина Байссвенгера (работа «Петр Савицкий и метафизика Евразии» 2008 года), то можно выявить весьма важную эпистемологическую деталь, а именно обращение отцов-основателей к философски-резонирующему комплексу знаний, классически определяемому как метафизика. Вот что М.Байссвенгер пишет относительно теоретизирующего дискурса Петра Савицкого, которому мы, собственно, и обязаны геополитической разработке концепта «евразийство»: **«Непосредственным инструментом для познания и переустройства мира для Савицкого была экономика.** В политической экономике он видел синтетическую дисциплину *par excellence*, содержащую по своей природе и метафизические, и эмпирические элементы. В признании особого эпистемологического статуса экономики Савицкий **следовал** С.Н.Булгакову, дальше развивая его идеи. Последний в своей *«Философии хозяйства»* (Москва, 1912) придавал особое значение человеческому труду, являвшемуся творческим способом воздействия человека на природу, которую тот своим трудом поднимал на более высокий уровень существования. Посредством физического труда человек,

таким образом, приобщался к **миру «софийности»**, сфере божественной мудрости. По мнению же Савицкого, **хозяйственной деятельностью человек осуществлял свое божественное предназначение**, следовал божественному завету: *«Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле»* (Бытие 1:28). Для Савицкого идеальным типом человека, действующего в экономике, был **«добрый хозяин»**, знающий и любящий свое хозяйство и заботящийся о его развитии, так же как и Бог, хозяин мира, заботится о своем творении. По-хозяйски действуя в мире, следуя божьим законам, действуя во благо целого, развивая и не эксплуатируя чрезмерно свое окружение ради сиюминутных материальных выгод, как это делал бы капиталист-предприниматель, **«добрый хозяин»** являлся, по мнению Савицкого, верным **«помощником Бога»** в деле совершенствования мира» (49).

Естественно, что ничего подобного мы не видим в послылах г-на Дугина. Вместо этого имеем очередное послание: Россия представляет собой самобытный цивилизационный комплекс, имеющий ряд отличительных, характерных черт, остающихся постоянными на всех этапах ее истории. Это сложный комплекс составляет идентичность России как государства, русских как народа. Все этапы развития национальной общности обнаруживают наличие единой направленности, четкий вектор, вдоль которого ориентировано историческое бытие русских. Вполне правомочно говорить о наличии определенной исторической миссии России, об осознанном или неосознанном предопределении русского народа. Эта миссия и это предопределение выражаются сложным ансамблем понятий и ориентаций, совокупность которых точнее всего определяется как Евразийский Проект. В цивилизационной, геополитической, культурной, религиозной, территориальной, государственной, этнической, хозяйственной, социальной, стратегической областях **русский народ сквозь время силится познать и утвердить какую-то глобальную, универсальную Истину**, полную грандиозного значения не только для своей нации, но и для всех народов земли (см.:63). Т.е., во всем этом «послании» «русским» мы снова имеем аберрацию платонизма: «историческая

миссия русского народа» мыслится сквозь призму идеи «русской идентичности», последняя репрезентирует самое Идею русскости, а та, в свою очередь, «универсальную Истину», к которой следует еще подняться по Платоновой лестнице познания.

Все это - «идеократия», но не только в смысле тотальной власти идеологии. Это - и такая система знаний, которая, означая власть идей, является как бы посредником между чувственным и сверхчувственным мирами (П.Сорокин). Не трудно заметить, что в этой концепции мы наблюдаем воплощение все той же Платоновой модели. В силу этого неудивительно, что молодой евразиец Ю.Кофнер поддержал предложение другого евразийца развить концепцию **эйдократии** (еще одна «теоретическая» претензия философски малообразованных младо-евразийцев, а попросту, еще один выверт платонизирующей эпистемологии - Ю.И.), которая отличается от идеократии тем, что в ней идея-правительница имеет не субъективный, а универсальный характер. Читаем: общество объединяется не вокруг одной конкретной идеологии, субъективно определенной какой-то одной партией, а вокруг общего «эйдоса», по-современному «национальной идеи», с которой большинство социальных групп населения может согласиться. В реальности это означает, согласно Ю.Кофнеру, что правящий слой отбирается по признаку преданности более-менее обширной евразийской национальной идее, в рамках которой разрешается широкий спектр политических убеждений, но исключаются анти-национальные для России-Евразии явления как: рабское западничество, фашизм, национальный шовинизм, и т.д. Ну, а далее следует вообще «эпистемологический шедевр»: определить **общеевразийский эйдос** возможно через проведение народного референдума-опроса (подробнее см.: 48). Вот такая «наука»...

Этот, с позволения сказать, научный дискурс, является своего рода эхом эпистемологических штудий г-на Дугина, представленных, в частности, в его книге «Четвертая политическая теория» (2009г.), «штудий», которые на поверку во многом оказываются пересказом положений «теорий» А. де Бенуа¹¹ и их проекцией на просторы России.

---

¹¹ Аллен де Бенуа (р.1943) - французский философ, главный европейский теоретик «Новых Правых», сторонник многополярного мира, противник глобализации, и по его словам, планетарного господства США. Отстаивает мысль, что сакрализация прав человека в соединении с коммерциализацией всех сторон жизни привела к их превращению в «идеологическую арматуру

Так же как и французский теоретик, г-н Дугин базирует свои рассуждения на теории К.Шмитта «больших пространств», с помощью которой в рамках славянофильской традиции (Данилевский, Леонтьев) толкования цивилизаций как культурно-исторических типов декларируется актуальность концепта «империи» для современного мира, особенно же России, защищается ценность войны как одной из скрижалей консервативной идеологии и отрицается пропагандируемая Западом «толерантность» как форма агрессивного навязывания им своих ценностей всем остальным культурам и цивилизациям. Множественность «эпистем», построенных на началах каждой из существующих цивилизаций (евразийская эпистема для русской цивилизации, китайская – для китайской, исламская - для исламской, индусская - для индусской и т.д.) живо напоминают «номосы» Шмитта, но они идеологичны. Естественно, в таком «прочтении» эпистемы теряют свое собственно эпистемическое содержание. Вспомним, что, исходя из понимания языкового характера мышления и рассматривая деятельность человека сквозь призму «дискурсивных практик», М.Фуко постулировал для каждой исторической эпохи существование специфической «эпистемы» - проблемного поля обретенного на данный момент «культурного знания», что создается «дискурсами» разных дисциплинарных матриц науки; эпистемы реализуются в речи как языковой код - система «запретов-разрешений» мыслить «так, а не иначе». У Дугина же они превращаются в некие национально-культурные (собственно, идеологические) типы мышления. Далее у него происходит «кульбит» от толкования эпистем как неких

глобализации» и орудие господства над людьми. Проблема свободы не может быть решена в рамках права или морали и есть, прежде всего, вопрос политический, который только политически и может быть решен. В 2007 году вышла его книга «Карл Шмитт сегодня». В ней обосновывается, что Сегодня, в продолжающейся войне «Суши и Моря», устанавливается новый «номос земли» (К. Шмитт) - номос многополярности, противостоящей навязанному силой концепту глобализации. Этому «новому номосу» должна соответствовать, согласно Алену де Бенуа, новая, «четвертая политическая теория» - четвертая в противовес ушедшим или уходящим в прошлое либерализму, фашизму и коммунизму. Книга «Против либерализма (к четвертой политической теории)» (2009) описывает основные принципы европейской континентальной идеологии, в центре которой стоят ценности европейской идентичности, традиции континентализма в противовес атлантизму. Выступает за демократию соучастия, субсидиарность и новые империи (большие пространства) против несовершенной представительной демократии и государств-наций. Поддерживает политику современной России.

«национально-культурных типов» к их рассмотрению как внутрицивилизационных гносеологических способов мышления. Евразийство (что, конечно же, является тут главным предметом забот идеолога Русского мира), в такой системе координат, предстает как *гносеологический плюрализм*, противостоящий унитарной эпистеме модерна, включая науку, политику, культуру, антропологию (18, с.50). Вводится концепт «эпистемы» как инструмент исследования, но уже не на уровне «цивилизационного подхода», а на уровне идеологического анализа, с помощью чего г-н Дугин пытается далее объяснить не способность современной России сформулировать консервативной проект. Логично, что из такой подмены vyplывает следующая сентенция: фундаментальный эпистемологический дефицит, который «связан с результатами советского влияния и последующей за ним либеральной волны в гуманитарных и социальных дисциплинах», как раз и не дает возможности это сделать.

Под такой «эпистемологический дефицит», чувствуя всю расплывчатость формулировки, Александр Гельевич, видимо, так же вслед за де Бенуа пытается подвести философскую базу. Но делает он, в отличие от французского автора четвертой политической теории, в лоб, заявляя: и коммунизм и либерализм основываются на *примате времени над бытием*, они полагают всю реальность *в становлении*. Однако обоснование этого радикального философского тезиса ведется вовсе не в философской плоскости (хотя, глубокомысленно говорится, что «уместно привлечь философскую модель Хайдеггера, в центре которой стоит вопрос о бытии»), а путем «эмпирической» апелляции к некорректно (прямо по детски) прочитанному психоаналитическому опыту бессознательного («самым устойчивым в человеке являются его сны, грезы, мечты, глубинные движения души. Человек динамичен на поверхности сознания, в глубине – в бессознательном – он статичен и живет вне времени. Сюжеты сновидений не меняются, меняются оболочки. Самолет, поезд или ракета суть выражение грез об ангелах и волшебных скакунах, которые были всегда»). Кстати, и сам Хайдеггер прочитывается совсем не по Хайдеггеровски: история, длительность, *Zeit есть функция* (!? – Ю.И.) *от бытия*, пишет Дугин, а далее следует поток бездоказательных утверждений, «чудно» привязанных к своевольно интерпретируемому консерватизму. Послушаем: «Бытие первично, время вторично. Это значит очень многое. В этом - секрет консерватизма. То, что принадлежит к бытию, превосходит время и не зависит от времени. Поэтому то, что настоящему было, обязательно есть и сейчас, и будет завтра. Более того, то, что будет завтра, обязательно было вчера и есть сегодня, так как время не властно над бытием. Напротив, бытие властно над временем и

предопределяет его структуру, его ход, его содержание. Именно это делает возможными позиции консерватора не только в отношении к прошлому и настоящему, но и в отношении будущего» (там же, с.58).

Таким образом, перебрасывается спасительный для нашего евразийца мостик, с одной стороны, к христианской эсхатологии, а с другой - к консервативному пониманию человека. В единстве они, по замыслу г-на Дугина и образуют «антропологическое» ядро четвертой политической теории. Если в первом случае, происходит «нащупывание точки концентрации бытия в будущем, которая не является условностью или произвольной фантазией, абсолютно реальна уже здесь и сейчас», что, собственно, и описывается христианской эсхатологией (а консервативный проект также «видит впереди страдания, тревогу, ужас, страх, бедствия, катастрофы, однако, также он видит триумф, победу, нисхождение на землю Небесного Иерусалима, вселенское обнаружение вечности и упразднение смерти»), то во втором - необходима «деконструкция» западно-европейского универсализма и обоснование на этой основе имперской идеи, однако прочитанной в духе конструируемой здесь же попутно и «должно» понимаемой консервативной антропологии. Консерватор, в отличие от коммунистов и либералов, провозглашает Дугин, не стоит на стороне «маленького человека» (во всех смыслах), он ратует за «большого человека», за «*homo maximus*», он везде любит великое, и в человеке он любит великое и высокое. Человек, в его «максимально гуманистическом» понимании, мыслится как посредник между Небом и Землей. Он стремится в самом себе воплотить противоположности мира - верх и низ, любовь и смерть, восторг и страдание, жизнь и дух, плоть и божественность. Под знаменем такого человека выступает консерватор (18, с.60). Вот тут то и вырастает в рассуждениях г-на Дугина подлинно циническое, вполне в духе так толкуемой «консервативной идеологии» неоевразийства утверждение: «Империя - большой человек...Это высшая форма человечности, высшее ее проявление. Ничего гуманнее Империи не существует. Империя – это горизонт человека, горизонт общества» (там же). За ним маячит, как бы ни клялся, Дугин понятием «русского человека» призрак Великого Инквизитора Достоевского. Этот Великий Инквизитор, на самом деле, подчеркивал П.Слоттердаик, предстает как «буржуазный философ, занятый философией истории, - философ русско-православного профиля, трагически перекрашенный в черный цвет тайный гегельянец» (36,197). Но в этом образе он уже - «прототип современного (политического) циника. Его горькая антропология нашептывает ему, что человек должен и хочет быть обманут. Человек нуждается в порядке, а порядок нуждается во власти, власть же нуждается во лжи. Тот, кто желает властвовать, должен в

соответствии с этим сознательно использовать религию, идеал, обман и соблазн, а также (в случае необходимости) и насилие. Для него все - даже из области целей - становится средством; современный деятель, занимающийся большой политикой, является тотальным «инструментом» и манипулятором ценностями» (там же, с.195). Г-н Дугин, судя по его имперским претензиям на главного идеолога Русского мира и Новороссии, несомненно, является таким «деятелем» «большой политики».

В духе подобного же произвольного «эпистемного конструирования» и манипулирования ценностями, целиком в русле платонизма, далее г-ном Дугиным гипостазирована «трихотомия Империи». В предлагаемой им «логике» эпистемных переворотов, получаем то, что и «консервативный проект евразийства» в самых общих чертах должен быть основан на такой же трихотомии. Тут уже за основу г-ном Дугиным берется «эпистема» антропологии святого апостола Павла, которая является «трихотомической, выделяющей в человеке дух, тело и душу». Эта трихотомия, торжественно заявляет наш неоевразиец, «в полной (и добавим мы - Платоновой) мере применима к *структуре идеальной Империи*» и формулируется следующим образом: пространство, народ и религия (см.: 18, с.60).

Отсюда, всплывает в рассуждениях идеолога и «тройственная структура консервативной эпистемы». Если мы рассмотрим приведенную выше трихотомическую структуру, заявляет он, то обнаружим среди всего объема научных дисциплин три осевые дисциплины. Высшая из них – это богословие, и оно должно быть венцом образования, без него вся консервативная эпистема будет неполной и повиснет в воздухе. «Богословие – это царская наука, наука наук, не просто одна из гуманитарных и социальных, но главная, а все остальные науки – это путь к богословию» (там же). На втором уровне следует поставить этносоциологию - это фундаментальная наука Империи и консервативного проекта. И, наконец, третья дисциплина - это наука о пространстве - геополитика. Немудрено, что богословие, этносоциология и геополитика составляют, по Дугину, трихотомическую структуру образования в «консервативном понимании». Преподавание других социальных и гуманитарных наук должно выстраиваться вокруг этих трех осей, согласовываться с ними, ориентироваться на их силовые линии (там же, с. 60, 61).

Когда речь у Дугина заходит о «деконструкции», конечно же, ему трудно обойтись без повторов, вслед за А.де Бенуа, комплиментов в адрес структурализма, «преодолевающего диахронию синхронией», походя, вдруг, обнаруживая в этой плоскости связь с мышлением классических

евразийцев. Оказывается евразийцы Роман Якобсон и Николай Трубецкой, основатели фонологии и крупнейшие представители структурной лингвистики, «были учителями Леви-Стросса» и, оказывается, «обучили его навыкам структурного анализа» («что сам он охотно признавал»). Таким образом, гордо заявляет Александр Гельевич, прослеживается, (как бы вы думали, ну, конечно же!) «интеллектуальная цепочка евразийство - структурализм - неоевразийство» (там же, с.50). Само «неоевразийство», естественно, становится восстановлением широкого спектра идей, прозрений, интуиций, которые наметили первые евразийцы в своей нисколько не меньше «консервативной ориентации» (там же).

Сама «деконструкция» также весьма вольно истолковывается г-ном Дугиным. Дело в том, что он обуреваем благородной с методологической точки зрения консервативной эпистемы целью - деконструкции понятия «цивилизации», «извращенной в прежних эпистемах». Поэтому с места в карьер он заявляет о необходимости применить здесь структуралистский подход. Но тут мы находим весьма спорные и декларативные утверждения, которые, однако, рядятся под структурализм. Так он прокламирует: в соответствии с **общей логикой этой операции** («деконструкции» - *Ю.И.*) **следует подвергнуть сомнению необратимость и новизну** того, что составляет основные характеристики «цивилизации» по контрасту с «дикостью» и «варварством» (там же, 98). Даже приблизительная деконструкция «цивилизации», продолжает он, показывает, что претензии на преодоление прежних фаз - иллюзии, **на деле большие и «развитые» коллективы людей, объединенные в «цивилизации», по сути, просто на ином уровне повторяют архетипы поведения и ценностные системы «дикарей».** Отсюда бесконечные и всё более кровавые войны, двойные стандарты в международной политике, разгул страстей в личной жизни, постоянно взламывающих этические нормативные коды умеренных и рациональных обществ. Сегодня преобладает **синхронистическое и плюральное понимание «цивилизации».** С этими предварительными замечаниями, резюмирует Дугин, можно подойти к тому, что мы вкладываем сегодня в понятие «цивилизации», когда «развиваем тезис Хантингтона (вот и итог такой деконструкции! - *Ю.И.*) о «столкновении цивилизаций» **или** возражаем ему с экс-президентом Ирана Хатами, настаивая на диалоге цивилизаций». Деконструкция в таком истолковании предстает ни чем иным как тотальным инструментом циничного манипулирования ценностями, о чем мы говорили выше.

Между тем, с точки зрения современной, а не в духе г-на Дугина, эпистемологии «деконструкция» является особой стратегией интерпретации. По Деррида, тексты являются открытыми для гораздо

более радикальной множественности и дифференциации значений. Он исходит из того, что до любого значения или понимания на функционирование языка всегда оказывает влияние интерпретация. Соответственно этому пониманию языка, интерпретация для Деррида означает некий вид критики, который он называет деконструкцией. Следуя определенным ключевым понятиям и словам, она деконструирует смысловые центры и иерархии, которые находятся в текстах, и показывает, как они контингентно организуют производство значений. *Деконструктивная критика является не только конструктивной, но, в противовес утверждениям Дугина, и конструирует одновременно нечто новое.* Она строит и перестраивает. Однако при этом она не оставляет после себя никаких прежних субъектов или значений неизменными. *Если рассматривать интерпретацию в широком смысле как вариативную гносеологическую стратегию работы с текстом, то деконструкция является одной из них и может быть названа интерпретативной стратегией, но в случае, когда мы понимаем под интерпретацией определенный метод истолкования, деконструкция не может быть сведена к нему, и именно этот метод она преодолевает.* Применение деконструкции рядом с другим способом мышления не исчерпывается разлагающим анализом, но является попыткой преодолеть этот способ мыслить. В этом заложен конструктивный момент деконструкции. Она прибегает к другому мышлению, рассматривая чужой текст с возможно не предусмотренных прежним автором точек зрения, создавая связи с другими текстами. *Своим способом чтения деконструкция превращает текст, который она деконструирует, в новые контексты.* Текст словно принимает импульсы другого мышления для того, чтобы развить собственное, и не только на смыслово-вербальном, но и институционально-цивилизационном уровне презентации значений, перерабатывая «дикарское» в «культурное». Таково будет понимание цивилизации на «синхроническом» и «плюралистическом» уровнях, если исходить из правильно понятой стратегии деконструкции, и включать ее в современную эпистему. А этого, к сожалению, мы не видим в консервативном, редуцирующем все к идеям, платоническом образе мышления г-на Дугина.

Платонизм дугинского мифопоэтического мышления прямо таки с необузданной яростью вырывается в 11 главе его 4ПТ, которая носит название «Евразийство (политическая поэма)». Тут тебе и «народ есть любовь», и «дух земли», и «живое пространство земли-души», и «пространство как форма жизни», и «человек есть имя», и «абсолютное против относительного». Можно было бы рассматривать все эти словообразования как некие метафоры. Но беда в том, что у Дугина они

претендуют на концепты, с помощью которых он пытается оправдать **повторение архетипов поведения и ценностных систем «дикарей»**, а с ними «войны», «бессмысленный разгул страстей» и т.д. и т.п. Особенно антирационализм г-на Дугина зашкаливает, когда он вещает о сущности русского народа: «Мы не способны понять даже себя - в этом наше величие. Мы не способны понять, ясно идентифицировать других. Есть другие народы, которые способны понять других, мы - нет. Мы просто Народ и всё» (там же, с.132). Это утверждение у идеолога напрямую связано с третьим принципом евразийской философии, который называется «вечность в твоих ладонях», или «объятие пустоты» (там же, с.140). Идет оригинальная, с позволения сказать, «аргументация»: «Дело в том, что мы сильно, слишком сильно привязаны ко времени. «Сейчас», «потом», «до этого», «раньше»... На самом деле, эти реальности, конечно, существуют, на них построены мышление, формальная логика, но вместе с тем и они, и само понятие «времени» отодвигают нас от главного. Сначала мы думаем: «Вот, мы еще молоды, еще рано». Потом мы уже взрослые и уже не молодые, хотя и не старые. Потом: «Вот, мы уже старые, немолодые, и даже уже не взрослые, а совсем пенсионеры». Но всё это иллюзия, потому что через такие временные формы мы теряем контакт с настоящим бытием. Время - это ловушка, которая пытается обмануть нас, увести от сути дела. Время прикрывает тот голос бытия, зов, который звучит в вечности» (там же). Ясно, что такое толкование времени не имеет никакого отношения к философскому.

Тем не менее, именно с таким пониманием времени у Дугина связано и «евразийское понимание человека». Тут работает такая «эпистема»: «все, о чем говорит евразийство, есть абсолютная истина, и это надо принимать без всяких критических размышлений. Принимать и повторять» (там же). Поскольку ж время - это иллюзия (только вечность имеет бытие), то «интуиция вечности, дыхание вечности, мысль в категориях пространства, синхронизма, опыт вечности здесь и сейчас» и являются «объектом нашего опыта». Таким образом, имеем чистейший платонизм, следствием которого является понимание человеческого «я» как некоей фикции и симулякра вечной идеи «Человека». Отсюда – «ересь индивидуализма», ведь индивид всего лишь имя человека. Сам же Человек - просто условность (там же, с.148). «Наше представление о человеке-евразийское, - итожит Дугин, - и учит оно, что человек есть условность, просто условность. И тогда он может расширять границы своего «я» до бесконечности. Например, вверх, чтобы сказать: «Я - дух». Или вширь, чтобы заявить: «Трое или пятеро людей живут во мне». Это расширение человеческих границ и представление о «большом человеке и есть гуманизм». И далее, уж совсем в духе платоновского симулякра:

«Евразийское представление о человеке утверждает, что человек есть воплощение своего народа и временное явление, непостоянная величина. Сейчас он «то» и «так», завтра немножко «по-другому». Послезавтра еще «что-то». А вот есть постоянные вещи – это народ и пространство. И вечность, которая живет сквозь нас» (там же). Вот такая вырисовывается консервативная евразийская и платонистическая эпистема мышления, которую г-н Дугин в идеологии Русского мира напрямую связывает с мессианизмом русского народа.

Поэтому столь понятным является еще ранний призыв г-на Дугина «разработать Четвертую Политическую Теорию» как теорию евразийства... (тут мы также наблюдаем воплощение специфического понимания им эпистемологии) «по ту сторону либерализма, классического социализма (коммунизма) и национализма (расизма)»: «Это, - по его словам, - вызов интеллектуальному авангарду новой России» (см.:47). И далее происходит уже знакомое разворачивание его не только мессианистского, но сказать бы, апокалиптического дискурса в ключе отмеченных выше «посланий-месседжей» и в атмосфере тотальной подозрительности, прямо таки, истерического страха перед атлантической цивилизацией. Вот примечательные откровения такого дискурса: «Мир, который надвигается на нас, не должен стать реальностью. То будущее, которое подступает, не должно свершиться. В этом состоит драматический нерв переломного момента мировой истории. Россия сможет сохранить себя только в том случае, если сумеет выдвинуть глобальную альтернативу «новому мировому порядку». Но такая альтернатива, по определению, не может быть делом только одной страны, одного народа. Универсальность, планетарный масштаб атлантистского вызова обращен ко всем народами мира, поэтому в разработке и дальнейшей реализации альтернативы должны соучаствовать все мировые цивилизации. Но по целому ряду исторических обстоятельств именно Россия традиционно стояла в авангарде выработки цивилизационных стратегий, противоположных Западу» (см.:47). Как результат имеем характерный идеологический месседж, замешанный на дискурсе мессианства. «Мы, русские, во многом западный народ и довольно адекватно понимаем его цивилизационные системы. Гораздо лучше и яснее, нежели многие народы Востока и Третьего мира, укорененные в своих локальных

культурах и имеющие с цивилизацией Запада довольно поверхностные отношения. Однако понимание не означает принятия. Россия глубже других понимает Запад и поэтому радикальнее других его отвергает, выдвигает против него наиболее общие и масштабные цивилизационные контрпроекты» (см.:47). «Историческая миссия разработки и реализации основной модели альтернативы «новому мировому порядку» лежит именно на России. И только Россия в будущем может стать главным полюсом, очагом планетарного сопротивления, точкой притяжения всех мировых сил, отстаивающих свой собственный путь, свое собственное культурное, национальное, государственное и историческое "я"» (там же).

В итоге, получаем специфическую артикуляцию мессианского дискурса, которая конструирует новые структуры значения в его порядке, разрушая более ранние. Это и выступает основой симуляции значений и создания своеобразного *симулякра*, в котором «Главным означающим» выступает *Россия*. При этом на передний план выступают следующие символически-образные направляющие ее идентификации в символически-образно прочитанном пространстве идей-значений. Вот их краткая реконструкция на основе текста А.Дугина «Основы геополитики» (см.:63).

I. Культурная идентификация России - это специфический *русский путь*, основанный на *правдоискательстве*. Во все времена неизменно русский народ вдохновлялся высоким духовным идеалом, поиском Правды и Справедливости. Именно во имя этих возвышенных понятий терпел он многие тяготы и страдания, оправдывал скорби и притеснения. Материальный фактор был для русских всегда вторичным. Именно поиск *Вселенской Правды*, а не выгоды, эффективного развития или самообогащения лежит в основе русской *Национальной Идеи*. Бытовые, утилитарные ценности были для русских второстепенными. Этим определяется и *православный, глубоко христианский, этап национального пути* и даже эксцессы советского эксперимента. Правдоискательство - судьба России (конечно же, этот месседж всего лишь парафраз славянофильства, позднее Достоевского, евразийцев) .

II. Онтологическое и метафизическое содержание русской истории: сквозь многообразие русской культуры, русской мысли проглядывает особая *национальная философия* (миф выстраиваемый еще славянофилами, Достоевским). В сердцевине этой философии лежит идея об истинном бытии, воплощенном в некоей «параллельной Родине», в «райской потаенной Руси», «Руси Китежа», «Святой Руси». Это учение о тайной национальной святости, о богоносности русского народа и русского мира. Эта «световая природа» национального бытия есть не данность, но задание, то, что следует отыскать, пробудить, распознать, воскресить, освободить. *Внешне эта «тайная реальность» сокрыта, замаскирована видимостью грубости, несправедливости, порока, греха, насилия, страдания* (как тут не вспомнить «коллективное бессознательное» Юнга). Эти две стороны национального бытия, вынужден признать снова же за своими предшественниками г-н Дугин, причудливо накладываются друг на друга, поэтому неистовая любовь к Родине, своего рода, «мистический патриотизм», подчеркивает он, соседствует у русских с раздражением, нигилизмом, даже ненавистью к себе, к своему, к своим соплеменникам, к своей культуре, своему государству. Такой *парадоксальный комплекс отношения к своему народу и своему Государству уникален. Он присущ исключительно русскому народу*. Каким бы парадоксальным ни казалось такое отношение к своему национальному "я" со стороны - в нем *загадка русского человека*. Более того, в глубине души русские убеждены, что только такое сложное, надрывное отношение к себе и к миру и является истинным и спасительным. Открыть миру эту Правду призван русский народ своим предназначением (это любимые проповеди и русского православия).

Далее идет раскручивание идей правдоискательства, страдания, жертвенности, спасения, служения, героизма и идеализма русского народа, которые, как бы не отмежовывался г-н Дугин от фашизма, является выражением его сущности, разве что тут мы не находим откровенного расизма.

III. Культурной особенностью русских традиционно является *стремление к высокому идеалу* и некоторое пренебрежение сферой материальных благ. *Повышенное чувство идеализма и*

вселенского масштаба отличают самые разные этапы русской истории. *Идеал жертвенности* осмысляется вначале в христианских терминах - как особая ответственность русских за вверенную им Христианскую Традицию. В советский период тот же русский идеализм осмыляется секуляризовано, как *этика героического служения* принципу социальной справедливости и всеобщего равенства. Характерно, что основные коллизии русской истории проходили не между сторонниками идеалистических систем и прагматиками, но почти исключительно между двумя идеалистическими лагерями, по-разному и с разной степенью интенсивности защищавшими идеалистические, иногда даже утопические модели, многообразно выраженные и сформулированные.

IV. Культурная открытость, национальная специфика России, ее культурный стиль на всем протяжении истории характеризуется динамичным *переосмыслением в национальном ключе эстетических и стилевых элементов, заимствованных в иных культурных контекстах*, их творческой и оригинальной переработкой, «искусной инкрустацией в особый специфически русский контекст», повторяет идеолог «русского мира» идеи поздних славянофилов. Свобода творческой адаптации и ассимиляции заимствованных ценностных рядов, учений и символов обнаруживает открытость русских к окружающему их этническому многообразию (а это уже евразийство). Верность собственному национальному началу, стилизующему любое заимствование в уникальное и неповторимое, характерно русское произведение, напротив, показывает постоянство *культурного типа*, его национальную специфику и устойчивость (тут во всей красе князь Н.Трубецкой!).

У. Цивилизационная идентичность России базируется на евразийской модели цивилизации как альтернативе атлантизму (это явная «новация» г-на Дугина по сравнению с классическим евразийством, а далее идет «развитие» идей последнего). Русская история представляет собой движение народа к выработке принципов особой цивилизации со всеми характерными признаками. Разные эпохи подсказывали разные формы для выражения этой цивилизационной миссии. Самым общим

названием можно считать термины «евразийская цивилизация», «Россия-Евразия». Евразийская цивилизация представляет собой антитезу цивилизации атлантистской, которая суммирует в своих основах логику сложного исторического ансамбля, который ранее отождествлялся с Европой. Россия есть воплощенный поиск исторической альтернативы атлантизму.

А вот уже знакомые нам мессинские мотивы.

УІ. Собственный исторический путь России характеризуется постоянным («хотя и нелинейным, синусоидальным», - многозначительно замечает г-н Дугин)) ростом осознания своей миссии. От племенного и этнического к Государственному, национальному, имперскому, цивилизационному. Процесс осмысления русским народом этапов своего пути сложен и драматичен. В периоды кризисов и смутных времен у русских *возникает соблазн отказаться от высоких мессианских горизонтов*, замкнуться в национальном контексте, ясность геополитического и цивилизационного императива замутняется. Но после периодов сомнения *глобальная цивилизационная миссия* осознается всякий раз еще более рельефно, отчетливо, триумфально, универсально и наступательно. История показывает, что после некоторых колебаний всякий раз осознание цивилизационной миссии русскими происходит на более высоком и масштабном уровне (тут следует обратить внимание, что путается мессианское с миссионерским, т.е. особой глобальной цивилизационной миссией России).

УІІ. Отсюда следует и благоговейное отношение г-на Дугина к *государствообразующему значению армии* в русской истории. Русские, посылает он свой очередной месседж, как историческая и политическая общность сформировались вокруг силового военного фактора и на протяжении всей истории напрямую зависели от него. Русское государство изначально организовывалось вокруг военных княжеских дружин, которые вместе с князьями и были гарантом ранней государственности, залогом национального суверенитета. И Государство и нация имели эти военные образования в качестве стового хребта. В период освобождения от монголо-татарского ига русское воинство снова сыграло историческую роль, обеспечив Русь государственный

суверенитет на новом этапе, заложив основу Московского Царства. *Кратополитический военно-стратегический фактор ясно осознавался русскими не просто как необходимый атрибут государственности, но как его основа.* Отсюда традиционное для русских уважение к военному сословию, представление о нем, как об избранном, элитарном слое населения. Советская Государственность также знала культ Вооруженных Сил, и победа в Великой Отечественной Войне, и позднейшая разработка ядерного оружия были событиями силового триумфа русского оружия, обеспечившего на определенных этапах новейшей истории само существование русского народа, его свободу в выборе мировоззренческих и политических ориентиров.

УШ. Запаздывание (конечно же, как без него, иначе никак нельзя понять вечную цивилизационную отсталость России) в сфере политологической рефлексии. Особенностью русского политического и политологического сознания является внутреннее противоречие между самобытностью русского пути, специфичностью национальных установок и задач и тем категориальным аппаратом (тут видно без «категорий» жертвенности и вечных страданий с переходом в одобренное постоянным пьянством и агрессией правдоискательство трудно г-ну Дугину обойтись), почерпнутым преимущественно из западных источников, с помощью которого этот путь осмыслялся и формулировался. Эта особенно ярко проявилось после окончания Московского периода русской истории, когда догматические обоснования русской государственной, церковной и национальной самобытности были отставлены на второй план.

IX. Отсюда - *логика нового витка.* Рассмотрение развития русской государственной идеи в череде циклов (каждый из которых заканчивается катастрофой, чтобы очистить место для нового еще более универсального витка) убеждает, что всякий раз, когда Россия преодолевает кризис национального и государственного самосознания, новая формулировка ее государственной идеи становится еще более универсальной и масштабной, нежели предыдущая. Вероятно, та же закономерность повторится и в будущем, когда народ преодолеет кризисный период, связанный с распадом советской государственности. *Это наблюдение прекрасно*

гармонизирует с геополитическим подходом, утверждающим неизбежность нового евразийского великоконтинентального этапа русской истории, когда традиционное для русских расширение масштабов исторической миссии своего государства дойдет до самых последних пределов (которые, как оказалось, г-н Дугин «ничтоже сумняшися» очерчивает, прикрываясь евразийством, шовинистически-террористическим проектом «новороссии»), . Иными словами, следующий по логике вещей этап государственного утверждения России должен стать эпохой создания геополитического *Евразийского Государства планетарного объема.*

Х. Большой Евразийский Проект: Россия есть «Хартленд», сердцевина земли, и должна основывать свою геополитику на принципах Суши. Задача Суши (Евразии) в геополитике - освободиться от контроля враждебной цивилизации Моря (сегодня это США и страны блока НАТО) над береговой зоной и выйти на просторы Мирового океана, двигаясь к берегам конкурирующего геополитического блока - то есть, к США. Россия своим географическим положением и масштабом своих территорий обречена на то, чтобы независимо ни от чего вести «великую войну континентов» (так маскирует г-н Дугин под «войну континентов» идею Хантингтона «о столкновении цивилизаций»).

Это, как оказывается, и есть подлинный национальный интерес России. Поэтому следующий месседж звучит так:

XI. *Национальные интересы России имеют планетарный исторический масштаб.* Это составляет специфику русской истории. Так было в прошлом, так должно быть в будущем. Но чтобы добиться этого, России необходимо, не жалея сил, отстоять в грозном зловещем «новом мире» свое место и свое право на жизнь, на стратегическую, экономическую и политическую суверенность.

И тут, конечно же, снова нельзя обойтись без жертвенности и без идеи специфичности «русской смерти».

XII. Русская смерть должна быть центром внимания русской культуры. Смерть не есть ни упадок, ни полное небытие. Смерть есть иное измерение жизни, то, что делает жизнь терпкой. *Русский переживает смерть в своем народе, государстве, культуре и*

истории. Но он смертен, и это его цена за то, чтобы быть русским.

С точки зрения дискурсного подхода важной причиной устойчивости представленных в «четвертой политической теории» систем значения является то, что многие представления о мире всегда так или иначе социокультурно адаптированы и принимаются как само собой разумеющиеся. И тут они рассматриваются *не как понимание мира, а как сам мир*. Поэтому важной целью дальнейшего углубленного дискурс-анализа меседжей г-на Дугина является а) разоблачение и очерчивание задействованных им понятий как само собой разумеющихся, и б) их преобразование в потенциальные объекты для обсуждения и критики, что делает их открытыми для дальнейшей рефлексии. Высказывание иной точки зрения в процессе разворачивания аргументативного дискурса удовлетворяет условиям такой критики и раскрывает внедискурсные структуры, формирующие доминанции в отношении «знание-власть». Анализ представленных в «четвертой политической теории» высказываний под этим углом зрения дает возможность изобличить ее связь со структурами нынешней кремлевской власти, что в данном случае выходит за рамки предлагаемого рассмотрения.

Важно учитывать и *этосный контекст дискурса*. В социально-этическом плане воспроизводство одних и тех ментальных конструкций - вербальных и довербальных - оформленных в соответствии со стереотипами массового сознания и доминирующей в разные времена культуры (ныне - массовой), *всегда на совести конкретных людей*. Как пишет московский публицист и историк Д.Шушарин, их имена известны или неведомы, но это их ответственность. Так сейчас, прямо и открыто говорится, что демократия и либерализм разрушают «русскую идентичность». Последнее слово, подчеркивает он, конечно, употребляется в не самых широких аудиториях, но звучит открыто. И об это дискурсное признание разбиваются все, похожие на заклинания, аргументы, что русский путь - это путь в никуда, в прошлое, в сторону от цивилизованного мира. К чему разоблачения, если разоблачаемый спокойно отвечает: да, это так, ну и что?

В связи с этим Д.Шушарин делает интересное наблюдение: если бы русские отправились в свой особый путь сами по себе, то от этого пострадало бы незначительное число отщепенцев и изгоев среди них самих. «Но идентичность, которой может повредить демократия, включает потребность в постоянной экспансии. В идеале - в навязывании русской модели как можно большему числу народов во всем мире. В нынешних обстоятельствах - в том, чтобы не допустить формирования национальных государств у своих соседей». *В русской культуре, - заключает Д.Шушарин, - так и не заработал механизм формирования новой идентичности, которая отождествляла бы национальные интересы с национальным демократическим государством.* Вместо этого при смене элит и при всех социальных переустройствах - гибели целых классов и сословий и возникновении новых - любые идеологические построения призваны заместить те перемены, которые могут быть названы модернизацией идентичности (см.: 44).

В собственно эпистемологическом плане дискурс г-на Дугина представляет собой вариант «феноменологического платонизма», который в свое время критиковал Ж.Деррида. Последний в «Голосе и феномене» показал, что здесь постоянно присутствует некоторая амбивалентность, двойственность, неотделимая от самой сердцевины феноменологического проекта: феноменология как усмотрение сущностей (конституирование идеальных предметов, принадлежащих сущности сознания) противоречит историческому генезису этих идеальных объектов, их возникновению во времени. Историчность идеальных объектов означает их зависимость от историчности конституирующего их субъекта (который как «отмеченный во времени» никак не может быть трансцендентальным *его*, этим субститутом Бога-Творца). Абстрагирование от эмпирики - от ситуативности знака и от индивидуальной конечности, смертности (а не так как у Дугина - смерти в народе, культуре, государстве, истории), абстрагирование от ограниченности феноменологизирующего субъекта и того языка, на котором он говорит, является «метафизическим решением» и даже «метафизической предпосылкой», «конституирующей» феноменологию как таковую (или, точнее, конституирующей феноменологию в качестве эйдетической науки). Поэтому анализ

значения, исходящий из функционирования значения в контексте «идентичности душевной жизни», является схематизацией: нельзя рассматривать язык вообще, стихию логоса, в самой его выражающей форме, как событие вторичное, добавленное к исходному и пред-выразительному слою смысла (17, с.77). Представить сущность языкового выражения исходя из «абсолютной идентичности» душевной жизни народа невозможно хотя бы потому, что «диалог души с самой собой» уже предполагает изменение Я под действием собственного слова: *Я изменчиво, а значит - исторично.*

«Русский мир» как симулякр евразийства

В такого рода месседжах-дискурсах, как описанный выше дискурс г-на Дугина, происходит существенная трансформация платонизма - вместо замещений и имитаций реальности имеем феномен симуляции. Поразительным является то, что в описании этого феномена (или, как пишет Ж.Бодрийяр, «прецессии симуляции») терминология дискурса почти в точности накладывается на схемы аргументации теоретиков «русского мира». И ключом к этому, на мой взгляд, как раз и служат реальные эпистемологические смещения, которые происходят с современным дискурсом в поле его организации в соответствии со структурами, свойственным высказываниям в сфере идеологии и политики на различных уровнях личного и публичного общения. Глубинно эти эпистемологические смещения

связаны с появлением многообразия языковых практик, и с осознанием, что всякая познавательная деятельность осуществляется как языковая. Следовательно, язык выступает не как эмпирический объект, а как априорное условие познания. Встреча с языковыми практиками осуществляется внутри языка, как собственный языковой опыт эпистемолога. Включение языковых или дискурсных практик в анализ позволяет обнаруживать различного рода языковые квази-структуры, которые имманентно включены в моделирование (или конструирование) познаваемой реальности.

В свете этого, прежде всего, следует согласиться с Бодрияром, когда он пишет, что *абстракция* сегодня - это не абстракция карты, копии, зеркала или концепта. Симуляция - это уже не симуляция территории, референтного сущего, субстанции. Она - порождение моделей, реального без первопричины и без реальности: гиперреального. Территория больше ни предшествует карте, ни живет дольше нее. Отныне карта предшествует территории - прецессия симулякров, - именно она порождает территорию...то здесь, то там остатки реального, а не карты, продолжали бы существовать в пустынях, которые перестали принадлежать Империи, а стали нашей пустыней... *современные симуляторы прибегают к такому же империализму, когда стараются совместить реальное - все реальное - со своими моделями симуляции (курс.- Ю.И.)*. Однако речь уже не о карте и не о территории. Исчезло самое главное: суверенное различие между одним и другим, что предоставляло очарование абстракции. Ведь именно различие создает поэзию карты и обворожительность территории, магию концепта и обаяние реального. *Эта мнимость репрезентации, которая достигает наивысшей точки и вместе с тем падает в пропасть в безумном проекте картографов достичь идеальной равнообъемности карты и территории, исчезает в симуляции (курс.-Ю.И.)* - действие которой ядерное и генетическое, а отнюдь не зеркальное и дискурсивное (тут не следует путать логико-дискурсивное мышление с дискурсом – Ю.И.). Исчезает целая метафизика. Нет больше ни сущности и явления, ни реального и его концепта. Нет больше воображаемой равнообъемности: измерением симуляции становится генетическая

миниатюризация. Реальное производится, начиная с миниатюрнейших клеточек, матриц и запоминающих устройств, с моделей управления - и может быть воспроизведено несметное количество раз. Оно не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально... эра симуляции приоткрывается через ликвидацию всех референций - хуже того: через искусственное воскрешение их в системах знаков, материале еще более гибком, чем смысл, поскольку *симулякр предлагает себя всяческим системам эквивалентности, всяческим бинарным оппозициям, всяческой комбинаторной алгебре. Речь идет уже ни об имитации, ни о дублировании, ни даже о пародии. Речь идет о субституции, замене реального знаками реального (курс.-Ю.И.)*, то есть об операции по предупреждению любого реального процесса с помощью его оперативной копии, метастабильного механизма образов, запрограммированного и безупречного, который предоставляет все знаки реального и предупреждает все его неожиданные повороты. Больше никогда реальное не будет иметь возможности проявить себя - в этом *состоит жизненная функция модели в системе смерти или, вернее, в системе заблаговременного воскрешения, которое больше не оставляет никакого шанса даже событию смерти (курс.- Ю.И.)*. Отныне гиперреальное находится под прикрытием воображаемого и всего того, что отличает реальное от воображаемого, оставляя место лишь орбитальной циркуляции моделей и симулированному порождению различий» (11,с.6-7).

А теперь вспомним предложенный выше г-ном Дугиным и описанный нами «проект» «русского мира», вбирающий в себя положения евразийцев и лживые, «теоретически» симулируемые террористические притязания «новороссов». Тут тебе и «Хартленд» - особая территория, и «карта» - «образ» «русского мира» и «новороссии». При этом «карта» (желаемое реальное) предшествует территории. «Прецессия симулякров» («русский мир», «новороссия», так называемые, ДНР, ЛНР - «именно она порождает территорию» (Ж. Бодрийар)...то здесь, то там остатки реального («Советского Союза»), а не карты, продолжают существовать «в пустынях» (пустое означаемое «Донбасса»: «все

будет Донбасс»), которые перестали принадлежать Империи (СССР), и стали, увы, нашей пустыней (ДНР, ЛНР)... Но, не унимается г-н Дугин, «световая природа» (читай, «русскость» = «русская правда») национального бытия есть не данность, но задание, то, что следует «отыскать, пробудить, распознать, воскресить, освободить» (идет последовательное нагнетание метафор риторического дискурса), и как окончательная фигура его артикуляции, естественно, по всем канонам риторического жанра, будируется «пафос» вместо «логоса»: внешне эта «тайная реальность» «сокрыта, замаскирована видимостью грубости, несправедливости, порока, греха, насилия, страдания» - все тот же ряд метафор, призванных убедить, а правильнее - искусственно, мнимо внушить реальность «отсутствующего», вместо логических доказательств *того, что есть*.

Особенно симптоматична в этом ряду метонимий жизненная функция «русской модели» «в системе смерти» или, вернее, «в системе заблаговременного воскрешения, которое больше не оставляет никакого шанса даже событию смерти». Смерть в системе представлений Русского мира ценность особого рода - это «русская смерть». Русская смерть, полагает г-н Дугин, должна быть центром внимания русской культуры. Вот его наглая (навязываемая) резиньяция по этому поводу, что, весьма и весьма напоминает племенной шаманизм, ограниченный, естественно, в околофилософскую лексику: смерть не есть ни упадок, ни полное небытие. Смерть есть иное измерение жизни, то, что делает жизнь терпкой. Русский переживает смерть в своем народе, государстве, культуре и истории. Но он смертен, и это его цена за то, чтобы быть русским (см.:56). Не удивительно, поэтому, и отношение к жизни тысяч «добровольцев», идущих на смерть во имя вымышленных Русского мира и Новоросии, одним из истоков «эмпирической коннотации» чему служит и крайнее оскудение жизненного уровня как россиян, так «дезнэрян» и «лезнэрян»... того самого «жизненного уровня», которому, несомненно, и, в первую очередь, «сделали ноги», «играющие в футбол» и покрываемые властью, особенно, при правлении «профессора» Януковича, российские и украинские олигархи, разграбившие Донбасс...

Смерть в идеократии г-на Дугина по существу предстает как симуляция гибели в образе спасение других народов (но прежде всего русских) от гибели. В идеологическом дискурсе этого г-на имеем еще один риторический ряд: русские (Россия) и агрессоры и жертва...такая себе коллективная виктимная личность. «Идеал жертвенности осмысляется вначале в христианских терминах - как особая ответственность русских за вверенную им Христианскую Традицию. В советский период тот же русский идеализм осмыляется секуляризировано, как этика героического служения принципу социальной справедливости и всеобщего равенства»(там же). Что можно сказать, на все эти «высокие», а по сути, преступные слова (и практика Новороссии тому трагическое свидетельство). Да, в виртуальном мире возможно все начать сначала, персонажи легко взаимозаменяемы или воскрешаемы. Все это, в конечном итоге, обесценивает многие традиционные ценности и переносит подобное отношение в реальную действительность. Обратной стороной этого процесса предстает в сознании ценностная аберрация: «Толерантное отношение к убийству как не окончательному акту, не наносящему необратимого ущерба существованию другого, лишенного физической конечности, - одно из психологических следствий такого подхода» (25,с.313).Так получает ценностную легитимацию терроризм, и не только на Донбассе...

Но пойдем дальше. «Русский народ и русская история представляют собой некоторое последовательное развертывание определенных тенденций, высказываний, смыслов. Русские всегда предчувствовали, что созданы для того, чтобы в критический момент спасти мир от неминуемой гибели и показать народам путь к идее и духу, избавляющим от краха. С этой точки зрения вся русская история подводит именно к нашему времени, когда кризис становится глобальным и требует радикального разрешения. Таким образом, нынешнее время и есть русское время. Время сказать свое веское, самое главное слово в мировой истории. Пришло время провозгласить русскую идеологию» - такова преамбула к труду А.Дугина «Евразийский Путь как Национальная Идея» (Москва, 2002), размещенного в сетях (64). Она смыслово и стилистично весьма подобна мессианским, замешанным на утопии и

апокалиптичности, месседжам самого г-на Дугина. И в этом главное отличие текстов современных российских евразийцев от текстов «отцов-основателей» евразийства, в целом взвешенных как, например, у князя Николая Трубецкого, пронизанных подлинной болью как у Льва Карсавина и Георгия Флоровского, пристрастных и одновременно лишенных кликушества и опирающихся на огромный массив географических и исторических знаний как у Петра Савицкого. Но с другой стороны, как и у главного теоретика «Русского мира», месседжи современных евразийцев являются *симуляцией* платонической онтологии¹², лежащей в основе дискурса идеологии данного политического проекта.

Подведем некоторый итог, связанный с анализом «русского мира» как симулякра евразийства. В классической эпистемологии долгое время основой понимания сущего служила Платонова модель «материальное - копия идеального». Наша же ситуация, и онтологически, и гносеологически как современность постмодерна, характеризуется, как мы видели, возрастанием - в когнитивной плоскости - искусственных и, в то же время, - в коммуникативно-дискурсивной плоскости - неподлинных образований - «симулякров», разрушающих классическую модель репрезентации Платона. Одним из первых на это обратил внимание Ж.Делез. В его концепции появление симулякра объясняется тем, что под властью «*pseudos*» (*греч.* - ложь, притворство) вещи, сообщения и символы изменяют свою внутреннюю сущность, внешне сохраняя форму

---

¹² Как, впрочем, и текстов ветхозаветных пророков, в частности, дискурса Книги Екклесиаста: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом; время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберечь, и время бросать; время раздирать, и время шить; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру". (Ср. дугинско-евразийское: «Нынешнее время и есть русское время. Время сказать свое веское, самое главное слово в мировой истории. Пришло время провозгласить русскую идеологию»). Напомним, что завершается Екклесиаст словами: «Бойся Бога и заповеди его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно или худо» (См.: Библия. Книга Екклесиаста, или Проповедника. - С. 666 -674).

Копий (Делез, 1969¹³). Семиотическая концепция Ж. Бодрийера вносит новое измерение в понимание симуляции и симулякров. Согласно ей симулякр возникает в результате утраты знаком референциальной соотнесенности, при отрыве означающего от означаемого и его последующем свободном использовании в ином ситуационном контексте (11, с.12-13).

Соответственно, такому прочтению симуляционных процессов, в дискурсе «русского мира», во-первых, имеем классическую, так сказать, симуляцию, которая связана с платонической моделью «идея-вещь-копия (чувственная, сенсорная, видимая, знаковая, дискурсивно оформленная)». В полном согласии с ней конструируется и классический идеологический дискурс проекта «Русский мир»: «В новом евразийстве воплощается извечная русская воля к *универсальному идеалу* (курс - Ю.И.), к осуществлению высокой спасительной миссии по утверждению идеалов Добра и Справедливости» (см.:47).

Но, во-вторых, поскольку этот дискурс разворачивается не в плоскости классического (аристотелевого) логического обоснования или же «поиска лучшего аргумента» в живой коммуникации (Ю.Хабермас), а носит *характер месседжей*, то имеем, вопреки желанию г-на Дугина (как тут не вспомнить его с высот «подлинной русскости» обрызгивание слюной постмодернизма), - «классический» постмодерный симулякр, в котором, согласно Ж.Бодрийеру, происходит имплозия смысла, когда «информация пожирает свои собственные содержания», «пожирает коммуникацию и социальное» (11,с.119). Вследствие этого просто таки неизбежно следующее послание г-на Дугина в дорожку всем тем, кто встал на евразийский путь, неся как православную хоругвь перед собой Русскую идею: «Точнее всего назвать долгосрочный стратегический Русский Проект “Евразийским Проектом”, поскольку *Евразийская Идея соединяет в себе сразу два понятия* (курс. - Ю.И.) - специфику самобытной русской цивилизации и большой проект творческого утверждения целого веера цивилизационных тенденций народов Евразии (шире, всего мира),

стремящихся отстоять свою собственную судьбу перед лицом нивелирующего глобалистского наступления. Евразийство, Евразийский Проект в полной мере отражают *сущностную* (курс. - Ю.И.) ориентацию России как государства, русских как народа. В то же время это означает и наднациональный, *стратегический союз стран и культур, объединенных общей исторической миссией* (курс. - Ю.И.), призванных вступить в драматическое столкновение с надвигающимся на планету "мировым порядком" под эгидой Запада» (см.: 64).

Итак, анализ концепта «русского мира» под углом зрения симулякра показывает, что он не продуцирует смысл и не требует от адресата никаких герменевтических усилий, направленных на понимание. Его смысл рождается благодаря эксплуатации коннотативных характеристик. Эксплуатация коннотативных характеристик происходит как с использованием элементов формы высказываний, так и с использованием неких фреймов когнитивной структуры дискурса «русского мира» (таких скажем, как «русскость»). В данном случае эксплуатируемые коннотации принадлежат прецедентным феноменам. Эксплуатация коннотаций становится возможной благодаря *механизму совмещения фреймов в глубинной структуре дискурса* ¹⁴ («русскость» = идея «русскости» = «русская идея» = «Идея» = «мир идей Платона»).

---

¹⁴ Мы исходим из того, что фрейм - это декларативное представление стандартной ситуации, дополненное процедурной информацией о возможностях и путях его использования. Фрейм представляется некоторой сетью, а в дискурсе об объектах некоторой смысловой сетью. Верхние ее уровни отображают сущности, истинные для типовой ситуации, задавая тем самым абстрактную конструкцию фрейма. Нижние уровни заканчиваются пустыми слотами («щелями»), означивание которых осуществляется при вызове фрейма в соответствии с конкретной ситуацией из предметной области. Таким образом, фреймовая модель позволяет сформировать иерархическую структуру отношений типа «абстрактное - конкретное». Фреймовая модель в своей теоретической основе базируется на психологических понятиях восприятия человеком окружающего мира. Поведение человека во многом определяется внешними условиями, т. е. ситуацией, в которую он попадает. При этом он идентифицирует новую ситуацию с некоторой типовой структурой, которая и называется фреймом. Как модель абстрактного образа, фрейм обеспечивает минимально возможное описание сущности какого-либо объекта, явления, события, ситуации, процесса о которых идет речь уже в дискурсе о них.

На полную мощь используется и риторика, а попросту словесный шантаж: «Это касается вас, событие - это вы и т. д.». Во все большее количество информации вторгается этот вид призрачного контента, этого гомеопатического прививания, эта мечта пробудить коммуникацию. Говоря словами Ж.Бодриера, тут *круговая схема*, в которой на сцене разыгрывают то, чего желает аудитория, антитеатр коммуникации, который всегда является лишь повторным использованием через отрицание традиционного института, интегрированной отрицательной схемой. Это огромная энергия, направленная на удержание симулякра на расстоянии, чтобы избежать внезапной диссимуляции, которая ставит нас перед очевидной реальностью радикальной потери смысла. Бесплезно выяснять, потеря ли коммуникации ведет к этой эскалации в пределах симулякра, или это симулякр, который первым появляется здесь с целью апотропии (устрашения-притягивания), с целью заранее воспрепятствовать любой возможности коммуникации (прецессия модели, которая кладет конец реальному). Бесплезно выяснять, продолжает далее Ж.Бодриер, что первоначально. Оказывается, ни то и ни другое, потому что - это циклический процесс, процесс симуляции, процесс гиперреального, *гипер-реальность коммуникации и смысла* (более реальное, чем само реальное, последнее этим и упраздняется). Таким образом, не только коммуникация, но и социальное функционируют в замкнутом цикле, как *соблазн*, к которому приложена сила мифа (11, с.119-120).

Доверие, вера в информацию присоединяется к этому тавтологическому доказательству, которое система предоставляет о самой себе, дублируя в знаках неуловимую реальность. Однако можно предположить, что эта вера столь же неоднозначна, как и вера, сопровождающая мифы в архаичных обществах, в которые верили и не верили. Тут никто не терзается сомнениями: «Я знаю точно, и все же...». *Этот вид обратной симуляции возникает в массах, в каждом из нас, в ответ на симуляцию смысла и коммуникации, в которой нас замыкает эта система. В ответ на тавтологичность системы возникает амбивалентность масс, в*

ответ на апотропию - недовольство или до сих пор загадочное верование. Миф продолжает существовать, однако не стоит думать, что люди верят в него: именно в этом кроется ловушка для критической мысли, которая может работать лишь исходя из предположения о наивности и глупости масс (11, с.120). Другим способом продуцирования псевдосмысла симуляком являются стереотипы, представляющие собой актуализацию шаблонного, поверхностного, привычного знания социума. Использование прецедентных феноменов и стереотипов является также проявлением коммуникационной сущности дискурса «русского мира»: это отсылка к означаемым, образующая Делезовский «круг вечного возврата».

Как видится, приведенный анализ показывает, что форма изложения, избранная в дискурсе «русского мира», представляет собой сконструированный нарратив. В нем отсутствует временная и логическая связность фактов и событий, она создается г-ном Дугиным, как, впрочем, и новообращенных в его веру молодых, и не слишком молодых, евразийцев и «новороцсов», путем намеренного конструирования, при котором факты вырываются из контекста и лишаются временных и пространственных характеристик (текст, при этом, обретает форму посланий). Интенцией, определяющей конструирование является *псевдооткровение* Русской идеи, зиждемое платонизмом. Выполняя конструирование, автор создает впечатление логичности (симулирует логичность) своих выводов - псевдооткровений, являющихся по существу политически истолкованными в угоду дня положениями возникшей в 20-ые годы XX ст. концепции «Евразии».

Истоки Евразийского движения: смысл концепта и ущербность проекта

Обратимся к основным положениям концепции «Евразийства»¹⁵. Ее базовыми компонентами являются:

---

¹⁵ В данной главе мы не беремся дать сколь-нибудь полный анализ истории и теории евразийства, а очертим лишь некоторые узловые проблемы, возникшие при его концептуальном формировании и обосновании. За основу здесь берется определение евразийства, данное его основателями в 1927г. «Евразийское Движение целиком определено задачами и проблемами новой России, а также осознанием современного кризиса европейской культуры. Ставя перед собой историософскую проблему России и Европы евразийство видит в России особый культурный - евразийский мир, мир раскрывающейся православной культуры, равно отличной от европейской и азиатских, центральное и руководящее значение которой евразийство видит в будущей уже начавшейся исторической эпохе. Исходя из факта - из той России, которая выходит из революции евразийство выделяет и раскрывает те стороны русской современности которые обращены в будущее, и развитию их хочет всемерно содействовать. Во имя новой России-Евразии: новой русской культуры и мощи и новой руководящей идеологии - евразийство ведет решительную борьбу и с коммунизмом и с до-революционными идеалами реставраторов, сочетая в себе традиции подлинно исторического русского охранения с подвижностью и практичностью современного политического действия. Органические основы культуры и государственности, разложение Европы, евразийско-русский культурный мир, Церковь и государство, смысл русской революции, преодоление революции, социальная справедливость, будущее устройство России - вот основной круг интересов и проблем евразийства. *Николай Трубецкий, Петр Савицкий, Петр Сувчинский («Евразийский временник». №5. Париж, 1927г.».)* Рассматривая евразийство как динамическую систему взглядов, которая видоизменялась и уточняла свои положения, мы концентрируем внимание на тех вопросах, которые неожиданным образом актуализировались ныне и стали предметом симу-

1) тезис отрицания «абсолютности» новейшей «европейской» культуры; 2) отказ от культурно-исторического «европоцентризма», и, как следствие, отрицание *универсальности* восприятия культур. Именно последнее положение способствовало появлению такого обильного количества трудов евразийской проблематики - от богословских и историко-политических до экономических и лингвистических. Евразийцы полагали, что достижения отдельной культуры следует определять «только при помощи *расчлененного по отраслям* рассмотрения культуры» (см.: 32).

Выделяют четыре основные направления, по которым развивалось евразийство: этноязыковое (Н.С.Трубецкой, «фонологическое евразийство» раннего Р.О.Якобсона); историческое (Г.В.Вернадский, отчасти, П.М.Бицилли); географическое и экономическое (П.Н. Савицкий); философское (Г.В. Флоровский, А.В. Карташев, С.Н. Булгаков - на раннем этапе). Позже возникло еще одно направление, существенно дополнившее и обогатившее основы евразийства, - этнология. Ее проповедником стал «последний евразиец» - Л.Н.Гумилев. Смыслорождающей структурой, вокруг которой на раннем этапе возникновения евразийского движения вращалась мысль его последователей, были, на мой взгляд, исследования князя Н.С.Трубецкого.

В создании культурологической концепции «Евразии» Н.Трубецкого на первом месте стояли методы языкового анализа. По мнению Е.К.Бобровой, он рассматривал языкознание как универсальный «ключ» к миру истории и культуры. С точки зрения Н.Трубецкого, лингвистика, которая опиралась на этнографический материал и часто прибегала к математическим методам анализа, стала в XX в. «логоцентричной». Но все же, сейчас она не может развиваться без учета психологической составляющей. В этом соединении логики и психологии он усматривал большой эвристический потенциал лингвистики. В конце концов, именно осознание этого обстоятельства и обусловило искомый им культурологический синтез. Результатом систематических лингвистических исследований Н.Трубецкого стала разработка

ляционного дискурса в современных евразийских проектах российских адептов этого движения.

нового метода сравнительно-исторической реконструкции, который был взят за основу создания фонологии и структурного языкознания. Данный метод («лингвистический формализм») во многом определил, по словам Р.Якобсона, «методологический переворот» в гуманитарных науках конца XIX–XX века. По ходу Н.Трубецкой усовершенствует методы текстологического анализа культуры и системные подходы к её пониманию. Все это, в итоге, и легло в основу особого общественно-политического и культурно-исторического направления - евразийства (10,с.34-40). «Евразийство отвергает безапелляционный авторитет европейской культуры. А так как с понятием культуры принято связывать «прогрессивность», то многим кажется, что евразийство есть течение реакционное. Евразийство выставляет требование национальной культуры и определенно заявляет, что русская национальная культура не мыслима без православия» (см.:39).

Вместе с тем, Н.Трубецкой неоднократно подчеркивал, что именно язык влияет на мировосприятие людей, создавая «ракурс» понимания мира. Поэтому даже в такой форме культуры, как наука, можно увидеть и распознать следы влияния национального языка. Язык не только обеспечивает и закрепляет свойственное каждому народу мировоззрение, но и обеспечивает уникальную для каждого этноса «точку зрения», которая обуславливает его самобытность, «народный характер». Данные проблемы рассматривались им в программной работе «Европа и человечество». Язык выступает тут как инвариант, во многом определяющий все другие факторы исторической динамики: религиозно-нравственную доминанту; наличие государственно-политических институтов, обеспечивающих целостность культуры и непрерывность трансляции традиций; особый психотип, характерный для этноса, создающего культуру и сохраняющего её.

Н.Трубецкой стремится по-новому решить принципиальные проблемы языка и его «культурной» функции на разных этапах развития. Исследователь считает этот язык единственным звеном, связывающим Россию со славянством. Три остальных «компонента», как пишет он, «призрачны». Первый - это **«славянский характер»** или **«славянская психика»**. Они не могли быть тем объединительным ориентиром, способным

обогащать русскую культуру чем-то непременно ярким, специфическим. «Каждый славянский народ имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина, как швед на грека», - заключает он. Второй элемент - присутствие некоего общеславянского **физического антропологического типа** - был также отвергнут Н.Трубецким. **«Славянская культура» - третий элемент - тоже миф**, ибо каждый славянский народ вырабатывал свою культуру отдельно, и культурные влияния одних славян на других нисколько не сильнее влияния немцев, итальянцев, тюрков и греков на тех же славян. Этнографически славяне принадлежат к различным этнографическим зонам».

Таким образом, по признанию автора, **«“славянство”** не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурно-историческое, а **понятие лингвистическое**». Эта мысль ученого была принята и подхвачена его последователями, некоторые из них, например, Г.В.Вернадский в «Опыте истории Евразии», хотя и подчеркивали внутреннее единство славян и их несхожесть с романо-германской культурой, но вместе с тем не абсолютизировали данное положение: «История Евразии есть история сообщества различных народов на почве Евразийского месторазвития, их взаимных между собой притягиваний и отталкиваний и их отношения вместе и порознь к внешним (вне-евразийским) народам и культурам» (подробнее об этом см.: 14).

Н.Трубецкой осознавал, что распределение и взаимное соотношение культур не совпадает с группировкой языков. Динамика языка внутри культуры осуществляется в координатах двух ценностных субсистем: «верхней» и «нижней». «Верхняя» субсистема олицетворяется «правлящим отбором» (элитой), который сохраняет и развивает рафинированный, литературный, письменный язык. Это - совокупность людей, фактически определяющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого. «Низовая» субсистема определяется мыслителем как «тот запас культурных ценностей, которым удовлетворяют свои потребности наиболее широкие слои национального целого, так называемые

«народные массы» (см.:37). В рамках этой подсистемы язык выступает в своих «народных», диалектных, бесписьменных формах. Спускаясь вниз, «ценности верха» обогащают «ценности низа», но сами упрощаются и в какой-то мере девальвируются, обезличиваются. То же происходит и с «языком элиты»: он опрощается (там же).

В данном явлении, по мысли Н.Трубецкого, коренится возможность культурной дихотомии в рамках одной национальной системы: «ценности верха» начинают неявно контрастировать по форме и содержанию с «ценностями низа». Именно такая ситуация характерна для русской культуры. Поэтому Н.Трубецкой определяет её как «антиномичную», внутренне конфликтную. В «нормальной же культуре между верхом и низом всегда существует известный обмен и взаимодействие» (там же). Отражается данное положение и на языке отечественного «правлящего отбора»: элита предпочитает говорить не на русском наречии, а на языке иных народов, иных культур: французском, немецком, английском. Были периоды, отмечает Н.Трубецкой, когда «верхам» было «неприлично» говорить по-русски.

Излишнее заимствование чужих ценностей (в том числе и в формах языка) носителями культуры приводит, по мысли Н.Трубецкого, к нарушению механизмов передачи традиции, к кризису идентичности и гибели социального организма. Данная закономерность, обуславливающая внутреннее движение культуры, определяет и механизмы межкультурных взаимодействий. Регуляция их осуществляется с помощью «идеи-правительницы» - доминантной общенациональной ценности, выраженной в языке. Наличие адекватной данному обществу (его прошлому, настоящему и будущему) «идеи-правительницы» приводит к «органическому сращению» социальных, политических, культурных доминант в единое целое. *Из этого единства вытекает особая языковая политика государства, активное участие государства в управлении культурой, в культурном «облагораживании» политики и языка. Цель этой политики – снятие внутренних социокультурных противоречий, «расцвет национальных ценностей и идеалов»* (там же). Н.Трубецкой неоднократно обращал

внимание на то, что такой расцвет невозможен без «ренессанса» национального языка.

Ренессанс необходим, чтобы противостоять внешним влияниям: только «сильный» язык может помочь сохранить культурную идентичность и противостоять «языковой интервенции». Мыслитель полагал, что в рамках межкультурного взаимодействия в исторической перспективе закономерно выделяются наиболее «агрессивные» культуры, нацеленные на постоянное расширение своего пространства за счёт уменьшения пространства иных культур. Попытки продвинуть «границы» своей культуры на чужую территорию сопряжены, по мысли Н.Трубецкого, прежде всего с культурной агрессией, с «языковой интервенцией», нацеленной на постепенное замещение базовых (ценностно значимых) понятий чужого языка своими собственными. Такая политика «языфикации» - насаждения и поддержания языковых заимствований - ведет к целенаправленному «замещению» мировоззрения, к скрытому воздействию на национальную психику и к аберрации «картины мира» народа.

Способом сохранения культурной самостоятельности и самобытности в этом случае, по Н.Трубецкому, становится «разумный национализм», «самопознание», «сильная языковая политика» (см.:39). Мыслитель настаивал на том, что «культура должна быть для каждого народа другая... Общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, – невозможна» (там же). В работах «Вавилонская башня и смешение языков», «Мысли о морфологии», «Фонология и лингвистическая география», «К фонологической географии мира» Н.Трубецкой исследовал закономерности функционирования языка в культуре. Рассматривая типы языковых связей во времени и пространстве, учёный пришёл к заключению о существовании особых «ареалов», где проявляются интенсивные процессы «радиации» доминантного языка. Данное явление становится базой для тесного взаимодействия языковых общностей выделенного «ареала» и образования т.н. «языковой семьи» («языкового союза»). На её основании затем развиваются процессы объединения культурно-лингвистических элементов в новое «культурно-историческое целое» (подробнее см.:10).

Идея «расчлененного» осмысления культурных процессов породила три принципиальные понятия, ставшие смысловыми ориентирами в исследованиях евразийцев: «культурная среда», «эпоха» и «отрасль» культуры. П.Савицкий выделяет как непреложные следующие положения концепции евразийства: 1) «Рассмотрение культуры как недифференцированной совокупности»; 2) отрицание существования универсального «прогресса» ; 3) «...здоровое социальное общежитие может быть основано только на неразрывной связи человека с Богом...» (32,с.16). Последнее положение краеугольно и имеет практическую направленность в комплексе понятий, охватываемых в евразийстве термином «культура». «Евразийство есть не только система историософских или иных теоретических учений. Оно стремится сочетать мысль с действием; и в своем пределе приводит к утверждению, наряду с системой теоретических воззрений, определенной *методологии действия*. Основная проблема, которая в этом отношении стоит перед евразийством, есть проблема *сочетания религиозного отношения к жизни и миру с величайшей, эмпирически обоснованной практичностью* (курс. - Ю.И.» (там же).

В этом плане чрезвычайный интерес представляет понятие «бытового исповедничества», вводимым Н.Трубецким в статье «Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока)». Начинается она со смелого утверждения, отвергающего общеизвестную и принятую в классической науке XX столетия точку зрения о Киеве как прародителе и генетическом ядре русской государственности. Автор пишет: «Господствовавший прежде (впрочем, и ныне - Ю.И.) в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой «киевской Руси», вряд ли может быть признан правильным» (см.:40). Таким образом, ставится вопрос о роли Востока в формировании русской культуры.

Размышляя же о представлении веры в сознании русского человека, Н.Трубецкой считает, что «вера не была совокупностью отвлеченных догматов, а цельной системой конкретной жизни» (там же). Две стороны русской жизни, по его мнению, неизменно присутствуют бок о бок: вера и быт. «В быте и в культуре не было ничего морально и религиозно безразличного» (там же). «Вера

входила в быт, быт - в веру, оба сливались воедино, в целостную систему «*бытового исповедничества*» (там же) Оно понимается Н.Трубецким как следование православным традициям и в бытовой, и в духовной сферах. Проявлялось это и в подборе речевых выразительных средств, в широте и образности которых никогда не был стеснен русский человек.

Н.Трубецкой считает, что ориентация Петра на «Запад» привлекла разрушению бытового исповедничества и последовавшую за этим «бытовую неразбериху». Как трагедию он рассматривает упразднение роли царя «как образцового представителя идеала бытового исповедничества» (там же). (Как все же трудно было, заметим мы, даже «цвету русской интеллигенции» прошлых веков, обходиться «без царя в голове»!). Следствием этого, пишет кн. Н.Трубецкой, стала смена системы ценностей у правящего класса и ведение антирелигиозной и антинациональной по отношению к русскому укладу политики, что повлияло не только на характер развития государственности и языковое творчество дворянства, но и внесло ощутимую струю новых представлений в народное сознание, выраженную в говоре и языке(подробнее см.: 40).

То, что у Н.Трубецкого относительно «практичности» веры и православия было скорее следствием его теоретических изысканий, приобретает сугубо практическую направленность у других евразийцев и, прежде всего, у П. Савицкого. Для него *Идеал* православия заключается не в «религиозном интернационале», а в симфоническом и органическом, соборном единстве многих исповеданий. Эти исповедания православны, но не в том смысле, что они греческие или русские, а в том, что они не еретичны. Такое соборное единство не отрицает романской или германской индивидуальности и не оставляет их вне Церкви. Напротив, оно требует от этих индивидуальностей полного и свободного самораскрытия в Христовой вере и таким образом «возвращает» их в лоно православия. Существовая пока только как русско-греческое и преимущественно как русское, православие хочет, чтобы «весь мир сам из себя стал православным, и чтобы иные симфонически-личные аспекты православия в союзе христианской любви и свободы соединились соборно, или симфонически, с русским, греческим и славянским» (см.: 33).

Таково по существу и отношение православия к язычеству, которое, с точки зрения П.Савицкого, есть потенциальное Православие. Это позволяет предполагать, что русское православие и «среднеазиатское язычество» (читай «буддизм» - Ю.И.) в его христианизации, создаст формы православия, более родственные русскому его воплощению. Факт «родства» заключается в живом и глубоком сознании примата религии, т.е. религиозного основания всего бытия. На это указывает *специфическое отношение к природе и миру. Сама же православная идея преобразования мира (а не - как в католичестве - замены его другим) и признание существенной оправданности этого Богом созданного и обожжаемого мира, позволяет установить нечто ее предчувствующее у буддистов (которых П.Савицкий причисляет к язычникам).* Сюда же надо отнести, по мнению П.Савицкого, и, так называемую, мистическую созерцательность православия, дающую повод к необоснованным обвинениям его в пантеизме. Равно и специфичность религиозной этики, которая в православии выдвигает идеи самопожертвования, смирения и покорности Божьей воле, чему в буддизме соответствуют идеи кармы и судьбы. Религиозно-этические категории распространяются на все бытие. Не признавая ничего религиозно-этически индифферентного, православие не ограничивается только человеческим, а самого человека не выделяет как особую сферу. В связи с этим религиозный обряд и культ не могут толковаться как магия, но приобретают смысл существенной для всего мира деятельности. Само же религиозное учение получает жизненность и реальную силу в *бытовом исповедничестве*, в силу чего религиозная идея становится конкретной, и развитие ее делается развитием самой жизни (см. там же).

Понятно, что при таком истолковании практической направленности православия и трендов его развития, в его догматике появляется принципиально отличное от европейского понимание проблемы зла. На место активно-агрессивной борьбы со злом выступает преодоление его терпением и верой, в результате чего оно само себя уничтожает при свете активно осуществляемого добра (как в этом контексте не вспомнить лживость «певцов» «православно-черносотеной» практики Новороссии!!!). В этой

связи П.Савицкий сочувственно и проникновенно пишет о нравственной сути буддийского учения. По его мнению, буддизм с наибольшей для язычества силой и притом в родственных православияу тонах раскрывает идею искупления, а в своей теории «бодисаттв» предчувствует идею Богочеловечества. Если буддизм своей «созерцательностью» и «пассивностью» отражает *терпимость* как сторону православия, то мусульманство - активное, хотя и не стойкое – «умаленно» выражает направленную на преобразование мира его «*действенность*». Однако последняя, как показывает история, в русском народе часто принимает болезненную форму стремления *катастрофически преобразить все*, немедленно и всецело сделать мир совершенным и святым. Сможет ли практический (читай - социально-нравственный) «союз» православия с буддизмом, с одной стороны, и с мусульманством – с другой, культивировать в «русском народе» смирение и добро, и обуздать, несмотря на «бытовое исповедничество», его агрессию и жажду разрушения - этих вопросов П.Савицкий, к сожалению, не ставит. Этим он существенным образом подрывает свой же тезис (как, впрочем, и других своих соратников) о продуктивности евразийской идеи как практической и организационной.

Вероятно чувствуя это, П.Савицкий в дальнейших своих рассуждениях, прибегает к проведению строгого различия между Православием и Православной Русской Церковью, с одной стороны, и тем, что считают «православным» и «церковно-православным» отдельные православные люди, хотя бы и обладающие высоким авторитетом и влиятельным церковно-иерархическим положением, – с другой. При этом он всячески превозносит дух православия, *отвергающий всякое «заставь войти» и требующий свободы* (так объясняется разница в отношении русского православия, с одной стороны, к европейскому христианству, с другой – к «язычеству»). Вместе с тем, дух православия достигает наибольшего раскрытия в Русской Церкви, которая главенствует среди других православных и принимает на себя главный натиск зла. В силу этого историческая задача русского народа заключается в том, что он должен осуществить себя в своей Церкви путем исповедничества и самораскрытия. Тем самым создается

возможность самораскрытия в православии и для «неплодящей языческой церкви», и для мира, отпавшего в ересь (там же).

В соответствии с этим «духом Православия» П.Савицким определяется и «критерий» истинной православной Церкви и православного верующего. Он заключается не во внешнем авторитете («к кому, однако, мы относимся с величайшим вниманием», - подчеркивает евразиец), а в «соборном», т.е. в церковном, единстве и церковной согласованности, которые не исключают индивидуального, но необходимо его предполагают. Утверждаясь во мнении о «соборном единстве» Церкви, он отличает ее, «святую, непорочную и безошибочную» 1) от иерархических представителей ее, которые, «как все люди, могут ошибаться и поступать нецерковно», 2) от «эмпирического церковного народа, который лишь становится Церковью» (см.: там же). «Поэтому мы не идеализируем эмпирической действительности и не отвергаем ни грехов церковных иерархов, ни распространившегося среди них под *обер-прокурорским гнетом прислужничества* (как не вспомнить тут обслуживающего Кремль и путинский режим нынешнего московского «вседержателя православия» Кирилла! - Ю.И.), ни недостойного политиканства, ни, наконец, тяжких грехов и заблуждений всего русского православного народа. Но мы относим все это не к Церкви, а к тому «миру, который ею только становится и в котором добро смешано со злом». Интересна тут и параллель православной Церкви с социализмом, проводимая П.Савицким, что подчеркивает открыто платонистически-этатистский характер взглядов евразийцев. Вот что он пишет: «Как недостойно и недостаточно опровергать социализм указанием на взяточничество, безнравственность и всякие пороки отдельных социалистов, так еще более недостойно нападать на Церковь за грехи тех, которые именно в этих грехах своих остаются вне Церкви. Поскольку к Церкви и социализму прилагается религиозно-нравственный критерий, надо применять его не к единицам, а к целому. Дело не в том, есть ли грешники – где на земле их нет? – но в том, требует ли идея для своего осуществления грешных и дурных средств. И тут очевидно, что Православная идея для своего осуществления требует не ненависти, а любви, что она отрицает убийства, насилия, грабежи и обманы, тогда как

коммунизм перестанет существовать, если откажется от борьбы классов, насильственной экспроприации и т. д. Правда, нам возразят, что известная мера насилия в эмпирической жизни неизбежна. Конечно. Но Церковь как раз сама и не занимается конкретной политикой, в которой насилие эмпирически неизбежно, хотя Церковь и требует полноты конкретного. Она не чертит политических программ и не дает конкретных практических указаний, но указывает нам наш идеал и предоставляет нам свободу в его осуществлении. Это уже наше дело, сумеем ли мы и найдем ли в себе силы осуществить его в духе Церкви, в духе любви, а не злобы. Церковь только говорит, что мы должны так его осуществить и что мы грешим, прибегая к насилию, но она же прибавляет, что мы не менее грешим, если бездействуем, и что во всяком, даже грешном, деле есть зерно нужного и благого» (там же). Вот такая «диалектика» «институализованного» нравственного и лично безнравственного. Перефразируя гетевского Мефистофеля, православие здесь - часть силы той, что в мире зла, творит добро.

Все сказанное до сих пор, оговаривается далее П.Савицкий, является не чем иным, как толкованием и изложением одного из существеннейших понятий православия – понятия «соборности». И тут мы снова в аргументативном дискурсе евразийцев сталкиваемся с эпистемологией платонизма. Последуем за ученым. Словом «соборный», пишет он, церковнославянский Символ Веры передает греческое слово «кафолический», «katholikos». «Соборный», или «katholikos», – значит «единый по всему и во всем», единый в целом и во всех частях. «Вселенскость», «вселенский» («oikoumenikos» от «oikoumenes» – вселенная) означают факт и – еще более – идеал распространенности Церкви по всему миру, по всей населенной людьми земле. Отсюда П.Савицкий заключает, что «oikoumenikos» - обозначение географически-этнографическое и внешнее.

Напротив, «соборность» и «соборный» (katholikos) определяют внутреннюю природу Церкви. Церковь была соборной с самого своего возникновения, когда она не распространилась еще и по всему римскому миру, и пребывала бы соборной даже в том случае, если бы в ней осталось всего два-три человека. Вселенскость, конечно, вытекает из соборности, будучи полнотой

ее осуществления вовне; но эмпирически Церковь может и не охватывать вселенную иначе как в идеале, хотя всегда была, есть и будет *актуально соборной*.

Далее, представленная тут, платоническая эпистемология усиливается этически. Нет ничего *благого* и действительно существующего вне *соборной Церкви*, гипостазирует П.Савицкий, и в ней *полнота* всякой личности, как индивидуальной, так и симфонической. В Церкви основание и оправдание личности; через нее, и только через нее, всякой личности даруется бессмертие. Однако все личности составляют в Церкви и совершенное единство, их индивидуального бытия не исключающее, ибо Церковь есть *истинное единство множества и множество единства, всеединство*, как совершенная всеединая личность. Правда, такова Церковь лишь в святом своем совершенстве, в славе своей, эмпирически всецело не являющейся (там же).

И далее, как и во всяком платонизме, следует крещендо мысли, взошедшей на престол Идеи. С высоты ее положения, в религиозно-нравственном дискурсе П.Савицкого, *эмпирическая Церковь* предстает только как симфоничность или согласованность многих своих личностей, как соборное единство всех членов ее в духе веры и любви, как «собор всей твари». Мысль поднимается до пророческого звучания. Послушаем: «Христова вера и Христова любовь так соединяют всех членов Церкви, что сохраняется и расцветает всякая личность, а все индивидуально отличное и только эмпирическое, с другим не согласуемое, все же со всем и согласуется. Христианин понимает, что он не прав, если его индивидуальная, субъективная правда отрицает правду других. Он не утверждает своей субъективной правды самовольно, сознавая свою ограниченность и уповая, что Бог согласует истинное существо его правды с истинным существом правды всякого другого. Отдавая должное греховному несовершенству мира, он ценит даже в ошибке другого искаженную другим и лишь Богу иногда ведомую правду, смотрит на свое субъективное убеждение только как на свою попытку приблизиться к церковной истине, церковной же, т. е. абсолютно удостоверенной, истиной признает лишь то, что провозглашено самой соборной Церковью» (там же). Таково *православное обоснование* проекта евразийства, наиболее

полно представленное в статье П.Савицкого «Православие как основа идеологии» в 1926 г.

Исходя из выше изложенного, теперь мы можем констатировать, что если в теоретическом, особенно культурологическом и лингвистическом плане, евразийцы высказали ряд интересных положений и выдвинули заслуживающие на внимание гипотезы, то, как некий практически-политический проект евразийство, несмотря на социальный пафос и благородство стремлений, обнаружило свою слабость и практическую ущербность. Говоря об ущербности проекта Евразия, хотелось бы, прежде всего, привести слова Н.Бердяева, который критически оценивая евразийское движение еще в 1927г. в работе «Утопический этатизм евразийцев» писал: «В брошюре «Евразийство» есть немало верных мыслей, заслуживающих полного сочувствия. Евразийское направление обращено к реальной России и реальным в ней жизненным процессам, оно признает факт совершившейся революции с ее перераспределением социальных групп бесповоротным, хочет работать в пореволюционной среде и потому живет не эмигрантскими фантазиями и галлюцинациями, а реальной действительностью. В политической программе евразийства есть несомненное угадывание того, к чему сейчас ведут происходящие внутри России процессы» (см.:9).

Рассматривая евразийство как реальное социальное движение, Н.Бердяев прозорливо указывает на главную особенность философского дискурса евразийцев - *платонизм*. Особенно ярко платоническое мировоззрение «евразийцев» проявляется в трудах философа и лингвиста Н.С.Трубецкого «О государственном строе и форме правления», правоведа Н.Н.Алексеева «Евразийцы и государство», географа П.Н. Савицкого «О внепартийности», подчеркивал он, исходя из публикаций 1927г.

Вместе с тем, евразийство как идеология несет с собой **соблазн и несомненные опасности**. Главная опасность тут коренится в **миросозерцании**, которое Н.Бердяев называет **натуралистическим монизмом и оптимизмом**. «Евразийцы, несмотря на свое подчеркнутое **ортодоксальное православие**, почти в такой же степени монисты, как и марксисты, и

настроенность их полна натуралистического оптимизма. Евразийцы очень меняются, и среди них есть разные оттенки, но основное их мироощущение все же можно уловить. Такого типа мышление всегда будет более базироваться на категории необходимости, чем на категории свободы, будет подчинять личность коллективу и не очень будет склонно вводить момент нравственной оценки в политику. При такой оптимистически-монистической идеологии то, что нарождается, развивается и должно восторжествовать в будущем, представляется благим и добрым, необходимое почти совпадает с долженствующим быть. Нравственный пафос в отношении к жизни всегда предполагает известного рода дуализм, не онтологический, но религиозно-нравственный дуализм. В систематическом изложении евразийства этого дуалистического момента, присущего христианству, нет и потому нет нравственного пафоса» (там же).

Опасной стороной евразийской идеологии является и то, что он называет **утопическим этатизмом**, и опасность эта коренится **именно в ложном монизме**. «Мне представляется ложным и не христианским отношение евразийцев к государству. С этим связано и их отношение к личности и свободе», - подчеркивал Н.Бердяев (там же). Он указывает, что с их точки зрения государство объемлет все сферы жизни, и совершенное государство окончательно должно захватить все сферы жизни, организовать всю жизнь, не оставив места для свободного общества и свободной личности. Это и есть принципиальный монизм, который ведет к абсолютизации государства, к пониманию государства, как земного воплощения истины, истинной идеологии. Евразийцы называют это не теократией, а *идеократией*.

Н.Бердяев раскрывает *внутреннюю связь идеократии с платонизмом*. Идеократия есть господство подобранного правящего слоя, который является носителем истинной идеологии, государственной идеологии. Формально это очень походит на коммунизм. С точки зрения истории идей в идеократии, пишет Н.Бердяев, представлена старая утопия, изложенная в «Республике» Платона. Совершенное государство Платона есть абсолютная тирания. Правящий слой, который будет носителем истинной евразийской идеологии, и должен создать республику

Платоновского типа, управляемую «философами» (такими «философами», как будто заглядывая в сегодняшний день, подчеркивает мыслитель, *будут себя считать все евразийские молодые люди, никогда о философии не помышлявшие*) (там же).

У Платона была вечная и истинная аристократическая идея господства лучших, но Платоновская утопия совершенного государства, очень живучая в истории, означает подавление личности и свободы, - настойчиво проводит свою мысль Н.Бердяев. По сравнению с этим политика Аристотеля с его несовершенным государством представляется блаженством, возможностью свободно дышать. По-видимому, во имя свободы добра необходимо допустить и некоторую свободу зла, ведь сам Бог допустил существование зла и этим указал на значение свободы, иронически резюмирует евразийский этатизм Н.Бердяев (там же).

Далее философ указывает на формальное сходство евразийцев с современными им французскими томистами, «которые также крайне ортодоксальны и социальны, антиромантики, рационалисты, формалисты и конструктивисты». Пафос организованности и социальности у евразийцев, по его мнению, скорее римский, латинский, чем русский. Склонность евразийцев к пониманию религии, прежде всего как силы социально-организующей и формальной, более исторической, чем духовной, тоже очень напоминает римское отношение к религии. Отсюда он делает такие выводы: 1) Субъективные права личности, более абсолютные по своему значению, чем формы государства, мало вдохновляют евразийцев; 2) о свободе совести они говорят только для того, чтобы отделаться от лиц, которые к ним с этим пристают. На практике же готовы ограничить свободу вероисповедания для католиков; 3) евразийцев вдохновляет движение коллективов, масс. Это есть пафос не столько духовный, сколько натуралистический.

Словно предчувствуя тенденции развития евразийства, Н.Бердяев пророчески вскрывает **опасность возникновения диктатуры в практическом воплощении идеократии**. Диктатура партии много горше диктатуры одного лица, подчеркивает он. В этом плане Диктатура Муссолини менее тягостна, чем диктатура неисчислимого количества фашистских мальчишек. И это определяется тем, что в монархическом начале есть своя

непреходящая правда, хотя и относительная. Диктатура по существу своему может быть лишь переходным состоянием, а не идеалом политического устройства. В этом отношении евразийская идеология не чиста и слишком насыщена аффектами и эмоциями нашей эпохи. Есть большие основания думать, что мы идем от диктатуры к диктатуре. Но это не имеет отношения к построению идеального строя общества (там же).

По мнению православного философа на этом пути у евразийцев происходит существенное *перерождение русской души и отступничество от русских чаяний*. Замысел Евразии предполагает своеобразный путь европеизации. Но ведь и Западной Европе очень свойственна государственность, национализм, любовь к власти, инстинкт организации и конструкции, рационализм и формализм, боязнь мистики, особенно мистики апокалиптической. *В этом парадокс евразийства*, подчеркивает Н.Бердяев, т.к. отталкивание от Европы и обращение к Азии ничуть не мешают европеизации (там же).

Вместе с тем, Н.Бердяев видит позитив евразийства в том, что оно хочет *опереться на молодого человека нового психического склада*. Он в приподнятых тонах пишет, что *евразийцы совершенно правы в своей идеологической борьбе против индивидуализма и формального либерализма*, которые разложились и принадлежат отмирающей эпохе. Индивидуализм и в Европе кончается и не имеет будущего, категоричен философ, однако оговаривается: *преодоление индивидуализма не означает отрицания его исторического значения* (чего, кстати, не наблюдаем у современных идеократов евразийства!). Европейский индивидуализм имел миссию, подобную той, какую имел гуманизм греческий. Евразийцы склонны усваивать себе организаторски-конструктивные методы Европы, но не понимают того значения, какое имел индивидуализм для развития человеческой души (там же).

Разрыв евразийского поколения с традициями русской творческой религиозной мысли выражается, по мнению философа, и в его церковном консерватизме и в его **тяготении к бытовому исповедничеству**. *Профетизм русской религиозной мысли евразийскому поколению остался чуждым, и великие мессианские упования русской религиозной мысли этому поколению не*

передались (вот уж чего не скажешь о евразийстве ХХІ ст., достаточно вспомнить г-на Дугина). Но далее в современном евразийстве имеем «как по писанному» (вернее, описанному Н.Бердяевым), а именно: духовно евразийское поколение находится во власти реакции, его представители жаждут церковного покоя и порядка. Политическое, социальное, литературное новаторство и даже революционерство евразийцев соединяются с церковным консерватизмом и реакционерством, говорит Н.Бердяев об этом как о преобладающем настроении (там же).

Было бы большой ошибкой абстрагироваться от православного контекста в этих критических оценках Н.Бердяева идеократии евразийцев. Не случайно, как бы резюмируя свои размышления, мыслитель сожалеет: *эсхатологическое сознание в евразийском катехизисе отсутствует, и отсутствие это и порождает утопический этатизм*, сродни Платоновому (там же).

В связи с этим напомним суть христианского эсхатологического сознания как конца истории «по совершении времен». «Последняя труба» возвещает общее воскресение и общий суд, за которыми следует вечное блаженство праведных и вечная мука осужденных. Христиане мыслят грядущее царство славы как полное обновление неба и земли, как реализацию божественного порядка, упразднение зла и смерти, которому предшествует огненное крещение вселенной («апокалипсис»). Царство Божие как совершенное осуществление воли Божией на земле («яко на небеси») сознается прежде всего как суд, но вместе и как спасение. В нем осуществляется Новый Завет - внутреннее, совершенное соединение божеского с человеческим, залогом которого служит то единственное в истории интимное, *непосредственное соединение личного самосознания с Богосознанием, какое мы находим у Иисуса Христа* и только у Него. Это внутреннее соединение с Богом во Христе, это духовное созидание царства Божия не упраздняет, однако, веры в окончательную реализацию этого царства, его «явления» или пришествия «в силе и славе».

Однако у евразийцев по сути отсутствует понимание «Кто же может спастись?». Это же спрашивают Христа ученики, и слышат в ответ: «Человеку спастись невозможно, но Богу все возможно». Но как спасает Бог христианский? Не словом, не

учением, не исцелениями и воскресениями, не личным примером при схождении в мир, Он спасает Собой и Своей смертью, Своей жертвой.

То, что от греха и смерти спасает человека не человек, не богомудрый наставник и не благоволение заповедного Бога, но Бог вочеловечившийся и Сам Себя принесший в жертву Себе за мир, имеет одно, но величайшее следствие. Человек, *добровольно* согласившийся соучаствовать в жертве Бога, входящий с Ним в смерть, оказывается с Ним и в воскресении, в триумфе над смертью и над источником зла. Бог стал человеком, дабы человек стал Богом. В воскресении с Богочеловеком человек становится Богом. Он, человек, тварь, входит в полноту бытия Того, кто его создал и восстановил из греховного тлена. Бог делает свое творение Собой. Таким образом, христианская аксиология спасения обнаруживает в своей основе онтологию творения и идею богооткровения, т.е. платонизм в своей сути. И толкуя спасение подобным образом, Русское православие, а с ним и вся национальная культура, в который раз разминулось с Аристотелем.

С Платоном русская культура встретилась, и не раз, писал Сергей Аверинцев. В Древней Руси эта встреча происходила при посредничестве платонизирующих Отцов Церкви. В России XIX-XX столетий посредниками были Шеллинг и русские шеллингианцы, включая великого Тютчева, затем Владимир Соловьев, Владимир Эрн, отец Павел Флоренский, Вячеслав Иванов. Античной философией занимались оппоненты позитивизма и материализма, более или менее романтически настроенные; и естественным образом они брались не за скучные трактаты Аристотеля, а за поэтические диалоги Платона. Но встреча с Аристотелем так и не произошла. Несмотря на деятельность упомянутых выше специалистов, **Аристотель не прочитан образованным обществом России до сих пор.** Человек Запада может никогда не читать Аристотеля; может никогда не слышать этого имени; может считать себя убежденным противником всего, что связано с этим именем. И все же он в некотором смысле является «аристотелианцем», ибо влияние аристотелианской Схоластики за столетия определило слишком многое, вплоть до бессознательно употребляемых лексических оборотов. Поэтому человек современности хорошо сделает, если чаще будет думать об аристотелизме как внутренней форме западной цивилизации... Русскому это дает шанс, избегая изоляционизма славянофильства, сделать свое отношение к Западу более глубоким (1, с.738).

Подводя итог своим размышлениям о платонической основе евразийской утопии Н.Бердяев делает непреложный вывод: Евразийство может сыграть положительную политическую роль, но оно должно освободиться от соблазнов утопии, от эксцессов этатизма, от вожделий диктатуры партии, которая, добавим мы, поразила и современную огосударвленную РПЦ во главе с Кириллом. В этом контексте (а соответственно, организационном, практически-политическом плане) для современного евразийства, как мне представляется, чрезвычайно важным является следующее философское заключение мыслителя: евразийцы подвергаются опасности отождествить происходящее с должнствующим быть и утратить свободу духа в отношении к тому, что представляется необходимым. Зададимся вопросом: не в этом ли кроется, собственно, социально-нравственная, и, если угодно, религиозная причина утопизма современного евразийства и, что намного страшнее, терроризма и лжи его идейных викидышей – «русского мира» и «новоросии»? Ведь освящаемые клиром Московской православной Церкви, опутаной «на верху» властной (бывшей советской партийно-номенклатурной) паутиной бюрократии Российской державы и ее спецслужбами, эти идеократические движения стали - «внизу» - питаемой средой «совкового» дискурса российского обывателя и формирования ущербной психики деморализованной, отравленной массовой культурой и тяготеющей к уголовщине, фашиствующей российской молодежи.

Если же взять во внимание «прагматический», сугубо социально-экономический аспект евразийства, то и тут даже теоретически далеко не все так выглядит безоблачно, как этого хотелось бы евразийским идеократам и современным его практикам. И это несмотря на очень существенные трансформации евразийского проекта. Во-первых, в поисках национальной идентичности, бывшие республики Союза, находя ответ в евразийстве, отходят от идеи главенствующей роли русских и русской культуры, и приходят к представлению абсолютного равенства всех этносов евразийского пространства в историческом процессе объединения. Опираясь на заветы ранних евразийцев, в прагматической (экономической) интерпретации евразийцы отбрасывают мистическую составляющую «священной» собирательной миссии русского народа. Поэтому представителем нового евразийства, скажем, стал Президент Казахстана Назарбаев. Во-вторых, современное евразийство отличается и

политической целесообразностью в выработке конкретных шагов, необходимых для интеграции постсоветского пространства. По мнению современных евразийцев, таких, скажем, как. Панарин, новая интеграция, если она хочет быть успешной, должна включить два важных принципа: 1) сначала экономическая целесообразность союзничества, гуманитарное сотрудничество, а потом уже закрепление этой выгоды военно-политическими альянсами; 2) многоярусная и разноскоростная интеграция, т.е. принятие во внимания степени готовности или неготовности стран к объединению. Этому принципу соответствует возникновение самых разнообразных интеграционных организаций – от военных (ОДКБ), экономических (ЕврАзЭС, Таможенный союз, ЕЭП), до общеполитических и гуманитарных (ШОС, СНГ), где каждый интеграционный уровень выполняет свою задачу. На практике, конечной целью современных евразийцев, кроме социального устройства мира России-Евразии, является создание Евразийского Союза (ЕАС). Одновременно поддержка со стороны властей, которую евразийство получило и в Российской Федерации, дала возможность сформироваться более широкому евразийским организациям, и создать научные институты, которые должны способствовать развитию евразийской теории (например, «Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева» в Астане). Тем не менее, практика «Русского мира» и «Новороссии» грубально попраля все благие намерения теоретиков евразийства.

Конечно же, огромным препятствием для реализации социально-экономической версии еразийства является его этатизм. Известный российский социолог О.И.Шкаратан характеризует *этатизм как проявление патернализма*. С его точки зрения общественное устройство, сложившееся в СССР к началу 1930-х и сохранявшееся до 1990-х гг., было этакратическим. «Это была новая социальная система не являвшаяся ни капиталистической, ни социалистической, которая возникла в СССР, а позднее была распространена на другие страны. Ей присущи специфические и устойчиво воспроизводящиеся черты, которые знаменуют становление новой самостоятельной социально-экономической и политической системы, которую можно именовать этакратической (дословно *власть государства* от франц. и греч.). Этакратизм - это не цепь деформаций и отклонений от некоей образцовой модели капитализма или социализма, а самостоятельная ступень и в то же время параллельная ветвь исторического развития современного общества со своими собственными законами функционирования и развития». О.И.Шкаратан выделяет такие основные черты этакратической модели:

- обособление собственности как функции власти, доминирование отношений типа «власть – собственность»;

- преобладание государственной собственности, процесс постоянного углубления огосударствления;
- государственно-монополистический способ производства;
- доминирование централизованного распределения;
- зависимость развития технологий от внешних стимулов (технологическая стагнация);
- милитаризация экономики;
- сословно-слоевая стратификация иерархического типа, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотношенных с ними привилегиях;
- корпоративная система как доминирующая форма реализации властных отношений, а соответственно - иерархического ранжирования и объема и характера привилегий членов социума;
- социальная мобильность как организуемая сверху селекция наиболее послушных и преданных системе людей;
- отсутствие гражданского общества, правового государства и соответственно наличие системы подданства, партократии;
- имперский полиэтнический тип национально-государственного устройства, фиксация этнической принадлежности как статуса (при определении ее «по крови»), а не по культуре или самосознанию (см.:43).

В своем рассмотрении особенностей этакратической системы О.И.Шкартан ссылается на М.Кастельса. В XX веке жили, пишет тот, в сущности, при двух господствующих способах производства: капитализме и этатизме. ... При этатизме контроль за экономическим излишком является внешним по отношению к экономической сфере: он находится в руках обладателей власти в государстве (назовем их аппаратчиками или, по-китайски, линг-дао). Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т.е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания». При этом сопротивление новой системе оказали народы стран с большим опытом рыночной экономики, демократических институтов и принадлежавшим к католической и протестантской христианским культурам. В то же время этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа - в Китае и Вьетнаме, Монголии и на Кубе, что подтверждает не случайность его возникновения.

По мнению О.И.Шкаратана, ныне все разнообразие линий общественного развития, в конечном счете, основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые можно именовать «европейскими» и «азиатскими». Первый - это общества, идущие от античного полиса, характеризующиеся частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество-государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, властью государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. В мировой истории преобладал этот тип цивилизации. Именно в странах, где исторически доминировала эта вторая, не-европейская, линия развития, в середине XX в. и установился этатизм (см.:43).

Прямое следствие этатизма - *чрезвычайно слабое развитие, а часто и отсутствие, рыночных отношений в отраслях социальной сферы*. Причем, уровень развития рыночных отношений весьма отличается по отраслям. В Советском Союзе в таких отраслях, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, практически полностью отсутствовали платные формы, и ресурсы для их развития направлялись из государственного и местного бюджетов и из средств предприятий. В отраслях культуры, связи и физической культуры, на пассажирском транспорте рыночные отношения приняли модифицированную форму, предусматривающую платные формы обслуживания населения, но при этом на услуги данных отраслей устанавливались заниженные по сравнению с себестоимостью цены, требовавшие постоянных и все возрастающих дотаций. В третьей группе отраслей - в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании - исторически сохранялись элементы реального рынка, здесь также присутствовала некоторая доля частной собственности. Но особенно активно рыночные отношения в этих отраслях развивались в форме «теневой» экономики.

Еще одна существенная черта патерналистской модели - *эгалитаризм - равенство в потреблении материальных благ и услуг*. Данный принцип социальной политики сыграл важную роль в обеспечении общедоступности социальных благ. На его основе в СССР была достигнута всеобщая грамотность, улучшены жилищные условия миллионов людей, снижена заболеваемость по большинству болезней, увеличена продолжительность жизни. Вместе с тем эгалитаризм снижал стимулы к труду у населения, отрицательным образом влиял на качество предоставляемых услуг. При этом декларируемые государством

эгалитаристские принципы часто вступали в противоречие с многочисленными привилегиями номенклатурного класса.

Следующая черта патерналистской модели социальной политики - *гарантированная всеобщая занятость* - была обусловлена *отсутствием реального рынка труда*. По мере интенсификации общественного производства политика всеобщей занятости столкнулась со значительными трудностями, в частности, по созданию новых рабочих мест. В то же время слаборазвитая система переподготовки и переквалификации кадров в сочетании с массовой первичной подготовкой кадров не позволяла оперативно реагировать на запросы народного хозяйства. С другой стороны, в стране существовала *скрытая безработица*, причем не только в форме занятости в домашнем и личном подсобном хозяйстве, но и вследствие неэффективного использования рабочего времени, особенно со стороны инженерно-технических работников и младшего управленческого персонала.

Применение патерналистской модели социальной политики к российским реалиям во многом было предопределено исторически, соответствовало особенностям российского менталитета и в течение нескольких десятилетий давало положительные результаты. Однако на нынешнем этапе развития общества патерналистская модель социальной политики стала существенным тормозом для совершенствования социально-экономических отношений. В России система социального обеспечения в конце 80-х гг. прошлого века формально приближалась к социально-демократической модели, предполагающей большую роль местных органов управления, высокий уровень затрат на социальное обеспечение, стимулируемую государством высокую занятость, развитие частного сектора, предоставляющих услуги, акцент на обязательном страховании, налоговое перераспределение денежных средств, при главном финансировании со стороны государства. Однако под давлением монопартийной идеологии социальная политика социалистического режима была практически лишена независимости, поэтому на передний план вышли антилиберальная направленность, иерархичность, статичность, смесь социалистических идей с консервативными элементами политики (подробнее см.: 43).

Праведность «Новороссии»: от мессианизма к практике лжи и террора

Как можно воплотить положительные идеи евразийской идеократии в XXI-м веке и при этом не допустить фашизма? Один из представителей современного «либерального» евразийства, лидер «Молодой Евразии» Юрий Кофнер пытается обрисовать концептуальные границы различия, но при этом выказывает непонимание того обстоятельства, что 1) православие, которое пытаются положить в основу евразийства, авторитарно по внутренней своей сути, а поэтому 2) оно не только потенциально чревато тоталитаризмом, но и практически тоталитарно, о чем свидетельствует история его деяний, благие намерения обосновать им идеократию ... и современные российские фашистские движения, идейно берущие его на вооружение.

И вот уже слышим знакомый нам вопль г-на Дугина: сейчас русская кровь, которая льется ежедневно, в том числе кровь невинных детей, женщин, пробуждает в нас древнюю волю, древний голос нашей истории, нашей сущности. Это страшный обряд. Когда мы видим врагов, уничтожающих «наш» (т.е. придуманный, так сказать, теоретически сконструированный Дугиным «новороссийский») «народ», и не можем дать достойный отпор, это невозможно пережить. Естественное для такой симуляции резюме: «Борьба за Русский мир будет продолжена» (см.:47). Вдгонку несутся слова молодого евразийца. «На наших глазах в планетарном масштабе рождается новая идеология. Наиболее яркую конкретизацию ее мы видим в двух местах - в

Европе и в Новороссии. Но родилась она в России». Тут же стремясь придать благородную наукообразность своим словам, а проще - напустить еще больше дыму в «теоретические» воздушные замки «русского мира», ставится риторический вопрос: «Что это за идеология и почему именно там?»

«Новая идеология» - это уже известная нам по выше изложенным месседжам г-на Дугина «Четвертая политическая теория». При этом евразийство, мнит, как помним, наш «теоретик», является отечественной версией 4ПТ, а ее ядро – **пра-ведничество** является такой же глобальной мировоззренческой теорией как либерализм-капитализм (1ПТ), коммунизм-социализм (2ПТ) и фашизм-нацизм (3ПТ). Об этом свидетельствует, смело проводит он параллели, появление других **национальных версий (?)** Четвертой политической теорий (в их ряд он лихо помещает, никогда не помышлявших ни о какой-то там «четвертой теории», «сатьяграху» М.Ганди, идеи Сунь Ятсена, «чавизм-боливариизм» (социальная теология освобождения), ненасильственное движение М.Л.Кинга-младшего, европейские партии *«Новых правых»* и идентаристов, выступающих за традиционные ценности, за союз с Россией и за суверенитет *«Европы наций»* «от американской оккупации». «Их всех *роднит* (замечательная оговорка, свидетельствующая о специфическом «племенном» этосе дискурса г-на Дугина) то, что они являются *национально-освободительными движениями* (праведничество - читай московское православие! - таким образом, автоматически причисляется к «национально-освободительным движениям»), и – следите за «кунштюком» «мысли» Дугина - *что они разделяют основные постулаты Четвертого пути*». В этом контексте не просто лживо, но зловеще и подстрекательски начинают звучать его слова: **«Мы замечаем, что эти же принципы** (какие именно!? - дозволено будет спросить - *Ю.И.*) **лежат в основе создаваемой Республики Новороссия»** . Вот вам и «теоретические», они же «православные» («праведнические»), истоки «русского освободительного движения на Донбассе», развязывающие руки преследующих свои политические цели путиновцам и жириновцам, и выливающиеся в массовый террор, так называемых, «ополченцев», российского казачества, чеченской и местной уголовщины.

Со времен европейского просвещения и до наших дней, как в бреду вторит за г-ном Дугиным молодой подпевала Кофнер, в определенной последовательности появились четыре основополагающие «мировоззренческие школы» (о как научно! - *Ю.И.*): либерализм-капитализм (первая политическая теория), коммунизм-социализм (вторая), фашизм-нацизм (третья) и сейчас рождается Четвертая политическая теория - Праведничество. Субъектом 1ПТ является индивидуум/*homo economicus*, 2ПТ - коллектив/класс, 3ПТ - государство/раса. Хотя все предыдущие полит-теории идут разными путями, их метафизическая основа одна и та же - материализм, заявляет Кофнер (и это при том, что «материализм» никогда не был «метафизическим», а «либерализм» и вовсе имеет свои корни в новоевропейской философии «самосознания»). Четвертая политическая теория, тем не менее, продолжает вещать наш философски малограмотный молодой «идеократ», по своей природе является духовной, так как считает субъектом своего мировоззрения человеческую душу/народ (то, что классические евразийцы называли «*симфонической личностью*»). И это - главное отличие от предыдущих трех полит-теорий, торжественно заключает он свой месседж. А далее следует раскрутка такого религиозного «означаемого» в дискурсе праведничества как «Душа»: «Человеческая душа, ее неприкосновенное достоинство, является высшей ценностью для праведничества, но в отличие от либерализма 4ПТ видит душу человека не как оторванный от социума индивидуум, а в органической взаимозависимости от народа, культуры и религии (Бога). Личность всегда конкретна, всегда часть чего-то большего, а не атомарная единица», - в конце концов, нисходит он до социологической банальщины.

Праведничество ставит во главу угла правду, как мантру твердит Кофнер. А по старой русской, да и гандиевской мудрости (!), запросто обобщает наш идеократ, правда - это синоним любви, а любовь - это синоним Бога. И, конечно же, тут уж рукой подать до посконно православного: «ПРАВДА, ЛЮБОВЬ, ВЕРА» - вот главный лозунг последователей 4ПТ. Праведничество, безусловно, имеет свои корни в теологии (и православии, забывает добавить Кофнер). Четвертый путь - Богоутверждающая теория. При этом

данный путь всегда конкретен, всегда основан на традициях, и поэтому, чтобы не обидеть другие конфессии и не изменить духу евразийства, четвертый путь, вещает идеолог, для христиан - Христианство, для мусульман - Ислам, для буддистов - Буддизм и т.д. Однако он не забывает подчеркнуть, что эта новая идеология родилась в России, и первым государством, официально провозгласившим Четвертую политическую теорию своей национальной идеей, возможно, *станет Новороссия*, ведь уже невозможно остановить победоносное шествие этой Новой Идеологии (см.: Юрий Кофнер. Председатель ОПД «Новая Евразия». Интервью. Мюнхен, 7 сентября 2014 г.).

Но вернемся к вопросу о размежевании концепта «русского мира», соответственно, и политического проекта «новороссии», от фашизма. И тут снова в подспорье нам станут широковещательные тексты г-на Дугина. Начала разработки Четвертой политической теории, глубокомысленно заявляет он, можно найти в таких программных документах евразийцев как *«На путях к будущей России»* (Н.Н. Алексеев, 1927), *«Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы»* (1932). Далее идет своего рода идеократическое обобщение, и на передний план языкового сознания выносятся, говоря словами С.Жижека, «объект желания». В отличие от других мыслителей того времени, которые искали альтернативу одновременно и либерализму (1ПТ) и коммунизму (2ПТ), при этом осуждавших дегуманизацию технократического модерна и поэтому искавших *«примирения революции с традицией»*, евразийцы сумели избежать «пропасти фашизма» (3ПТ). Утверждая примат культуры над политикой (народа над государством), неприкосновенность человеческого достоинства и фундаментальную роль религии в развитии общества, евразийцы пошли не вправо (в сторону 3ПТ), а вверх: они положили основу Четвертой политической теории. В этом смысле евразийство является одновременно предтечей и национальной версии праведничества. И хотя евразийцы вынуждены были жить в Европе, истоки 4ПТ находятся в России - духовно.

Постулаты 4ПТ (как видим, «принципы» легко превратились в «постулаты») - по сути **месседжи дискурсные, базирующиеся на «идеократии»** Русского мира. Что это, прежде

всего, дискурсная плоскость разворачивания высказываний, а не теоретический дискурс, отвечающий требованиям последовательности, обоснованности, доказательности (аргументированности), предметности (а не просто любовному «платоническому» созерцанию Идеи), говорит «адресат» их обращения - **«свои»**. «Свои» в этом дискурсе четко противопоставлены не просто «чужим», а **«врагам»**. А такая ригидность сознания, если вспомнить Т.Адорно, неотъемлимый атрибут психологии авторитарной личности, питающую фашизоидную идеологию¹⁶. Но послушаем г-на Дугина: «В общих чертах **целями праведничества** являются следующие:

В области экономической: Построение социальной смешанной экономики с правильным сочетанием частных и государственных начал. Ключевые понятия: хозяйнодержавие (П.Н.Савицкий), солидаризм (Р. Дизель), гарантийное государство (Н.Н.Алексеев). **Свои:** народ, все трудящихся. **Враги:** финансовый и иной олигархат (выделения везде А.Дугина - Ю.И.).

В области политического режима и административного устройства: Построение органической демократии на основе иерархической системы советов, народных референдумов и широких прав самоуправления. Ключевые понятия: демократия/идеократия, федерализм, регионализм, Государство Правды (Н.Н. Алексеев) (тут все «свое», соответственно, что не вмещается в «органическую демократию» - «чужое»)

---

¹⁶ Свои взгляды на феномен авторитарной личности он изложили в книге 1950 года с одноименным названием. Этот тип личности определяется девятью признаками: конвенционализм - потребность следовать установленным нормам и правилам; авторитарное подчинение - высокая степень подчинения всякой официальной власти и всяческим авторитетам, потребность в лидере, который наделяется идеализированными чертами; авторитарная агрессия - безапелляционное осуждение и обвинение всех, кто отклоняется от принятых норм, правил, образцов, объект ее - инакомыслящие, этнические и др. меньшинства; косность, ригидность, стереотипность мышления; вера в «моральную чистоту» собственной группы и отказ в таковой другим группам, боязнь дурного влияния, опасения попасть под власть «чужих», требования создать барьеры для проникновения их в свою среду; цинизм, уверенность в том, что все средства хороши для достижения «высоких» и «справедливых» целей своей группы; конформизм, проекция и преувеличенная озабоченность по поводу секса (сексуальные репрессии); мистическая предрасположенность; преувеличенный интерес к проблемам власти (см.:4).

В области национальной: Утверждение полиэтнического «пан-национализма» на основе добровольного союза суверенных и равноправных народов. Примером здорового «пан-национализма» является идея о «Европе наций» Ш. де Голля. Ключевые понятия: симфоническая личность (Л.П. Карсавин), общий национализм (Н.С.Трубецкой), цветущая сложность (К.Н.Леонтьев). **Враги:** централисты, этносепаратисты (кто «свои» и так понятно – Ю.И.).

В области культурной: Развитие отечественной культуры и защита традиционных ценностей. Ключевые слова: идентаризм, археофутуризм, контр-культура. **Свои:** идентаристы. **Враги:** космополитисты.

В области внешней политики: Построение многополярного мироустройства на основе равноправного сотрудничества суверенных народов и блоков-цивилизаций. Ключевые слова: анти-империализм/анти-колониализм, национально-освободительное движение (движение за суверенитет), блоки-цивилизации (С. Хантингтон))» (см.: 63).

Кроме того, согласно 4ПТ государство **должно** создать необходимые условия для «свободного духовного развития» гражданина, что означает необходимость первоочередной «материальной эмансипации» (умно, умно, г-н Дугин, а главное, как «понятно»!) страны и «всех трудящихся» (тут, очевидно, «тяжелое наследие» коммунистической идеологии дает себя знать). Но вот дальше: это - проведение экономической модернизации, говоря современным языком, с целью трансферта (уф, слава богу, разъяснил г-н Дугин «современным языком» «материальную эмансипацию»!) всего дополнительного продукта на развитие культуры, образования, здравоохранения, жилья, спорта, туризма и защиты окружающей среды (ну, прямо таки цитата из материалов ХХУ или какого-нибудь очередного/ внеочередного, предыдущего или последующего съезда КПСС). А кто же враги? – позвоительно спросить г-на Дугина, неужели бюрократы, ба, неужели путиновский режим? Об этом наш идеократ скромно умалчивает.

Далее идет любимое «праведничество», которое *считает* (все же «считает»! –Ю.И.), что религия *должна быть* отделена от государства, но не для недопущения «оцерковления государства», а для недопущения «политизации религии». При этом государство

должно активно поддерживать традиционные религиозные институты, так как признает за религией руководящую роль в морально-нравственном воспитании человека и общества.

С «врагами» также все ясно и у молодых евразийцев – это враги Русского мира, Новороссии, Русской весны и иже с ними. Поэтому: *«ни слева и ни справа, но всегда впереди»*. Это и политический лозунг близких к праведничеству европейских *«Новых правых»*, подчеркивает Ю.Кофнер, забывая при этом добавить, тех «новых», которых в страхе перед якобы американской угрозой щедро финансирует «старый» советско-имперский Кремль. Конечно же, этот лозунг можно дополнить, что и неприменует делать наш молодой евразиец, словами: *всегда впереди - с Богом!*». По сути, это приглашение в ***царство лжи и террора***, легитимизируемое «праведничеством» как симулякром православия и официальной идеологии Новороссии.

Что это именно так, можно заключить, хотя бы, из той истерической информационной войны¹⁷, которая целенаправленно ведется против Украины. Как в белой горячке с экрана телевизоров и в эфире радио Российской Федерации несется «Хунта», «Фашизм», «Америка ведет войну против России в Украине»... Вопли, слюна, трясучка ... И что самое печальное, если не прямыми проводниками информационной войны, то ее жертвами становятся и священнослужители. Отравленные семена российской пропаганды проникают и в поры церковного тела. Это видно как, к примеру, делится священник Русской Православной Церкви Олег Трофимов

---

¹⁷ А.Илларионов раскрывает одно из кардинальных измерений, ведущейся сегодня информационной войны - это присущий ей **интенсивно эмоциональный характер, регулярно достигающий уровня истерии**. Информационным агрессором это делается сознательно и целенаправленно, так как истерика – это самый эффективный способ подавления процессов рационального мышления той аудитории, которая подвергается информационной атаке. Наблюдается резкое увеличение эмоционально заряженной и обычно табуированной лексики, в том числе, таких терминов, как «нацисты» и «фашисты», применение которых в современной цивилизованной дискуссии не в историческом контексте считается, как правило, неуместным. А.Илларионов также говорит о том, что в России существует 74 центра, занимающихся подготовкой спецпропагандистов. Там обучаются военнослужащие, журналисты, психологи, филологи, люди других профессий, которым преподаются основы и методы ведения информационной войны(см.:57). .

корреспонденту сайта «Русская весна» своим видением войны «с духовной точки зрения» (см.: 65). Начинает отец, вполне, в вероисповедальном праведническом духе: «Друзья, братья и сестрички, однозначно (!? курс. здесь и далее -Ю.И.) хочу сказать вам, *всё происходит только по промыслу Божию*. Промысел Божий - это все обстоятельства, направленные на спасение человека. И даже всё то зло, которое возникает, в конечном итоге, обращается во благо человека». Но вот следует типично пропагандистский, не важно, замечает или не замечает это батюшка, кульбит: «поэтому о Новороссии¹⁸ нужно говорить как о «Божественном плавильном котле». Почему? - задает он риторический вопрос. И отвечает: потому что это произошло в *славянском мире* (используется вторая мифологема). И не просто в славянском мире, а в мире *Святой Руси* (третья мифологема), которая толкуется, конечно же, в духе веками выработанной идеологии московского православия. Поэтому и говорит «батюшка» о Святой Руси, «как о метафизическом явлении, явленном в Новороссии», и с этим он связывает «чаяния людей лучшей жизни». Такая «метафизика», несмотря на все утверждения православных богословов о своем учении как ортодоксии жизни, и здесь проявляется как банальнейшая парафраза утопических чаяний платонизма, разводящего мир идей и мир вещей. Неудивителен в силу этого, последовавший за «метафизическими» бдениями отца, и такой «платонизм» его, с позволения сказать, «мысли». «*Социальной лучшей жизни никогда нигде не будет* (смиряться православные!- Ю.И.), потому что нет, и не было идеального общества. Об идеальном обществе - «универсальном граде», видите ли, писали философ Платон, блаженный Августин,

---

¹⁸ Концепт «новороссия» тут, как и выше, собственно, только *имя, название*, поэтому мы и пишем *ее название* вслед за представителями идеологии «Русского мира» с большой буквы. Когда же имеется ввиду собственно *концепт* «новороссия», равно как и «русский мир», то написание делается с маленькой буквы и в кавычках. По сути, имя Новороссия говорит о «симулякре как копии карты, т.е. копии без оригинала» (Ж.Бодрийар). Но данный симулякр уже присутствует как данность сознания, поэтому и проговаривается как само собой разумеющееся! Это - еще один пример, как «имя» обретает реальность: в дискурсном плане «означающее желаемое» превращается здесь в действительное, в мифологему.

некую идеализацию хотел воплотить Иоанн Грозный - в идее Нового Иерусалима». Т.е. , это было давно, и все это только чаяния и, таким образом, в Новороссии, мол, на это тоже не следует уповать.

Тут возникает ещё один вопрос, продолжает вербальную игру в глубокомыслие, о.Олег. Почему именно Новороссия, а не Центральная или Западная Украина? Там же тоже православные люди, - открывает нам очередную истину наш отец. Есть ещё один очень важный момент (а скорее «аргумент от дьявола», хотя отец и вспоминает «всуе» Бога - *Ю.И.*), который является и карой, и наградой: если мы посмотрим статистику по Украине и по России, то окажется, что Луганская и Донецкая области по количеству абортот занимают первое место. Не может быть счастливой жизни на крови убитых младенцев - пафосно заключает он свою мысль.

Почему это было? - снова ставит (скорее всего, себе, ибо ответ давно и всем хорошо известен еще с советских времен) вопрос наш праведный православный «батюшка»¹⁹. И тут же пускается витийствовать на исторические темы. Послушаем: «С одной стороны, был интернационализм. Он может послужить как для благовестия Христова, так и для распространения всякой нечистоты. Вот, например, древняя Римская Империя, в которой проповедовал апостол Павел. Империя, в которой Средиземное море было внутренним морем, и все страны здесь омывались одной Римской культурой, духом юридизма (ох, этот клятый «юридизм», он как основа либерализма и западничества, так мешает дышать православной душе - *Ю.И.*), и *при этом были духовные бурления и искания* (да, отче, действительно **были**, и если бы не были, не было б и православия как ветки христианства – *Ю.И.*). Время

---

¹⁹ Говоря о православных священниках, мы имеем в виду, прежде всего, молодую генерацию политизированных представителей Православной Церкви Московского патриархата, а также политику и практику отдельных, служащих Кремлевскому режиму, «патриотических батюшек» от РПЦ, нисколько не умаляя подвижническую и милосердную деятельность многих и многих сотен православных священников независимо от их патриаршей принадлежности.

пришествия Христа явилось как раз на эти искания (и это, как ни возмущайся «юридизмом» - правда –Ю.И.). Все это является подводкой к банальной пропагандисткой констатации, что мы живём, видите ли, в аналогичное время. Поэтому и «высшие, наилучшие мысли, которые есть в Новороссии», и «негативные антисоциальные явления, которые в той же Новороссии проявляются» («возникновение разбойных банд под видом ополченцев, несогласованность между командирами», вынужден признать батюшка, и др.) не могут не порождать у него апокалиптического вопроса: чем же это все закончится?

«Время близко» - тут же начинает он пророчествовать с просторов виртуальной Новороссии (интервью от 27.01.2015). «Господь явит своего помазанника для Руси и в первую очередь в Новороссии для утверждения истины и правды. Очень важно, какие будут приняты законы» (Вот ведь незадача, без «юридизма» оказывается никак нельзя). И, конечно же, тут же в ход пускается идеологически «тяжелая артиллерия»: необходимо, чтобы были запрещены аборты и гомосексуализм. «Такие законы сейчас приняли в ДНР и ЛНР, это о многом говорит». И действительно говорит, но не только о позиции православной церкви, это, во-первых, но и говорит об излюбленном информационном штампе российской «геббелевской машины» пропаганды, которая усиленно симулирует болезненные проблемы философско-антропологического дискурса, будоражащие весь мир – это во-вторых.

Ну, а далее идет специальная террористическая операция – обстрел сознания обывателя (а в данном случае и православной паствы) дальнобойными вербальными орудиями, так называемых, «исторических фактов». Местонахождение этого оружия - в исторической глуши российской ментальности. «Вы посмотрите, как колонизируют страны?», - кликушествует святой отец. На каждой стране есть благодать Божия, в том числе была она и на Украине. Вы только представьте, какой дар Божий получила эта страна! Во-первых, это историческая колыбель Святой Руси, во-вторых, **эта страна получила две трети территории вместе с населением, которые никогда не принадлежали этому государству»!!!** Г-н Жириновский... Ау!

Вот такая история с географией... Что это - не знание, культурное невежество, недостаток образования или политический меседж, а потому и сознательная ложь от священника. Скорее всего, это гремучая смесь всех этих компонентов, при явном доминировании объема и удельного веса последнего, с добавлением слюней «богоугодной» ненависти. Послушаем далее. «Этот дар Украина растранижила, плюнула в лицо Господу. Это подписание согласия с евросоюзом. Ей милее европедарастические (ай-яй-яй, «батюшка», и не стыдно, после «Бога» и «метафизики», как говорил Николай Гоголь, «делать такие слова» ...) печенки от Нуланд принимать на майдане, чем заветы святых наших отцов, говорящие о единстве Святой Руси. Украина поставила вместо Бога саму себя», добавим, в воспаленном сознании «батюшки».

Далее вовсе идут избранные места из российского учебника спецпропаганды: «Предтеча этого - Бендера (неправильное имя лидера украинских националистов, также свидетельство лжи и «второй свежести» используемой информации – Ю.И.), молитва такой веры - «москаляку на гиляку», святые такой веры - это «небесная», а правильное сказать, «подземная» сотня (нехорошо, ах как нехорошо святой отец, заигрывать с преисподней, скажем прямо - дьявольское это занятие, как нехорошо и по пагански плясать на костях мертвых). Догмат такой религии (какой такой, позволительно спросить, религии - «национализм», и тем более с европейским лицом, о котором, кстати, писал евразиец кн. Н.Трубецкой - вовсе не религия!) - это фашизм, который убивает инакомыслящих». Тут наш поп снова обнаруживает свою полную политологическую безграмотность, ведь «национализм» вовсе не обязательно «фашизм», о чем может сказать мало-мальски любознательный студент, прослушавший соответствующий курс в «выше». А дальше продолжается уже непрекрытое распалывание ненависти у «инакомыслящих» - православных христиан, которые мыслят себя иначе относительно европейских ценностей. Забавая, что «слово - дар Божий», священник просто утопает в болоте площадной брани, не выбирая слов, щедро пересыпая речь лексикой официальной ПЦ МП, жириновствующих кремлевских политиков и их обслуги из российских пропагандистских СМИ. Тут те и

«плевок в лицо Господа», и «дьявол», и «педарастические законы евросоюза».

Конечно же, виновата во всем Америка. «Не нужно скрывать, что все страны - это офисы Америки, та колониальная политика, которая проводилась в отношении России и стран СНГ, дала свой результат - демографическое вымирание, деградация духовная, потому что навязывались потребительские ценности». И далее наш православный поп снова демонстрирует дремучее невежество: «В демократии, какие ценности? Экономические, т. е. такие вещи как культура, даже чисто светская, спорт, я уже не говорю о духовных вещах, всё это переводится в сферу денежного эквивалента. Эта методика лишения духовности» (добавим: а такая чаемая «духовная методика» просто социально опасна, ибо ведет к невежественному отождествлению «экономического» и «денежного», плоды чего всю ныне пожинает постянуковический Донбасс – результат правления президента, регулярно молившегося и...кравшего). Поздравим г-на Дугина, у него «достойный» ученик, - такой же полуграмотный и черносотенный, как и сам г-н Дугин.

Не будем погружаться вслед за нашим проповедником в грязное болото лжи, в котором он просто купается. В народе говорят: «Правда застит очи, а ложь ослепляет, и она орудие дьявола». Раз так, то спросим словами о.Олега: «Что даёт дьявол?» И ответим его же словами: «Дьявол даёт только ворованное, он ничего не имеет». Но вот беда, этот дьявол, подобно Пушкинскому бесу, искушает нашего попа. Ворованное из российских СМИ, очевидно, прежде всего в утратившего всякий стыд г-на Киселева, тут же дает себя знать: «Что предлагает Порошенко, или сатанинская цивилизация, говорящая сейчас устами Порошенко? «Мы вам пару миллионов выделим, Донбасс отстроим, у нас есть пенсии, у вас нет пенсий». Люди, находясь под этим реальным давлением, говорят «мы русские, мы православные». Я думаю, - заключает священник, - что на таком поле брошенное семя взрастёт и даст свой плод». Мы тоже так думаем, но не будет ли этот плод отравлен трупным ядом преподносимой православной пастве, - и именно Вами, отче, - ненависти, которая, не дай Бог, будет передаваться из поколения в поколение.

После этого не просто кощунственным, но глубоко циничным, замешанным на попрании милосердия и терпимости православной веры, предстает рассуждение нашего «праведного» священника о единстве. Можно ли вернуть единство? - вопрошает он. И, словно подстрекая, отвечает: «Да, конечно, возможно, непосредственно *тем же самым вооружённым путём (курс. – Ю.И.)*, как бы это жестоко не звучало из уст священника». Поясняет он свою позицию крайне примитивно как для духовного лица, а именно вульгарно медицински: если других лекарств для гноящейся раны нет, и таблетки уже не помогают, то для этого существует скальпель. Словно чувствуя свою ограниченность в способности обоснования, а может быть, чувствуя стыд за оправдание насилия (дал бы то Бог), он тут же срывается на лжепафос, прикрывая наготу своей мысли пушистыми пропагандистскими метафорами. «И наши братья-младенцы, казаки и весь интернационализм, стоящий на грани защиты мирных граждан против бендерофашизма и воюющего сатанизма, как раз они в руках Божиих являются этим скальпелем». Что тут скажешь, очевидно, неведомы нашему «праведному» священнику слова: *«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»*. (Мф. 5:9)

Возможно ли объединение? – далее, впадая в идеологический раж, симулирует он новый вопрос. Ответ, таков же: «Да, возможно». Тут батюшка наш демонстрирует, сказать бы, чудеса психанализа. Послушаем: «Душу человека можно обмануть, но если человек пробудился, он понял, что это ложь, у него вырабатывается к зомбированию иммунитет. Он больше не будет так жестоко обманываться. Насколько человек искренне подпрыгивает и кричит «москаляку на гилеяку», насколько искренне от всей души он ненавидит, настолько же искренно он может возлюбить другого человека. Это возможно с помощью Божией. Это тоже будет явленное чудо, которое Господь даст в этом русском мире. Вот моё видение этой ситуации и это обязательно произойдёт» - категоричен в своих выводах поп.

Да, читатель, можно только воскликнуть вместе с автором «Мертвых душ», «и до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! И похоже это на правду?» (16, с.125). Николай Гоголь, конечно, не мог знать, что

может статься с «русским человеком» в XXI веке, и что занесет Русь «бойкая необгонимая тройка» в «русский мир», а еще конкретнее - в Новороссию: и «остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение?» (там же, с. 245).

Но «зачем же выставлять напоказ бедность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства?» (там же, с. 247), спросим мы вместе с Н.Гоголем. Таков удел, такова судьба писателя, отвечал великий наш соотечественник, - «писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, - всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавши нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога...» (там же, с. 130). Это касается и нашего православного попа, хотя, возможно он и искренне заботится о спасении живых человеческих душ (на эту мысль наводит, как видно из интервью, его практическая «самоотверженная» работа с беженцами). Вот это, действительно, богоугодное и живое человеческое дело. Но беда в том, что «мертвые души» идеократов «русского мира» и пропагандистов российских СМИ, превращая живые души на подобные себе «мертвые», извращают человеческий смысл таких деяний, углубляя, тем самым, гуманитарный кризис, поразивший постсоветское пространство. Линия раскола проходит, видимо, и через сердце священника, неспроста в его речах переплетены апокалиптика, утопизм и откровенный цинизм, и он мечется между своей душеспасительной обязанностью быть милосердным и одновременно подчиняться скрытой тотальной дисциплине РПЦ, лигитимирующей вовсе не богоугодное дело - войну, ложь и террор.

РПЦ исторически присуща тоталитарность. До 1917 года, она была официальным культом Российской империи, и сейчас всё возвращается вновь. Российская Православная церковь, распространяясь, порой кажется, как раковая опухоль, стремится подмять под себя госаппарат, общественные организации, и личную жизнь граждан с целью навязывания своих интересов и воли. Так, уже навязывается контроль над СМИ, в вопросах веры

вводится церковная цензура. В угоду РПЦ идёт нарушение конституционных прав и свобод в области религиозных отношений. Есть и репрессии, как в самой РПЦ, против неугодных служителей, включая их убийство, так и в отношении конкурентов церкви - иных конфессий, прежде всего, ограничение их прав. Наблюдаются и тенденции сращивания русского православия со специфически российским фашизмом, священники уже благословляют убийц и погромщиков этого толка, чему являемся мы свидетелями в, так называемой, Новороссии. И вот показательная аберрация: РПЦ, когда ей выгодно, использует в борьбе со своими соперниками инструменты политической советской пропаганды, хотя и кричит, как ей прежде плохо жилось.

РПЦ стремится получить контроль над своей паствой. Возможно, что она ни как не может расстаться с тяжёлым наследием советского прошлого. Мало кто знает, что некоторые «вожди мирового пролетариата» в своё время жалели, что отделили церковь от государства. В дальнейшем КГБ взял ситуацию в свои руки и православной церкви были выдвинуты следующие условия: государство смягчало своё отношение к религии, а взамен имело доносы о тайнах исповеди прихожан. Священники были обязаны сообщать о кающихся убийцах, насильниках, маньяках, ворах, извращенцах и т.д. Но всё дело в том, что, согласно «нерушимым церковным канонам», тайна исповеди должна навсегда оставаться тайной. Священника, нарушившего тайну, немедленно лишают сана и отлучают от церкви. И если для «либерального» Запада это огромная религиозная, нравственная и просто человеческая проблема, которая выносится в публичное пространство обсуждения, то на постсоветском пространстве публично она во многом симулируется, порождая произвол в ее решении, хотя и не снимает личного участия, поэтому и личную ответственность священнослужителей.

Продолжение этой практики наблюдается и теперь, что говорит о глубоком кризисе РПЦ как социального института, тем более, исполняющей политическую волю власть придержащих. Однако тут мы имеем дело еще с двумя, усугубляющими духовные риски, факторами. Первый вызван радикальными трансформациями всего мирового социо-культурного пространства - от

перераспределения ролей и удельного веса субъектов финансово-экономической жизни с его глобалистскими и антиглобалистскими тенденциями вплоть до финансовых, информационных и территориальных войн, переориентации миграционных потоков, что, в свою очередь, обостряет мультикультурные проблемы, в частности, конфронтацию с культурно иным, чужим и часто чуждым пониманием человеческого бытия и человеческой самобытности. Побочным явлением этого, среди прочих обстоятельств, является искусственно - политически и идеологически - подогреваемая реакция российского общества на, так называемый «атлантизм», читай, «американизм». В духовно-антропологическом плане это порождает поиск новых оснований толерантности, определения ее возможностей и границ, развитию диалога с целью преодоления рессентиментных проявлений человеческих качеств и предельно, в условиях отсутствия приемлемых ответов в организации духовных практик «заботы о себе», - *поиск адекватного современным требованиям баланса между отчаянием и дерзостью человеческого практического самоопределения* (см.:42,с.203). Понятно, что ценностно-нормативные возможности Церкви как социального института, так и ее духовно-смысловой ресурс имеют свои границы, и потому она может давать лишь варианты ответов на эти предельные вопросы человеческого существования.

Другим, не менее значительным фактором, является необычайно высокий рост в мире манипулятивных практик, имитаций и симуляций. В этой связи, как, по существу, замечает В.Малахов, «нам действительно есть смысл наново осматреться в нашей сегодняшней ситуации, где столько, казалось бы, само собой разумеющихся вещей оказывается подтасованными, сфальсифицированными, где людьми все успешней манипулируют именно как субъектами свободного волеизъявления (см.: 24, с.197). И тут зачастую ныне возникает ситуация, когда человеческое безразличие, «попав в поле политической гравитации, оборачивается появлением еще одного средства манипуляции, способного обслуживать чьи-то совершенно прагматические цели» (там же).

Что происходит с нашим сознанием под воздействием таких манипуляций можно судить, в частности, по впечатлениям, которые остались у американского писателя Гарри Штейнгарта от просмотра российского государственного телевидения, о которых он рассказывает в своей статье «'Из моих уст звучит неоспоримая мужская правда': что я узнал, когда неделю подряд смотрел российское телевидение» для [The New York Times](#), от 19 февраля 2015 г.

31 декабря 2014 года он, по его словам, сидел в нью-йоркском отеле Four Seasons и смотрел центральные каналы РТ. Прежде всего, ему бросилось в глаза, что Российское телевидение «любовно сохранило все эры американской и европейской поп-культуры и бесконечно комбинирует их по-новому, чем абсурднее, тем лучше». Далее Штейнгарт подметил: ведущие всех трех федеральных каналов говорят таким же тоном, как Путин в своих публичных выступлениях. Это тон, который можно описать словами «из моих уст звучит «неоспоримая мужская правда», иногда с примесью леденящего сарказма. Популярности Путина, прежде всего, и способствуют СМИ, проводя двойную стратегию. Во-первых, вина за экономическое положение возлагается на Запад и его санкции. Во-вторых, новорожденная украинская демократия изображается как движение нацистов и фашистов с факелами, напрямую подчиненное его западным повелителям», - пишет автор. «Почти все российские семьи пострадали от Гитлера, и образы нацизма поэтому упоминаются часто, чтобы исторические раны не заживали».

По мнению Штейнгарта, российскому обществу свойственно крайне противоречивая «аксиология»: «новый консерватизм, в авангарде которого идет РПЦ, все время сталкивается с некими прогрессивными понятиями, внушенными СССР». Вот два канала показывают рождественское богослужение в прямом эфире. Внезапно камеры переключаются с храма Христа Спасителя на маленькую скромную церковь в каком-то маленьком скромном городке. «Одетый в простой свитер, прямо и пристально глядя перед собой, Владимир Путин празднует Рождество, окруженный несколькими девочками в белых платочках. В этом торжественном

религиозном созерцании выражение лица Путина, как всегда, непостижимо», - пишет автор.

Далее, Штейнгарт понимает, что просто не может смотреть новости, не выпив, как минимум, две мини-бутылочки «Абсолюта». «Я растворяюсь в абсурде и угрожающей атмосфере, словно я только что вернулся после трудного дня под гнетом вороватых начальников и вороватых дорожных инспекторов где-нибудь в Томске или Омске. Какое мощное оружие это путинское телевидение. Как искусно оно комбинирует ностальгию, злобность, паранойю и ленивый юмор; как быстро оно одновременно притупляет органы чувств и раздувает твое негодование», - говорится в статье. И резюмирует: «Неважно, что истинный путь России пролегает от ее нефтяных месторождений прямо в небоскреб 432 Park Avenue. Когда ты смотришь «Шоу Путина», ты живешь в сверхдержаве. Ты - повстанец на Украине, храбро уничтожающий оружием, поставленным из России, когда-то сверхсовременный Донецкий аэропорт. Ты - русскоязычная бабушка, которая стоит у своего разрушенного дома в Луганске и ругает фашистов-нацистов, совсем как ее мать, вероятно, когда туда более 70 лет назад вторглись немцы. Ты - священник, кропящий святой водой фотогеничный конвой российской гуманитарной помощи, который направляется к линии фронта. Страдать и выживать: вот в чем, должно быть, смысл быть русским. Так было в прошлом и так будет вечно. Вот фантазия, которой каждый вечер потчуют на Первом канале, на «России-1», на «НТВ» (см.:58).²⁰

---

²⁰ В 7-м кругу ада, там, где клокочет «жгучий Флегетон» - река, несущая вместо вод потоки кипящей крови, Данте собрал военных преступников разных времен и народов, которые мечутся в кровавом зареве адской реки:...Здесь не один тиран, который жаждал золота и крови: Все, кто насильем осквернил свой сан. («Ад», песнь XII). И все, кто здесь, и рядом, и вдали, Виновны были в распрях и раздорах. Среди живых, и вот их рассекли («Ад», песнь XXVIII). В глазах церкви решающим критерием «праведности» служили не личные качества человека, не подвиги гуманности, а преданность догматам веры. Данте отвергает этот богословский критерий и судит о человеке по личным нравственным качествам и по земным делам. Праведен тот, «кто в делах и в мыслях к правде обращен, ни в жизни, ни в речах не делал зла» («Рай», песнь XIX). Следуя этому критерию, поэт разместил грешников в загробном мире, дерзко нарушая разработанную церковью иерархию грехов и воздаяний. Он избавил от адских мук великих мыслителей языческой

Известно, что поэты, «дематериализуя» своим вдохновением действительность, также создают воображаемый мир. Однако в отличие от виртуального мира, симулируемого пропагандистскими машинами, дискурсно икопорированных в разного рода СМИ, они не просто «глаголом жгут сердца», но и, говоря словами Ж.Бодриера, «устрашают, отвращая от имплозии смысла», а проще говоря отвращают от лжи. Вспоминаются строки малоизвестного поэта конца XX ст. Виктора Коркия:

*Святая ложь в глаза не колет,
в могиле руки не связать.
Глаголет истина, глаголет,
не может ничего сказать.*

*И перед мировым пожаром,
перед потопом мировым
радар общается с радаром,
глухой беседует с немым.*

(Коркия Виктор)²¹

Имеем и современный песенный парафраз, а проще говоря, симуляцию у Wetold:

*Смешная правда застит очи, -
Могила надгробья впереди...
А ложь коварная пророчит:
«Армагеддон опередит»*

СМИ же создает эффект воображаемого (и, соответственно, нашего присутствия в языке как человеческого «бытия-в-мире», «настроенности» («Disposedeness»), говоря словами М.Хайдеггера), которое скрывает, что реальности уже нет по обе стороны «прецессии симуляции» (Ж.Бодриер), когда средства коммуникации больше не идентифицируются как таковые, и происходит смешение

древности, определив им место в особом «лимбе» ада, где они пребывают в состоянии «полужаженства».

²¹Эл.песн.: http://modernlib.ru/books/korkiya_viktor/svobodnoe_vremya_stihi_i_poemi/re-ad1/

медиа с сообщением (Маклюэн), растворение телевидения в жизни, растворение жизни в телевидении (11,с.121-122). Это одновременно переплетается с целенаправленным воздействием создаваемого виртуального мира на сознание людей - информационной войной.

Информационная война является одним из основных, а, возможно, и главным элементом, так называемой, **гибридной войны**, как анализируя современную ситуацию военного противостояния Украины и России, подчеркивает А.Илларионов (см.:57). Гибридная война не сводится к одной только «классической» войне. Гибридная война включает в себя также подрывные действия, коррупцию, энергетическую войну, экономическую войну, финансовую войну и, конечно же, информационную войну (там же).

Одна из определяющих черт современной информационной агрессии - это **уровень фальсификации информации**. Нынешняя информационная агрессия не ограничивается искажением информации и представлением реальных фактов в искаженном виде. Сейчас мы сталкиваемся с массовым производством «альтернативной реальности». Даже те люди, кто помнит то, что происходило в сталинские времена, утверждают, что нынешние масштабы распространения фальсификаций и намеренной лжи беспрецедентны. В этом процессе, продолжает А.Илларионов, особую роль играют как новые технологии, так и новые способы распространения дезинформации через социальные сети с помощью специальных «бригад сетевых агентов» (там же).

Многие обычные люди, вовлеченные в дискуссии на политические темы, будучи жестко атакованными, в том числе с массовым применением обценной лексики, не выдерживают агрессии, грубости, хамства и покидают поле информационного боя. Очень немногие из обычных людей способны выдерживать личные нападки и не отступать перед откровенным хамством. Многие из них просто не готовы к этому психологически и потому после таких нападков вынуждены прекращать активное участие в дискуссиях. Выдавливание оппонентов и обычных людей из активного участия в информационном пространстве является одной из важнейших целей информационного агрессора (там же).

Нынешняя информационная война представляет собой один из наиболее серьезных вызовов современному свободному обществу. Почему? Одним из важнейших принципов свободного общества является свобода слова. Хорошо известны слова, приписываемые Вольтеру: *«Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать»*. Однако в ситуации информационной войны буквальное следование этому принципу может означать, во-первых, самоубийство - как виртуальное, так и в некоторых случаях и последующее реальное. Во-вторых, оно может оказать существенную помощь информационным террористам. Поэтому в нынешних условиях *требуется корректировка в практическом применении этого важнейшего принципа свободного обществ*, - заключает аналитик (там же).

Ирония истории, однако, заключается в том, что, существуя, вызванное информационной войной «ограничение» принципа толерантности как морального и нравственного регулятива разных форм коммуникации, является не только вызовом ценностям «свободного общества», но и своеобразно символизирует закат модерна как мировоззренческого проекта (Ю.Хабермас). Об этом говорит и то, что для современной «настроенности» человеческого «бытия-в-мире» характерен эмоциональный переход из крайности в крайность. Так, современные утописты, как подчеркивает П.Козловски, вследствие этого предаются либо утопизму, либо апокалипсису, либо нигилизму. Существует четкая схема: если желания «утопистов не исполняются, они предаются апокалиптическому отчаянию, а если и оно разочаровывает вследствие неисполнения апокалиптических предсказаний, то они отдаются нигилизму. Повторяется схема поздней античности, знакомая нам в другом виде со времен раннего христианства...Если пророчества не исполняются, приходит апокалиптизм, а если и он не сбывается, то гностицизм и мифология» (21,с.92).

Современное евразийство и его симуляционные идеократические проекты «Русский мир» и «Новороссия», которые на практике сеют между людьми ненависть, рознь, ложь и террор, являются идейными отрывками современного сознания, мечущегося между этими крайностями. Но такого сознания, что застряв на

российских просторах между «славянофильством» и «западничеством», обернулось двумя, замешанными на апокалиптических настроениях утопическими крайностями, с одной стороны, платонизирующим большевизмом, а с другой - платонизирующим православным евразийством. Идейные плоды и «организационную практику» того и другого мы пожинаем в лживых нигилистических идеократиях и террористических практиках именуемых Русским миром и Новороссией.

Апокалиптика, утопия и нигилизм «Новороссии»

Классик марксизма, он же Владимир Ульянов-Ленин, когда-то сказал, что «сладенькая мысль о «лучшем будущем», о близком возможном счастье, отравила не одно поколение людей». И она продолжает отравлять, картавят вслед за ним современные российские агитаторы и пропагандисты, ведь, видите ли, утопические желания человека очень сильны, кажется, «даже закодированы на подсознательном уровне» (!), и человек просто не может жить без них. Поэтому утопии раз за разом вторгаются в общество, и производят в нём страшные опустошения...

Да, действительно Утопии прокладывают путь к нашим сердцам с помощью этих самых «сладеньких мыслей» о возможном счастье, делая нестойкие умы не только благородными «романтиками», но и насильниками, убийцами. Примеров тому история дает бесконечное множество, наиболее «родной» нам -

Октябрьский переворот 1917 г., о чем писали евразийцы, и неохотно вспоминают идеологи «русского мира». И проекты типа Новороссии также играют на утопических чувствах человека с улицы, на его детской вере, что чудо возможно... Достаточно скинуть «украинскую власть», и всё быстро изменится к лучшему - это и есть вера в чудо! Но чудес в нашем, земном мире, увы, не бывает, хорошо знают «новороссиянцы» (можно так сказать, несколько перефразировав Ельцина). Поэтому и пишем учебничек, в котором фальсифицируем историю, а мотивировать это помогает, созданный еще при Советах, миф («история жизни вождя», Ленина), который, конечно же, по закону жанра строится на аналогиях.

Андрей Ставицкий, доцент кафедры истории международных отношений филиала МГУ в Севастополе считает одной из главных «позитивных новостей последних дней» (это-то в условиях кровавого противостояния! - ну и ну, как говаривал Ленин, «далеки они от народа»), «*касающихся*» (также симптоматична оговорка, которая говорит об отстраненном отношении этого человека к действительным событиям! – *Ю.И.*) войны на территории Украины», **безусловно** (!), известие о конкурсе на создание учебника Новороссии (см.:51). В свете вышеизложенного (имеется ввиду история встречи Уэллса и Ленина - *Ю.И.*), возможно, - словно стыдясь своей же мысли, вещает наш доцент, - уместна аналогия с книгой Герберта Уэллса «Россия во мгле», где известный английский фантаст описал свою беседу с главой правительства Советской России Владимиром Лениным (во как уважительно торжественно! – но закон жанра требует - *Ю.И.*), которого писатель назвал «кремлёвским мечтателем». Тогда, в 1918 году, идеи Ленина о будущем России выглядели утопией. Но настоящие руководители, - продолжает наш «мыслитель», - даже в самые критические минуты для своей страны должны сохранять способность позитивно мыслить и мечтать, находить возможность определять её перспективы в режиме «длинной воли» (очевидно за этим тропом прячется образ «длинной руки», чтобы дотянуться до желаемого «сладкого», или «длинной веревки», с целью вытянуть из исторической пропасти, канувшее в нее прошлое). Так вот, «длинная воля» ставит такие задачи, которые поначалу могут казаться невыполнимыми. «Но они вдохновляют и нацеливают на

созидание. Именно это мы видим в данной ситуации» - наставляет незрелые умы «препод» из Севастополя. И на основе проведения исторической аналогии делает потрясающий вывод: «Возможно, поэтому за решением создать новый учебник Новороссии видна та «вдохновенная проницательность», которую отмечал в руководителе Советского государства Герберт Уэллс. А для Новороссии это тем более важно потому, что за сиюминутностью происходящего ещё не видно, как она собирается жить *после войны*, и какие ценности будут положены в основу её дальнейшего существования. Ведь, пока что, Новороссия воспринимается скорее как региональное проявление анти-Украины, не желающей быть колониальным придатком Киева – сетует доцент (если Москвы, то, естественно, согласно «концепции Новороссии», никак уж не «придатком»! можно поставить и другой вопрос - почему не «придатком» Москвы, или дело уже решенное Кремлем? Или же так желают историки из МГУ и его филий?– Ю.И.). «И не более», - итожит наш «мыслитель».

Скажем и не менее, т.к. тут прежде всего видна «решимость» оттяпать - и «исторически» санкционировать это - Донбасс, территориально принадлежащий и лежащий в пределах, закрепленных международным правом и соглашениями, государственных границ Украины. В чём же смысл и назначение нового учебника? – задает вопрос, вроде бы не зная ответа, доцент. И тут товарищ Ставицкий (позволено будет называть его так, ввиду его чуткой памяти к приснопомершим утопическим идеям вождя мирового пролетариата), раскрывает страшную тайну «исторического прожекта». «Ведь по замыслу его инициаторов он уже не вписывается в традиционный региональный компонент, задача которого помочь детям знать историю своего родного края». Да, уж точно, идеологически и политически переписываемую историю никак нельзя сравнить с краеведением! Далее идут объяснения с разбивкой, как и полагается лжеисторикам, претендующим на научность, на раз-два (почти как строевая подготовка в армии), и «три» для перехода к «запевай», пардон, идеологическому экстазу. «1) (раз - «левой» - Ю.И.) Ясно, что продолжать травить детское сознание националистическими «образами» истории нельзя (ох, прав наш доцент, нельзя, как

нельзя.., но этого делать нельзя, очевидно, создавая подобные учебники для Новороссии и для России - Ю.И). Когда детей страны под названием Украина учат ненавидеть русских (тут надо было бы добавить нашему «ученому», ну, так просто, ради объективности, «а страны под названием Россия учат ненавидеть украинцев» - Ю.И), то тем, кто себя считает русскими или дружелюбно относится к России, не стоит позволять делать из своих детей «янычар». «У них должна быть возможность знать свою историю, - глубокомысленно замечает доцент, - где их предки позиционируется не как враги, но как созидатели (естественно, Новороссии! - Ю.И)». После этого спича, живо напоминающего тост с рюмкой «Русской», так и хочется сказать «алаверды», «алаверды» дорогой новоиспеченный новороссийский историк. «Тем более, что у них уже есть опыт того, что происходит с людьми, если год за годом им «промывать мозги» (тут также надо бы, если быть честными, добавить «российскими спецслужбами и иже с ними российскими СМИ» - Ю.И.) ненавистью». «Страшный опыт карательной операции на Донбассе («карательной» - это еще большой вопрос: если уж историк хочет быть историком, то должен объективно описывать хронологию событий и соответствующий дискурс «антитеррористической операции», а вот пропагандистская операция, с целью промывки мозгов, так называемым, «ополченцам» и «добровольцам», а по сути науськивания террористов и, хуже того, русскоговорящего населения Донбасса против Украины - факт - Ю.И.), когда украинская версия истории с романтизацией Бандеры (именно версия, но версия российских историков и спецслужб в сугубо российской аранжировке и в их же исполнении - Ю.И.) и ему подобных напрямую связана с «балканизацией» (тут явно в сознании и речи вылезает скрытый, по С.Жижеку «объект желания») Украины и обрушением её в войну (добавим за скромно умалчивающего правду автора - ставшей кровавой реальностью, в силу прямой военной российской поддержке: чего только стоят (а стоят немало, ни для кого не секрет) напиханные вооружением и боеприпасами «гуманитарные конвои» - кстати, само название - пропагандистский оксюморон (типа «горячий снег»), которого не хотят замечать официальные российские политики, пропагандисты

и историки). «2) (два - шаг «правой») За решением создать новый учебник скрывается нормальная реакция (идеологически идентифицировавших себя с идеократией и утопией Новороссии людей – Ю.И.) на украинскую зачистку (ну, никак не может избавиться российский и пророссийский дискурс от милитерной терминологии, видимо глубоко в душу запали слова Путина «мочить в сортире» – Ю.И.) ценностно-смысловых ориентиров Новороссии как части Русского мира. С его помощью планируется определить содержание и направленность образно-символического поля, в рамках которого и будет позиционироваться Новороссия во времени». Конечно же, - имеем шаг «вправо», т.е. в консервативное ценностное болото, не дай Бог, праведнической идеократии «русского мира» и «новороссии», легитимируемой РПЦ. «3) (третий «шаг» - снова левой ножкой, в лучших традициях советской историографии, где вся история пропускалась через государственную коммунистическую идеологию! – Ю.И.). «Именно поэтому в данном учебнике, - вещает историк, - особое место отводится идеологической составляющей. Ведь каждое новое государственное образование нуждается не только в международном признании, но и в обосновании своего существования, которое можно сделать только с помощью истории. В известном смысле, здесь речь идёт *об исторической* (а по сути идеологической – *курс Ю.И.) легитимации*. Поэтому, данный вопрос не менее важен, чем создание центральных и местных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также принятие законов, потому что война на Украине идёт не только силой оружия, но и с помощью символов» (см.:51).

Ну, что тут скажешь? Это очень грамотное (учитесь православные!) - политологически и идеологически - заключение, подтверждающее мысль, что «новороссиянцы», утопически рожденные «русским миром», и пропагандистки рождены «чтоб сказку сделать былью». Таким образом, по логике нашего доцента и получается, что «история», так называемой, Новороссии действительно - не фантастика, и не утопия. И это - не утопия не в смысле не существующего места. Ведь она, во-первых, некоторая территория, *означенная* так в идеократии «русского мира». Во-вторых, эта «не утопия», ибо в желании приверженцев этой, с

позволения сказать, «концепции», *уже существует* как территория реализации, правда, нужно добавить, реализации *того, чего нет*, а именно *выдумываемой «истории Новороссии»*: именно в момент артикуляции или письменной фиксации этой мысли в слове происходит как бы смена семантической оптики - значение и означаемое меняются местами. Сродни тому, как шутили когда-то братья Жемчужниковы: «Если на клетке со львом написано «осел» - не верь глазам своим». Поэтому все же, скажем, что «история Новороссии» - это утопический жанр, где желаемое выдается за действительное. И спросим, насколько циничным может быть отравленное идеологами «русского мира» сознание, чтобы определять «местопребывание», и таким образом, утверждать якобы «не утопичность», творимой в голове утопии Новороссии: ведь это же - побитая российскими «Градами» украинская земля, окропленная кровью живущих там людей, о чем предпочитает не говорить А.Ставицкий.

Что из этого следует? - задается еще один риторический вопрос. И следует с солдатской прямоотой ответ, дезавуирующий истинные цели российского милитаризма на юго-востоке Украины, стыдливо желаемые быть прикрытыми идеологически переписываемой историей. «Новороссии нужна сейчас концепция государственной истории, в которой она будет представлена как особый историко-географический регион, сложившийся в результате заселения и освоения Дикого поля». Далее в дискурсе нашего историка следует немного игры в историю, и как следствие имеем следующий исторический перл: «Напомним, что предки нынешних новороссов *в условиях тяжелейшей борьбы с кочевниками освоили Дикое поле, превратив его в цветущий край с миллионным населением. Освоили, зная (?) что за ними стоит великая страна - Россия*» («в огороде бузина, а в Киеве дядька», пардон: в степи кочевники, а дядька, то бишь, «царь-батюшка» - в Москве). Да уж, товарищ историк, тут «немного» (совсем «самую малость», как сказал бы Н.Гоголь), мягко говоря, «отклоняетесь» Вы не только от исторических фактов (чего только стоит новоиспеченная идеологема: «предки нынешних новороссов»?!) - этим тропом, видимо, Вы пытались сказать много, так много, что просто заврались! - Ю.И.), но и от взглядов «классических

евразийцев» (но тут, очевидно, не обидится г-н Дугин, да и Кофнеру стыдно за Вас не станет), принципы которых во многом определили «праведничество» как идеологию нынешней «боевой и героической», а сказать бы, террористической Новороссии. Ну, а далее пересказ не то Карамзина, не то кн. Трубецкого, не то каких-то малограмотных молодых историков России, подставивших Путина в Севастополе в конце прошлого года... В общем, «историческая» и пропагандистская жвачка, а не обоснование концепции.

Кто же взялся за такое важное пропагандистское дело как написание заказного учебника по Новороссии, спросите вы. Ба, знакомые все лица, - это историк и политолог, автор книги по истории Донецко-Криворожской республики Владимир Корнилов, президент Центра системного анализа и прогнозирования Ростислав Ищенко, директор Института стран СНГ Константин Затулин... (см. там же) об остальных история пока умалчивает. Значит, учебнику быть - воскликнем мы вместе с автором. И таким образом согласимся с ним, что Новороссия действительно не фантастика, а имеет все идеократические основания стать реальной утопией, ведь она *уже есть* дискурсным симулякром желаемого объекта.

Опыт жизни при тоталитаризме недостаточно осмыслен нашей сознательной памятью. Это касается и соотношения утопических и идеологических координат дискурса, задаваемых нашему сознанию в идеологическом поле предпочтений социалистического образа жизни с его проявлениями авторитаризма, этатизма и патернализма. На постсоветском пространстве, в современном политологическом и идеологическом дискурсе, это обстоятельство не может не проявиться. Но особенно оно зримо в тех типах дискурса, которые так и не смогли получить соответствующей критической эпистемологической и методологической прищепки. Рассматриваемые нами дискурсы «евразийства», «русского мира» и «новороссии», обслуживающие политические проекты нынешней самодержжной российской власти, безусловно, относятся к ним.

Главным признаком утопии, отмечает П.Рикер, является не способность реализации, а сохранение *противопоставлений*. Дискурс утопии, существуя в одном культурном пространстве с

мифом, религией и наукой, воспринимает и преобразует на основе собственной матрицы архетипы, образы, концепты пограничных социальных феноменов. Теперешний хаос утопий, угроза утраты целостной перспективы, обусловлены отнюдь не утратой идеологической составляющей утопии как таковой, хотя социокультурный контекст в соответствии с которым мы оцениваем факты, стирается, и мы утрачиваем какой-либо критерий, который указывал бы на значение событий. Утопии симулируются, во-первых, потому что идеологическая составляющая является внутренним импульсом их конституирования, и тут же, во-вторых, превращаясь в объект манипуляции идеологизированного сознания. В силу этого становится еще более ясным то обстоятельство, что существенным признаком утопии является не ее способность реализоваться, а обнаружение дистанции между утопическим и реальным. Таким образом, невозможно избавиться взаимозависимости идеологии и утопии. И если идеология всегда выполняла функцию сохранения идентичности группы или индивида, то утопия имеет обратную функцию – она раскрывает возможности (30, с.222, 225). Соответственно этому функционируют и наши представления, и наше воображение. В случае идеологии они сохраняют и консервируют существующий строй. Функция воображения тут заключается в том, чтобы осуществлять процесс идентификации, и представления здесь имеют вид картинки. В утопии же представления накладываются на реальность как бы извне. «Как предложил Хабермас, возможно, это есть измерение самого либидо, чтобы спроектировать себя *aus-* извне, ниоткуда – в этом движении трансценденции», - высказывает мнение П.Рикер (там же, с.325).

Консервативная и идентифицирующая составляющая идеологии Новороссии и по форме и по содержанию видны невооруженным взглядом. Но дело тут не только в апелляции к традиции (русской православной церкви, русской культуре) и, таким образом, консервативным ценностям (семьи, религии, государству). Суть в политической позиции «консерваторов», которые - характерную для «Союза» авторитарную, этатическую и патерналистскую идентичность «советского человека» - стремятся «извне» (из прошлого) навязать якобы ныне ущербному и

неприкаянному сознанию россиян и «новороссиян». В этом моменте, идеология русского мира, переливается в утопию и симулирует ее, подспорьем чему служит, если идти за К.Мангеймом, консервативная утопия, в данном случае, евразийства - скрытый объект любовного желания идеологов русского мира, *объект* который маячит в воображении либидозного «сверх-Я» дугиных, бородаев, кофнеров, ставицких, затулиных и др., сформированного под влиянием советского авторитаризма и питаемых им неврозом и страхов за «великую Россию».

Утопия - это, несомненно, дискурс группы, она является не только набором идей и способом мышления, но и «духом», определяющим конфигурацию слагаемых идей и чувств (там же, с. 333). «Это - не то, что можно определить и выразить в пропозициональной форме, а скорее, используя язык Гирца, всеохватывающая символическая система», - подчеркивает П.Рикер. И продолжает: «Мангайм говорит тут о «господствующем желании», - то, что можно постоянно *иметь ввиду* (курс - Ю.И., тут, возможно, лучше бы сказать, «иметь на виду», «держат в «мысли», «мнить» - Ю.И.) как методологической концепции, если под этим мы понимаем организационный принцип, который больше ощущается, нежели осознается. Утопический способ мышления дает «сразу приемлимую для восприятия картину» для переживаний или, по крайней мере, «непосредственно понятный набор значений» (там же, с.333). Естественно, для того, чтобы такое воображаемое символическое пространство, организованное «господствующим желанием», сделать понятным как набор соответствующих значений, необходимы соответствующие дискурсивные средства. Эти средства отыскиваются в сфере риторики, опирающейся не на дискурс доказательства, а на дискурс убеждения. Поэтому семантика утопии так богата на тропы (метафоры, синекдохи, метонимии, гиперболы) и такие формы их реализации как включаемые в ее «обоснование» истории, притчи и др. Не случайно утопии, прежде всего, зарождаются как литературный жанр, где будущее являет картину мечты, но не программу ее осуществления. Но, таким образом, утопия предстает формой откровения, но не рационального мышления, что мы имеем и в случае «русского мира» и «новороссии» как группового

консервативного дискурса, выросшего на коллективистских иллюзиях племенного сознания советского человека.

Отмеченные выше авторитаризм, этатизм, патернализм как характерные черты социалистического образа жизни советского человека, после рапада системы государственного принуждения миллионов людей к принятию идеологического господства коммунистического мировоззрения, не могли не породить тягу к консервативному типу утопии, эксплуатирующей традиционные ценности. Футуризм, т.е. чаяния будущей гармонической жизни, в социалистической утопии оборачивается в «деидеологизированном» массовом сознании откатом в консервативный «архаизм», который, говоря словами А.Тойнби, представляет собой попытку вернуть некоторые былые формы жизни. Но утопия, как и идеология, всегда имеет дело с властью (там же, с. 349). С этой точки зрения, на уровне властных отношений консерватизм как идеология нуждается в утопической легитимации своих ценностей, переходя, таким образом, в утопический консерватизм. «Как утопия, консерватизм, - дает характеристику этому типу сознания П.Рикер, - вырабатывает некоторые основополагающие символы, такие как *Volksgeist*, дух народа. Образ его морфологический. Люди какой-то общины, народа, или нации или государства - будто организмы, части, что образуют целое. Рост нельзя ускорять; люди должны быть терпеливыми; на изменения необходимо время. Есть ощущение исторической определенности, как рост растения, и это противопоставлено идеям, какие просто носятся в воздухе. Очевидна антитеоретическая настроенность мышления. Относительно чувства времени в консерватизме, то оно отдает преимущество прошлому - не прошлому, которое уже не действительно, а прошлому, которое живет теперешнее, давая ему корни. Есть представление о традиции - утверждение, будто бы что-то передается и еще живет» (там же, с.337-338).

Все это имеем в консервативной «идеологической утопии» «новороссии» как идеократической отрывке массового сознания «советского человека», тяготеющего, еще раз подчеркнем, к авторитаризму, этатизму и патернализму. Симтоматична при этом апелляция к «антропологии» официального российского, с

позволения сказать, «государственного консерватизма», власть которого Кремль насаждает и на Донбассе.

Вообще, консерватизм исходит из необходимости властных, политико-силовых форм контроля над деструктивными проявлениями человеческой природы. Современный консерватизм трактует человека как политического субъекта, призванного, прежде всего, выполнять свой гражданский долг. Общей антропологической установкой для консерватизма является убеждение в том, что человек есть существо несовершенное. Это требует задействования религиозных, социальных, политических компенсаторных механизмов. В консервативной мысли присутствуют следующие концепции человека. Человек религиозный» - данный взгляд на человека указывает на потребность в религиозной вере как на доминирующую и определяющую характеристику человека (Ориген, Григорий Нисский, Аврелий Августин, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин), а греховность и несовершенство людей требуют господства над ними церкви и государства. Человек, будучи укоренённым в бытии, в обществе, в государстве, в истории, не имеет права, на основе разумных доводов, дистанцироваться от социальных отношений и утратить связь с всеобщим порядком, царящим в бытии. Консерватизм при этом акцентировал внимание на внерациональных характеристиках человека, одним из которых является чувство веры (Ж. де Местр, К.П.Победоносцев, К.Н.Леонтьев). «Человек политический» - это представление трактует человека как существо, бытие которого конституируется и наделяется смыслом через его принадлежность к социальным и национальным общностям, политически объединёнными под эгидой государственной власти. Идея же познавательной ограниченности человека объясняется его ущербными психолого-биологическими характеристиками (Г.-К. Кальтенбруннер, А.Гелен). «Человек-труженик» - эта модель является продуктом новой индустриальной культуры, которая требует укрепления экономической мощи и политического могущества государства, представляющего собой тотально-мобилизационный вариант социального объединения при максимально проявленных формах трудовой самоотдачи человека на благо нации, общества, государства (Э. Юнгер, А. Мёллер, ван ден Брук). «Человек героический» - этот взгляд выступил консервативной разновидностью экзистенциальных рассуждений о персональной ответственности человека за выбранный им жизненный путь и за сконструированный образ самого себя (А. де Бенуа, Р.Буайе) (см.:52). Общим для всех этих моделей является рассмотрение человека как органической составляющей целого, а в социальном плане - коллектива.

В нашем случае, доминирует, несомненно, «религиозная модель человека», но она получает своеобразную модификацию под влиянием, как признает и сам г-н Дугин, перосмысливаемых «вслед за Геноном наиболее глубоких аспектов Традиции».

«Первое знакомство русских с идеями Генона» позволяет ...попробовать сопоставить общую метафизическую картину с догматами православного христианства». Видите ли, пишет новый «метафизик», а именно «метафизик Благой вести», у западных традиционалистов имелся интеллектуальный инструментарий, выработанный Геноном, но не было адекватного объекта его приложения, так как католицизм принципиально не позволяет перейти от экзотерического к эзотерическому и метафизическому уровням, и более того, ставит на этом пути непреодолимые преграды. У православных же был и есть полноценный объект - церковное христианское православное Предание и полноценная, нередуцированная догматика, - но отсутствовал адекватный метафизический инструментарий» (см.:53).

Такое «метафизическое» переосмысление Традиции приводит, в конце концов, к тому, что практически, т.е. в утопии Новороссии, на ценности «коллективистского образа жизни», прежде идеологически поощряемые и закрепляемые коммунистической идеологией, г-н Дугин стремится наложить нынешние, дискурсно симулируемые «русским миром», евразийские православные ценности «соборной личности», от которых, как мы видели выше, он просто таки заходитя в восторге идеократической сакрализации всего «русского» (интересно, учтут ли авторы учебника по истории Новороссии самоотверженные метафизические (а по сути мистические) потуги нашего православного эзотерика, практические - они идеологически уже поддержали!). Беда Дугина, и ему подобных, в том, что православное понятие «соборной личности»²², невольно от их желания, имеет иную ценностно-

---

²² Мы тут берем именно дискурсную симуляцию концепта «соборная личность», оставляя в стороне само понятие «соборности», выработанное Хомяковым в рамках его учения о Церкви как органическом целом, как о теле, главой которого является Иисус Христос. Церковь - это духовный организм, целостная духоносная реальность, все члены которой органически, а не внешне соединены друг с другом. Внутри этого единства каждая личность сохраняет свою индиви-

смысловую оптику восприятия в массовом сознании. Казалось бы, опыт коллективистской, патер-налистской и этатистской жизни подготовил соответствующие габитусы (уклад жизни, привычки, психологию) для возрождения Соборой личности (массовый приход «постсоветских людей» к Церкви тому, как бы свидетельство). Но практика свидетельствует, что это обращение в массу своей во многом внешнее - и прихожан («согрешил-покаялся»²³), и священников, которые начали строить храмы как своего рода «палатки» для занятия бизнесом, и проявлять лояльность к власти, чтобы та этот бизнес не отняла, и которой, в свою очередь, нравится, чтобы ее хваля, сакрализировали... К сожалению, традиция сия заложена предыдущей практикой самодержной русской православной церкви, как и самими прихожанами.

Но речь не об этом, а о том, как «мы» и «наши иерархи» попадаем во власть симуляции. Здесь мы оставляем вне границ рассмотрения тяжелый вопрос, как говорит С.Аверинцев, «вины церковных властей» за сотрудничество с коммунистическим режимом страны Советов, и вины нескольких поколений «простых советских людей» за то, что «они ходили не в ту церковь». В этой вине, конечно же, сконцентрированы и ложно направленная потребность в аскетическом «отсечении» своей воли и предании себя во власть непоблажливому наставнику (чем суровее и

дуальность и свободу, что возможно только, если единство зиждется на бескорыстной, самоотверженной любви. Термин «соборность» возродил С. Н. Трубецкой в учении о «соборной природе сознания», интерпретируя ее как совпадение религиозного, нравственного и социального начал, противостоящее как индивидуализму, так и социалистическому коллективизму (см.: 27).

²³ «Грешить бесстыдно, непробудно,

Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти стороной в божий храм»

.....
А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть».... (А.Блок)

жестче, тем лучше), и извращенная жажда «соборности», общинности, и восторг перед всеобъемлющим учением, и не только корыстное, но и совершенно бескорыстное преклонение перед историческим успехом, подсознательно исходящее из очень трудно преодолеваемого извечно-языческого представления, будто Бог всегда с победителями («история работает на нас» как пародия на «с нами Бог»))» (2, с.750). В Отечественную войну был сделан решающий шаг в сторону опаснейшей двусмысленности: и Церковь и государство делают одно общее дело - все для победы, а потому какие могут быть принципиальные возражения «против доверительной открытости к сотрудникам КГБ - одни патриоты Отечества беседуют с другими патриотами Отечества» (там же, с.754). Но война, вместе с тем, вернула людей к простейшим реальностям жизни и смерти, к «архетипам» народного самосознания и, таким образом, и к вере. Но тут мы только можем воскликнуть вместе с мыслителем: «Где еще народ внушающий своим мыслителям до такой степени разноречащие суждения о своем отношении к вере? И у кого еще подкладывали бомбу, чтобы взорвать икону?... Народ-Богоносец, народ, в чистоте сохранивший напечатление Христа Распятого, - эти дерзновенные слова как будто подтверждаются огромным множеством мучеников и исповедников, с несравненной простотой шедших на расстрел и в ГУЛаг». И отступничество, активное принимавшее, особенно в 20-е - 30-е годы, «формы чудовищной одержимости (там же, с. 746,747).

Ныне, в начале XXI ст., мы имеем своеобразное повторение истории, т.е фарс, и ему мы обязаны не только сознательным отступничеством иерархов в пользу самодержжного мира власти, но и усиленной симуляцией верноподданности РПЦ, соответственно, симуляцию веры как ее клиром, так и простыми священниками. Какое же исповедание может твориться внутри такого расклада? Конечно же, имитационное, соответственно, чему ведут себя и попы и прихожане - то смиренно, то агрессивно, то ортодоксально, то фанатично, и никак не терпимо, а, в общем, - обыденно бытово. По сути, культивируется вера в ее первейшей инстинктивной зародышевой форме - вера племенного сознания, в которой культы и ритуалы приобретают главенствующее и символическое значение. Такой вере, несмотря на проповеди и молитвы, соответствует и бытовой дискурс исповедничества, где смиренные слова о

спасении, щедро пересыпаны богохульством и отступничеством²⁴, а высокое место священнослужителей занимают, если не ставленники власти, то в лучшем случае блаженные. Происходит переключение сознания человека в режим его кровно-родственного и племенного функционирования, для которого характерны оппозиции «свой - чужой», «друг-враг», в общем, «день-ночь», «сырое-вареное».

Сейчас многие властные люди, сама РПЦ и творческая интеллигенция (например, как мы видели, г-н Дугин) серьезно рассуждают о православном особом пути России. Но парадоксальным образом поиск нового русского пути, не смотря на отличия в направлениях (монархизм, социализм, православие), движется в сторону этатизма. В проектах «русского мира» и «новороссии», как было показано выше, этот этатизм имеет в основе платоновскую модель мышления, и соответствующий тип утопического сознания, уходящий в символику и архетипы «племенного сознания» (М.Элиаде, К.Поппер). Идеологическая составляющая и политическая (а теперь уже и милитаристская) практика «русского мира» привела к тому, что православное соборование русского мира на оставшемся от Советского Союза базисе патерналистского и этатического коллективистского сознания, несмотря на высокие платонические цели, обернулось примитивным всплеском племенных инстинктов массового человека, всячески поощряемых пропагандистской машиной СМИ РФ. В результате всего этого, как пишет в Интернете один из проницательных его пользователей, получается такой перевертыш: *«Коллективизм неизбежно порождает тиранию вождя и несправие отдельного человека. Именно поэтому в истории мы всегда видим, как декларация племенного единства, братства по крови, племенного коллективизма постоянно вырождаются в тиранию. Свежий российский пример: превращение Путина в тирана*

---

²⁴ Вот пример из Интернета. - «Русский мир» и его «духовные скрепы»: отец Павел из Петербурга ходит в спортзал с «вискарем», пропагандирует ненависть и военную агрессию против Украины. А вот и его фото с другом. На фото - два друга, о.Павел и Сергей, из Петербурга: сели в баре, взяли по пивку, накатили слегка,- пишет российский блогер (см.:60).

происходит под хор голосов о российской особости и племенном величии. И это не случайно. Тирания не может существовать без разговоров о высших интересах племени, его единстве и необходимости подчинить каждого интересам племени» (см.:54).

Другим следствием нынешнего расцвета в России племенного сознания с его восприятием мира сквозь призму «свои-чужие» являются, например, разговоры о Москве как «русском городе». Это, пишет другой пользователь, «проявления серьезной духовной болезни, которая постепенно, шаг за шагом, год от года поражает мозг и тело новой, посткоммунистической России. И болезнь эта называется на ученом языке «этническая русская идентичность», якобы основанная, как говорят ее идеологи и пропагандисты, на чувстве кровного, племенного родства. Надо понимать, что переход от национальной идентичности, основанной на духовном, религиозном выборе, на привязанности к своему государству и родине, к этнической и племенной идентичности на самом деле является в культурном отношении регрессом, признаком упадка» (см.: 55).

Катастрофическое, а, порой таки, апокалиптическое сознание - неизбежные проявления такого племенного сознания.

Вот некоторые апокалиптические страхи россиян и, так называемых, новороссиян, взятые нами из Интернета наугад, но они хорошо передают настроения, во многом симулируемые российской пропагандистской машиной. «Если кто-то думает, что можно сдать Новороссию и получить в обмен легитимацию российского статуса Крыма, то он глубоко заблуждается. Следующим будет Крым. Миф, что сегодня только один человек в мире может не допустить реализации этого апокалиптического сценария. Зовут этого человека - Владимир Владимирович Путин. Готов ли он переступить через себя и наконец, осознать, что сегодня в Новороссии решается вопрос «или-или», и от его решения зависит будущее России, сохранится ли она, как субъект мировой политики или же исчезнет с политической карты мира?» Другой блогер: «Сам же Путин, который после сдачи Новороссии утратит ВОООЩЕ любую общественную поддержку, сперва зависнет в пустоте, а потом просто упадёт. Дальнейший ход событий очевиден. Я, конечно, могу не угадать конкретную очерёдность наступления данных событий, но в целом всё произойдёт именно так. И закончится, вне всякого сомнения, одним и тем же результатом. И суть вопроса - отнюдь не свержение режима Путина. Какой там Путин? Какой там его режим? О чём вы, друзья? В

СЛУЧАЕ ПАДЕНИЯ НОВОРОССИИ В ТЕЧЕНИИ ГОДА-ПОЛУТОРА В БОЛЬШОЙ РОССИИ НАЧНЁТСЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА!»

А вот взвешенное мнение американского политолога Джорджа Фридмана, дезавуирует эти апокалиптические страхи, находя им вполне рациональное обоснование в сфере интересов и ценностных императивов: «Для России Украина имеет фундаментальное стратегическое значение. Даже если восток Украины получит автономию. Россия будет как и раньше глубоко заинтересована в отношениях других территорий Украины с Западным миром. Насколько тяжело это не было бы понять для Запада, российская история – это рассказ о «заграждениях». Буферные зоны спасают Россию от западных оккупантов, поэтому Россия хочет выработать механизм, который сделают Украину как минимум *нейтральным* государством. С другой стороны, какая-либо держава в Евразии, набирающая мощь, вызывает автоматическую реакцию США, что обусловлено столетней историей. Хотя, кажется, россиянам это трудно понять, за почти столетия Холодной войны США стали чересчур чувствительны относительно возможного повторного возрождения России. Соединенные Штаты провели минувшее столетие, блокируя объединение Европы вокруг одной вражеской державы. Но намерения России и побиение Америки – разные вещи. У США и Европы существуют проблемы в понимании страхов России. Россия плохо понимает, в частности, американские страхи. Страхи же обеих сторон являются реальными и оправданными. Это – не вопрос непонимания между странами; это вопрос несовместимых императивов» (59). Оказывается страхи страхам рознь, как стран, так и людей. Высказывая эту банальную мысль, мы хотим лишь показать оттенки катастрофического сознания – восприятия представляемой и ожидаемой беды – в массовом (племенном) сознании, питаемого страхами наступления неведомого зла, и в сознании политиков, идеологически рационализированного определенными императивами (если не утопиями), создаваемых с целью выживания в условиях рисков и страхов.

Но, как писал С.Аверинцев, уже простой эстетический такт, и тем паче христианская духовная трезвость решительно возбраняют, вместе с самочинными догадками о «временах и сроках» конца этого эона (1 Фес. 5:1), стилизацию событий под неадекватно – панически, патетически, литературно, морализаторски etc. – понятый Апокалипсис. С другой стороны, однако, все, что церковный человек может помыслить и сказать о Церкви, само собою укладывается в матрицы парадигм, заданных именно Откровением св. Иоанна Богослова – речениями Сына

Человеческого Ангелам семи малоазийских церквей, повестью о последней борьбе между Агнцем и Зверем. Церковь, Невеста Агнца, есть явление эсхатологическое от самого своего начала, со дня Пятидесятницы, применительно к которому апостол Петр вспоминал слова Иоилиа о "последних временах" (Деян. 2:16-17). На литургическом языке Православия уже о временах земной жизни Христа говорится как о «последних», и ни одного здраво-мысленного верующего это не смущает, хотя по человеческому счету с тех пор прошли два тысячелетия (и пройдет еще столько тысячелетий, или годов, или только дней, сколько Богу будет угодно). Мы уже очень давно - "эсхатон"» (2, с.742).

Можно сделать предположение то, что ныне происходит в расщелинах массового сознания в России, это, естественно, на другой культурно-семантической и идеологической почве, но парафраз социально-психологических феноменов Европы 60-70-х годов XX ст., связанных с утратой главного означающего («Буржуазных ценностей») и поисков настоящего, подлинного, реального. «Толчок-к-Реальному», имел в Европе три основные формы: поиск экстремальных форм сексуального наслаждения; левый политический терроризм (Фракция Красной Армии в Германии, красные бригады в Италии и т.д.) ставивший на то, что в эпоху, когда массы полностью погружены в капиталистический идеологический сон, обычная критика идеологии более не продуктивна, так что лишь обращение к грубому Реальному прямого насилия - прямого действия - может пробудить массы); и наконец, поворот к Реальному внутреннего опыта (Восточный мистицизм). Все три объединяет отступление от конкретной социально-политической приверженности к непосредственному контакту с Реальным (19,с.200-201). В нынешней России все эти формы имеют место, но падают на массовое сознание постсоветского человека, манипуляцией которого усиленно занимаются СМИ, с одной стороны, и РПЦ – с другой, в результате чего имеем «народное одобрение» таких политических «проектов» как Новороссия.

Итак: «Готовьтесь к последней апокалиптической битве на Украине с либерализмом и американизмом!». Или же на другом полюсе: «Будьте готовы православные к коллективному осознанию «жизни в

последние дни»». Имеем своего рода популистический, т.е. симулируемый для масс, а далее и самими массами **«апокалипсис»**, главным означающим которого становится «Россия». Популизм таких апокалиптических дискурсов, в конце концов, всегда поддерживается озлобленностью обычных фрустрированных людей, криками «Я не знаю, что происходит, с меня хватит! Я так больше не могу!» Это не просто мостик к нигилизму, как доминирующему настрою сознания, а собственно **нигилизм** как внутренняя форма подобных апокалиптических настроений, порождающих, как следствие, **насилие и террор**.

Можно, конечно, сказать, что мы живем в апокалиптическое время - экологический кризис, на горизонте - биогенетическая редукция людей к манипулируемым машинам и полный цифровой контроль над жизнью. Чтобы справиться с этой угрозой, коллективная и индивидуальная психология мобилизует механизмы симуляции и самообмана, доходящего до прямой воли к игнорированию знания: «Общий образец поведения среди человеческих обществ, находящихся под угрозой, стремление скорее к ослеплению, чем внимание к кризису, по мере роста неудач» (19,с.236). Однако, все в целом оставляет жуткое впечатление, причем пугают не столько ужасные события, сколько полная и совершенная уверенность, с которой нарушается негласный договор, существующий меж людьми.

Появляется Цинизм как определяющая доминанта сознания, и которой, согласно П.Слоттердайку, представляет собой основную фигуру изъятия из обращения ценностей в процессе противоборства сознаний. В нем «идеологии» пробуждаются к осознанию себя. Наступают времена, отличающиеся особенно циническим настроем (выражаясь марксистским языком, времена приходящего в упадок классового - олигархического, сказали б мы - *Ю.И.* - господства). Это эпохи, когда идеология становится рефлексивной, эпохи, в которые нормы и догмы культуры, полиняв и проникнувшись иронией по отношению к себе, начинают играть со своими внутренними противоречиями. «Во всей предшествующей истории человечества обретение рефлексивности ложным и злым сознанием всегда было симптомом культурной патологии - выражением того, что господствующие слои вступили в стадию одряхления, на которой обнаруживается склонность к одичанию и освобождению от тормозов, заключает П.Слоттердаик (36,с.384).

С другой стороны, «недопущение-возможности-умереть» (жадность не умереть) «подвергает мир - как в его видимых, так и в его невидимых сферах - радикальным изменениям. Если он, с одной стороны, становится ареной человеческой борьбы за самосохранение, то, с другой - он в то же время превращается всего-навсего в материалистические кулисы, за которыми остается только предполагать лишь так называемое Ничто. То, что ранее составляло суть знания священников, шаманов и мистиков - способность заглядывать в область потустороннего, в сферу духов, ангелов, демонов, иных сил, богов, - теперь становится невозможным уже только в силу того, что мы больше не способны занять позицию, которая была бы совместима с таким потусторонним миром, полным различных существ (существует выбор лишь между двумя типами потустороннего: пустым (нигилизм) и полным (спиритуализм)).

Нигилизм, таким образом, вырастает из процесса уничтожения остатков смысла или последних нюансов Апокалипсиса. Но из современного нигилизма, пишет Ж.Бодрийяр, исчезли мрачные краски в стиле Вагнера и Шпенглера, черные как копоть цвета конца XIX века. Сегодняшний нигилизм - это нигилизм транспарентности, и в определенной степени он более радикальный и решительный, чем его предыдущие исторические формы... Когда Бог умер, еще был Ницше, чтобы засвидетельствовать это, - великий нигилист перед лицом Вечного и перед трупом Вечного. Но перед мнимой транспарентностью всего на свете, перед симулякрот материалистической или идеалистической завершенности мира в гиперреальности (Бог не умер, он стал гиперреальным) уже больше нет теоретического или критического Бога, чтобы распознать своих. Мир и мы все живьем попали в симуляцию, в губительную, даже не губительную, а индифферентную сферу апотропии (отстранения в страхе - Ю.И.): нигилизм, и тот необычным образом, полностью реализовался не через разрушение, а через симуляцию и апотропию. Из активного, насильственного фантазма, из мифа и сцены, которыми он был исторически, он перешел в транспарентную, фальшиво прозрачную операциональность явлений (11, с.223).

Нигилизм транспарентности уже не эстетический и не политический, он уже не проистекает не из процесса уничтожения очевидного, не из процесса уничтожения остатков смысла или последних нюансов Апокалипсиса. Впрочем, нет больше и Апокалипсиса (лишь алеаторный терроризм еще пытается быть его отражением, однако он уже утратил признаки политического, и у него остался только один способ самовыражения, который одновременно является способом исчезновения: средства массовой информации; но СМИ - это не та сцена, где разыгрывается некий спектакль, - это лента, дорожка, перфокарта, относительно которой мы уже даже не зрители, а просто получатели информации). Апокалипсис закончился, и сегодня мы имеем дело с прецедентом нейтрального (там же, с. 224).

То, что поражает смысл, от смысла и погибает. Диалектическая сцена, сцена критическая опустели. Сцены больше нет. Как нет и терапии смысла или терапии смыслом: терапия сама является частью общего процесса распространения индифферентности. Сцена самого анализа стала неопределенной, алеаторной: теории стали шаткими (фактически, невозможен и нигилизм, так как он все же хоть и отчаянная, но конкретно очерченная теория, образ конца, *Weltanschauung* (мировоззрение) катастрофы). Сам анализ является, возможно, решающим элементом гигантского процесса обledenения смысла (там же, с. 225-226).

Чтобы противостоять этой гегемонии системы можно превозносить ухищрения влечения, революционную практику микрологии обыденного, превозносить молекулярное движение или даже отрицать приготовление пищи. Но это не решает насущную необходимость испытать систему на прочность на глазах у всех. Это может сделать лишь терроризм. В этой системе сама смерть поражает своим отсутствием. (Вспомните крупные теракты последних лет: смерть аннулирована индифферентностью, и в этом терроризм является соучастником системы - не в политическом плане, а в том, что он также вносит свой вклад в насаждение и продвижение безразличия). Для смерти - ни ритуальной, ни насильственной - уже не осталось сцены - ни фантазматической, ни политической, - где она в полной мере могла бы проявить себя, полностью сыграть свою роль. И в этом победа другого нигилизма, другого терроризма - нигилизма и терроризма системы (11, с. 229-230).

В России нигилизм приобрел ныне особый статус. Если раньше это было связано с тем, что радикальность западных идеологических проектов обретала здесь крайнюю форму

практического осуществления, то теперь он зиждется на тотальном отрицании всего западного и превознесении национальной идеи, русскости, патриотизме и шовинизме как специфической форме проявления российского национализма. Сила нигилизма в России не столько в радикальности нигилистов, сколько в слабости интеллектуальной и «аристократической» элиты. Исследователи выделяют различные причины радикализации нигилизма и перерастания его в террор - от психологического до крайних форм его появления - физического насилия, террористических актов, войны. Среди них, в частности, отсутствие подлинной традиции развития философской мысли как мысли на собственно рациональных основаниях. Это ведет, с одной стороны, к бунту по отношению к предшественникам, и с другой - некритическому доверию к чужой мысли. Преломившись подобным образом, идея нигилизма обретает чистую форму отрицания (см.: 34). На этой почве вырастает концепция самобытности пути России, симулируются концепты типа «русского мира» и «новороссии» - эти, в самом деле, утопические и апокалиптические находки «самобытной русской мысли», апеллирующей к Традиции²⁵ и

---

²⁵ Апеллируя к Традиции в понимании Р.Генона г-н Дугин издает книгу «Метафизику Благой Вести (православный эзотеризм)», якобы написанную в православной традиции. Вот как он манифестирует свой исследовательский дискурс: «У западных традиционалистов имелся интеллектуальный инструментарий, выработанный Геноном, но не было адекватного объекта его приложения, так как католицизм принципиально не позволяет перейти от экзотерического к эзотерическому и метафизическому уровням, и более того, ставит на этом пути непреодолимые преграды. У православных же был и есть полноценный объект - церковное христианское православное Предание и полноценная, нередуцированная догматика, - но отсутствовал адекватный метафизический инструментарий. Первое знакомство русских с идеями Генона позволяет наметить выход из этой тупиковой ситуации и попробовать сопоставить общую метафизическую картину с догматами православного христианства. Не следует заблуждаться относительно простоты такого исследования. Практически полное отсутствие ссылок на Православие у традиционалистских авторитетов делает эту задачу крайне сложной и рискованной. И тем не менее, не претендуя на окончательную истину в этом вопросе и оставляя открытой дорогу для альтернативных поисков, мы попытаемся понять в данной работе метафизическую природу Православия и, следовательно, приблизиться к формулировке и осознанию сущности христианской метафизики. Но вот что пишет, например, о А.Дугине протоиерей Андрей Кураев в книге «Церковь в мире людей» (2007): «Это враг опаснее любой Блаватской (потому что умнее и

питающейся этакими и патерналистскими настроениями россиян и, в свою очередь, питающие государственный терроризм РФ и племенное сознание ее ставленников на Юго-Востоке Украины.

«Зловещий гость, вошедший в дверь» (вместо заключения)

Зловещий зверь, вошедший в нашу дверь - это, конечно же, нигилизм, как об этом говорил еще Ф.Ницше, но такой нигилизм, который кроет в себе цинизм, терроризм, войну. На передний план выходит личностный, персональный аспект нигилизма, связанный с некой «маргинальной идеологией», ведущей к отрицанию ценностей, легитимизируемых определенным властным режимом, против которого и направлена энергия нигилистов. Нигилист имеет лицо, персонален, хотя и прячется за символы и фетиши массового сознания и массовой культуры -

---

образование). Как и у Блаватской, это попытка переварить Православие в каббалистику. Достаточно вспомнить его статью «Мессианство Каббалы». Неприкрытая апология террора, жажда превратить Православие в революционно-террористическую идеологию также не вызывает желания сближаться с этим человеком» (см.: Кураев А. Церковь в мире людей»- М.: 2007, с.142). «В общем - обычная “эзотерика”: сплошные “тактические уловки” для осуществления своей работы по мутированию христианства...» (там же, с. 144).

«свобода слова», «свобода печати», «свобода совести», «свобода рынка», «свобода любви», «свобода самовыражения». Эти концепты становятся симулякрами, фантомами, когда ими покрывают царство тотальной человеческой низости. Тут мы наблюдаем чудовищные формы, которые обрела «симулякрная» свобода, обернувшаяся еще большим рабством и распадом духовности. Вместо единой абсолютной Истины люди обрели множественность относительных, частных «истин». Почти нормой стала внедряемая в сознание идея о правах человека, симулируемая как возможность жить без «репрессивной» нормы, то есть по законам «природы», подчиняясь воле инстинктов.

В противовес этому, теперешний террорист, как бы, имперсонален, безлик, он носит маску (как в исламских странах и на Западе), или (как на Донбассе) имеет маскирующую «кликху». Но современный терроризм - также не внеличностная проблема, которая ставит человека перед фактом бесконечного и непоправимого зла, немыслимого в этических категориях. Террорист кичится собственной жертвенностью - жадой вклада в ту или иную «историческую миссию». Он желает быть «значимым» - означаться в некоем символическом мире, а значит, и признаваться неким «сообществом», а по сути - поборниками этих символов («симулякров»). И, как мы видим, в конечном счете, определенно означает в пропагандистском дискурсе, прежде всего, как некий «герой» (скажем, в лексике Новороссии он же - «доброволец», «защитник русского мира, «ополченец»). «Герой» при этом, становится образцовым носителем массового поведения, превращая тем самым других людей в потенциальные жертвы (Б.Брехт). С.Крымский в этой связи напоминает слова У.Эко: «Бойтесь мнимых пророков и тех, кто привержен отдавать жизнь за истину - как правило, они наряду со своей жизнью отдают жизнь многих других, причем еще до того, как отдать свою. А иногда - вместо того, чтобы отдать свою» (см.:22). Отсюда, и самоубийство во имя фанатически истолкованных целей, относительно которых жизнь теряет какую-либо ценность, провозглашается идеологией терроризма» (там же).

Террорист, таким образом, в массовом сознании превращается в «героя». Само слово становится фетишем

(магическим объектом поклонения) такого сознания. Фетиш же всегда связан с традициями, обрядами, ритуалами, церемониальным поведением (так обряды молитвы в архаичной религии и завязывания пионерского галстука при посвящении в пионеры - сходны в своей алгоритмичности и простоте). Происходит своеобразная «иммунизация» сознания, т.е. вырабатывается его иммунитет против критической рефлексии. Повторение слов и действий, в процессе которого означающее и означаемое много раз меняются местами, ведет к тавтологии, в которой как в мифе (аналогично, скажем, чувству испуга), спасается сознание. Язык тут, по словам Р.Барта, похищается мифом (6, с.98-99).

Массовое сознание, в отличие от сознания историка, воспринимает историю фетишистски, усваивая ее именно как совокупность мифов. Мифы в современном массовом сознании возникают как бы стихийно, но на самом деле целенаправленно формируются идеологическим дискурсом с политическими целями. Так, если обратиться к истории советского прошлого, мы обнаружим множество мифов и мифологизированных фигур: от Великого Октября и монументальной фигуры Вождя революции до мифологизации космических и спортивных достижений. В особенном ряду стоит миф о Великой Отечественной войне, миф о Победе - ему удалось пережить крушение советского режима и, похоже, что с годами этот миф не меркнет, а только укрепляется, чему свидетельство циничная легитимация при его помощи героизма-терроризма российских «добровольцев» и донбассовских «ополченцев».

Нынешний терроризм можно рассматривать как новый нигилизм, который отказываясь от Бога и морали, и «от одиночных выстрелов и готовности к самопожертвованию революционеров XIX века», в XXI в. не только технически оснастился, но и взял на вооружение фетиши массовых мифов, основанных на воинственной племенной логике с ее дихотомиями «свой-чужие», «мы-они», «друзья-враги». Его конечная цель - не прогресс в развитии, как это было характерно для терроризма XIX ст., но отказ от развития, сохранение «традиционного» уклада жизни, который внутренне враждебен современной цивилизации (см.:34).

В этом контексте, на мой взгляд, действительно, имеет смысл говорить об «абсолютной жертве терроризма» - «полифонически и монадно-плюралистически самоорганизованного ценностно-смыслового универсума человеческого бытия» (С.Крымский). Эта абсолютная жертва терроризма - производная новой формы нигилизма XXI ст., есть результат абсолютного преступления как ментальной и практической инверсии абсолютизации уверенности не только в своей правоте, но и неуязвимости: любая абсолютизация чревата отрывом от реальности, в том числе отрывом от реальной угрозы, в данном случае глобальной войны.

Терроризм всегда возможен с тех пор, как на исторической сцене появился нигилизм, и как крайняя форма проявления практического нигилизма, упивается не видением нового, но средоточием *взглядов на себе*. Поэтому и теракты 11 сентября, в которых погибли безвинные люди, весь мир, замешанный на цинизме, смотрел в прямом эфире, также как сейчас мы смотрим обстрелы российскими градами украинской земли. Террорист не представляет себя в будущем, но предоставляет возможность массам созерцать себя в настоящем. Он не открывает *еще не ставшее*, но давно уже ставшее отождествляет с неизменно сущим, и таким образом мифологизирует действительность. Он провозглашает (всеми возможными средствами) конец истории становления. Терроризм тотально отчужден от производства и становления и в то же время консервирует *прототипы* организации современной жизни. Тотальная негация и радикальный жест вычеркивания - отличительная черта терроризма эпохи глобализации», пишет Савчук (там же). Таким образом, терроризм делением людей на своих и чужих, друзей и врагов на «мы и они», создает в массовом сознании миф о себе как некой абсолютной сущности племенного мира, практически утверждая в сознании «человека-массы» его ценности.

Уничтожение другого мира - цель терроризма как новой формы нигилизма. Его территория не театр военных действий, но весь мир. Остался в прошлом нигилизм как побочный эффект неизбежности прогрессивного развития, нигилизм, который в радикальном авангардном порыве стремится в зону рождения

нового и неизвестного. Здесь мы имеем дело, в частности, с *реакцией* российского терроризма на западный тип воспроизводства жизни, одним словом – с *реактивным* нигилизмом» (там же) и, добавим, кровавым терроризмом, плоды которого мы пожинаем в практике лжи и насилия Русского мира, в так называемой, Новороссии.

В этой своей новой-старой милитаристской политике, практически легитимирующей нигилизм государственного терроризма, Россия реанимирует свои традиционные властные институты и православные идеологемы, что позволяет говорить о ее имперском воспроизводстве в новых условиях. Власть в России всегда была персонифицированной и ассоциировалась с определенным носителем - царем, императором, генсеком, президентом. Народное представительство в России возникало для укрепления власти, а не для ее ограничения, что свидетельствует об отсутствии в российской исторической традиции народного представительства в классическом смысле. Так, земские соборы для российской самодержавной власти являлись, по выражению В.Ключевского, их «собственными орудиями», от которых власть ожидала готовности «поступать так и или иначе», а не искало полномочий или совета как поступить

Характерной особенностью, сложившейся еще в эпоху Московского царства, стало формирование «вотчинного государства». Московские князья, русские цари, а впоследствии советские вожди, обладавшие огромной властью, были убеждены в том, что вся страна является их собственностью, так как создавалась, строилась и перестраивалась по их повелению. Исторически сложилось представление о том, что все живущие в России являются государевыми слугами, находящимися в прямой зависимости от царя и не имеющими возможности претендовать ни на собственность, ни на какие-либо неотъемлемые личные права. Это представление, пронизывающее все институты государственной власти, придало им характер «вотчинного государства», аналоги которого можно было найти на Востоке, но подобия его не было в Европе.

Еще со времен Московского государства стало работать и универсальное правило: общество передает государству право на проведение радикальных реформ. При этом предполагается «пересмотр» если не всей системы культурных ценностей, то, по крайней мере, некоторых базовых ее элементов, что позволяло московским князьям присвоить неограниченные права по отношению к обществу и предопределило перевод его в мобилизационное состояние. Его основу составили внеэкономические факторы государственного хозяйствования, экстенсивное использование природных ресурсов, ставка на принудительный труд, внешнеполитическая и военная экспансия.

Эта мобилизационная «вотчинная» традиция во многом предопределяет и нынешнее агрессивное экономическое и политическое поведение РФ на просторах развалившегося СССР, развалившегося - именно под бременем этатизма и нерешенных социально-экономических проблем, порожденных «командно-административной» (по сути партийной, номенклатурно-бюрократической) системой и державной русификаторской национальной политикой в культуре. Эта же традиция доминирующе обуславливает и психополитические настроения, которыми до предела насыщено шизоидное амбивалентно-циническое состояние нынешних властителей Кремля, сознательно или бессознательно культивирующих сознание «кануна мировой войны», и стремящихся навязать этот свой «душевный конфликт» всей нации. Но что значит жить «навстречу великим военным взрывам?», - задавал вопрос еще в 80-х годах минувшего столетия П.Слоттердаик. И раскрывая природу цинического разума, отвечал, увы, нисколько не обнадеживающе: «В таком климате развивается тайное ожидание катастрофы, которое можно назвать комплексом катастрофилии: он касается коллективного повреждения витальности, когда энергии симпатично склоняются в сторону катастрофического, апокалипсического и насильственно-сенсационного» (36, с.133).

На этом фоне предельно циничными предстают усилия Москвы по созданию Европейско-Азиатского экономического союза на основе равноправного партнерства. Ранее было сделано несколько безуспешных попыток для достижения этой цели, одной

из которых было создание СНГ. В 2010 году Россия сделала новую попытку, создавши, наконец, Таможенный Союз с Беларусью и Казахстаном, что заложило основу для ЕАЭС. С самого начала Москва надеялась на то, что экономическая повестка организации получит развитие и поможет политической интеграции.

Но идея о выгодной для всех интеграции на равноправной основе всегда была для Кремля лишь прикрытием. Еще задолго до создания ЕАЭС было понятно, что огромнейшие экономические диспропорции между членами этого объединения выгодны России, другие же страны будут играть второстепенную роль. Что касается непосредственных перспектив ЕАЭС, то у него нет институтов, которые помогали бы ему реализовать тот небольшой экономический потенциал, который есть у него. Ни в одной из структур ЕАЭС, включая Евразийскую экономическую комиссию (регулятивный орган Союза) и Евразийский экономический суд, нет достаточных полномочий, чтобы формировать его политику или влиять на решения, которые принимаются. В отличие от руководящих органов ЕС, чьи решения обязаны выполнять все члены, институты ЕАЭС имеют лишь рекомендательные полномочия, и у них нет политического мандата на проведение принимаемых решений. Более того, ни одно из государств-членов не выявляет желания делегировать власть наднациональным органам, которые ограничивают их суверенитет.

Видимость экономического и политического единства, которую члены ЕАЭС поддерживали последние годы, была разрушена украинской «революцией достоинства». Россия надеялась, что партнеры по ЕАЭС поддержат ее действия в Украине. Однако кризис за пределами границ Союза спровоцировал кризис в середине него, показав, *что* на самом деле страны-члены думают друг о друге. Парадокс, но причина сегодняшних расхождений между партнерами ЕАЭС кроется как раз в их постепенном движении к экономической интеграции. Беларусь и Казахстан в начале конфликта стремились придерживаться нейтралитета. Они проявили определенную обеспокоенность, когда Россия присоединила Крым и начала поддерживать сепаратистов на востоке Украины, но побаивались стать на чью-либо сторону, подозревая, что Москва не имеет намерения придерживаться

суверенных границ и норм международного права. Более того, она готова пожертвовать своим экономическим благополучием и внутренней стабильностью во имя достижения геополитических целей (см.: 61).

Дополнение евразийской экономической интеграции формированием соответствующей культурной идентичности мыслится сегодня некоторыми российскими гуманитариями как практическая задача. Возможно, теоретизируют они, уместно ныне вести речь о *создании системы программ евразийской метакультуры*. «Мы полагаем, - пишут А.Алексеев и И.Алексеева, - что метакультуры призваны компенсировать отсутствие объединяющей общество идеологии, о потребности в которой так много говорят сегодня, но которая вряд ли способна возникнуть в современных условиях. Создание метакультуры требует нахождения общих оснований, необходимых для взаимодействия и совместного развития разных культур и субкультур, в том числе формирующихся в различных социальных и профессиональных группах» (см.:5).

Показательно в этом отношении, пишут исследователи, наделение новым смыслом слова «россияне», происшедшее еще в 90-х гг. прошлого столетия. Сегодня слово «россияне» стало привычным, оно обозначает людей, живущих в Российской Федерации или граждан данного государства. Однако «россияне» больше не является синонимом слова «русские» (например, живущие в Москве русские граждане Молдовы говорят: «Мы русские, но мы не россияне»). Придание нового смысла слову «россияне» открывает перспективу формирования новой российской метакультуры, однако это перспектива не осознана в достаточной степени (там же).

В этой связи отметим весьма важное обстоятельство, которое свидетельствует о рациональной линии поиска будущего России, не связанного с архаикой мысли и племенным сознанием православного Русского мира. Упор в этом поиске делается на исключительно европейскую по происхождению теорию аргументации, более того, - аристотелевскую логику и риторику. Они мыслятся как базис «социально-гуманитарной инженерии»(!), значение которой авторы поднимают до философской. «Нормативное ядро современной теории аргументации сохраняет связь с классическими идеалами, определившими когда-то характер

Аристотелева учения о диалектике и риторике», - пишут исследователи. При этом подчеркивается, что социогуманитарные технологии, с которыми связаны перспективы выживания и развития человека и человечества в XXI в., должны носить не манипулятивный характер. «Такие технологии могут основываться скорее на классических («устаревших») нормах и идеалах освоения человеком мира и взаимодействия людей, чем на «современных» способах повышения эффективности манипуляций. В этом контексте особенно интересны инженерные составляющие философии, связанные с логикой и теорией аргументации»(там же).

Но вот беда: после принятия Аристотелевых эпистемологических установок в самом дискурсе «философских инженеров», увы, кроме рационально когнитивных, сохраняются и, осознаваемые ими как «архаические», ценностные установки. Вследствие этого «этос» мышления начинает довлеть над «логосом». Так далее, в полном соответствии с духом «племенного цинизма» (П.Слоттердайк), следует рассуждение, которое наглядно и в который раз подтверждает мысль «классика» - «демократия» россиянина заканчивается, когда разговор заходит об Украине. Те же Алексеевы пишут: «В эпоху, когда противниками русского единства вкладываются огромные усилия и средства в формирование «нерусской Украины» и воспитание «украинца, убившего в себе русского», следует особенно внимательно отнестись к *языку программирования* русской метакультуры как охватывающей великорусскую, белорусскую и украинскую». Конечно, таким языком не может не быть русский. Поэтому далее идет следующая сентенция. «В этом контексте может *оказаться полезным осовременивание некогда общепринятого деления русских на великороссов, малороссов и белорусов* (курс. – Ю.И.). Примечательно, что недавно почти забытое слово «малоросс» сегодня *используется как самоназвание* (кем и когда, ссылки отсутствуют! - Ю.И.) многими (!) **из тех** украинцев (так оголяется великодержавный этос племенного сознания), кто не желает противопоставлять себя русским». Далее они как бы нисходят к украинцам и «оправляются» в своем дискурсе: «В то же время, немалое число их соотечественников воспринимают это название как пренебрежительное, подразумевающее «недорусский». Последнее толкование совершенно неверно, однако не считаться с его существованием неразумно. В этих условиях (и тут начинается вот такая «гуманитарная инженерия», что весьма и весьма напоминает манипулятивные технологии, против которых борются «философские инженеры» - Ю.И.) в дополнение к «малороссам» или вместо этого

названия можно предложить слово «перворусы» («первороссы»). Мы сознаем (впрочем, скромничают «инженеры»), что непривычный конструкт «перворусскости» может вызвать возражения, однако его происхождение вполне законно. Ведь было время, когда Русью называлась только небольшая территория на северо-востоке современной Украины. Новгородец, отправившийся в Киев, считался поехавшим из Новгорода на Русь (см.:5) (да, «были люди в наше время», то бишь «перворусские» во «время оно» - Ю.И.).

Вместе с тем, видно стремление российских философов обосновать самобытность своей мысли и неким образом согласовать «этосную» ценностно-нормативную составляющую данного дискурса с западной технологичностью мышления. Это подтверждает следующий посыл исследователей, несомненно, искренне болеющих за долю своей отчизны. «На первый взгляд, вопрос о российском посткапитализме и вопрос о русской идее не имеют между собой ничего общего. Ведь посткапитализм как таковой - в виде общества знаний или любом другом виде - не способен и не должен стать общественным идеалом. Обозначаемые соответствующими терминами изменения в хозяйственной жизни и культуре в целом, подчеркивается далее эта мысль, говорят о чрезвычайной важности интеллектуальной составляющей в жизни современного общества. Поэтому следует вывод: данное обстоятельство не следует игнорировать тем, кто пытается сформулировать русскую (и российскую) идею как призыв к будущему, основанный на опыте прошлого, однако не возвращающий в прошлое. В силу этого такой призыв к будущему должен отражать неудовлетворенность настоящим, называя то главное, что сегодня заслоняется и подменяется инструментальным (и в этом смысле второстепенным). Это главное сегодня может быть выражено в словах «разумность» и «доброта».

Конечно же, апелляция к разумности и доброте дорогого стоит. Но вот ведь незадача, социально-политический контекст такой апелляции может изобличать «моральность аморализма» цинического разума, порождаемого раздвоенным шизоидным состоянием рядового россиянина, попавшего под пресс дикого капитализма. Ведь там где возникает частная собственность, соответственно, частное богатство, там всегда появляется тот, кто убеждает, что он заработал его вполне морально - «собственными усилиями». Во-первых, формирующийся тут рессентимент сознания склоняет к тому, как подчеркивает П.Слоттердаик, чтобы

морально «грузить» «добрых деловых людей». Во-вторых, «капитал неизбежно коррумпирует все ценности, которые связаны со старыми формами жизни - пусть их покупают как декорации или средства развлечения или же отбрасывают в небытие» (36,с.316,317). Сознание рядового россиянина в условиях государственно-олигархического капитализма, продолжающего в условиях неминуемого своего краха экономическую сырьевую политику военными действиями на Востоке Украины, ценностно-цинично отравлено оставшимся еще после Советского Союза державным милитаризмом, ныне поощряемого всяческими идеологическими и социально-гуманитарными технологиями православной Русской идеи. Оно разрывается в «диффузную циничности» (П.Слоттердайк) россиянина между его «патриотизмом» как гражданина и «православием» как верующего, обреченного во имя этой идеи воевать против православных и убивать «братьев славян», предварительно и для успокоения совести, цинично называя (означая) их «фашистами» и «бандеровцами».

Очевидно, по аналогии с мыслью С.Аверинцева об аристотелизме как внутренней форме западной культуры, можно говорить о платонизме как внутренней форме православной, соответственно, русской культуры. Вспоминаются такие его слова: «Мы, восточные славяне, в особенности уж точно мы, московиты, слишком сосредоточены на крайних полюсах этической вертикали: либо благородное самопожертвование, либо голая и глупая подлость. Между тем существует определенная середина - для решений, которые отнюдь не стопроцентно духовны и нравственны, но практически мотивированы, обусловлены понятием общей пользы, общего блага - очень древним, но все еще недостаточно усвоенным у нас понятием общего блага (с.843). Эта идея общего блага не имеет ничего общего с коллективизмом, замешанном на эгалитаризме и патернализме государства, легитимирующем ныне свои морально-политические функции достижения единства граждан не с помощью коммунистической идеологии, а с помощью пропаганды СМИ и проповеди православной церкви.

С.Аверинцев, также отмечал, что для Православия осталась в общем чуждой юридическая концепция первородного греха как правовой ответственности, переходящей от предков на потомков: в понимании Православия грех Адама вызвал только сущностную деградацию человеческой природы, наследственную предрас-

положенность ко злу, но юридической ответственности за деяние Адама человек не несет (1, с.352,353). Очевидно, здесь кроются «духовные» истоки правового нигилизма, который издавна признается неотъемлемой чертой России.

Характерными чертами современного правового нигилизма россиян, как, впрочем, и иных массовых репрезентантов постсоветского пространства, является его подчеркнуто демонстративный, воинствующий, конфронтационно-агрессивный характер, и обоснованно квалифицируется общественным мнением как беспредел или запредельность; глобальность, массовость, широкая распространенность не только среди граждан, социальных и профессиональных групп, слоев, каст, кланов, но и в официальных государственных структурах, законодательных, исполнительных и правоохранных эшелонах власти; многообразие форм проявления - от криминальных до легальных (легитимных), от парламентско-конституционных до митингово-олигархических и др.; **особая степень разрушительности, оппозиционная и популистская направленность, регионально-национальная окраска, переходящая в сепаратизм; слияние с государственным, политическим, нравственным, духовным, экономическим и религиозным нигилизмом, образующим вместе единый разрушительный деструктивный процесс.** Естественно, что в условиях низкой правовой культуры и распространения правового, переходящего в цинизм, правового нигилизма, легитимирующую функцию ценностей и социальных норм берет на себя религия.

Мы согласны с тем, что посткапиталистическая перспектива России (как и Украины) может мыслиться только как общество знаний. Однако все зависит, как понимать это общество знаний. Если в присущем Евразийскому проекту и Русскому миру Платоновом ключе, то тогда получим типичное Просветительство с «идеей доброй разумности», которая «задает интеллектуально-нравственные ориентиры общества, становится основанием оценки поступков людей и работы всего социального организма». Но, во-первых, как отмечал, П.Слоттердаик, Просветительство терпит свое главное поражение от политического цинизма власти, а современная российская власть, в чем мы убедились, в своей шизоидности цинична. Немецкий философ подчеркивает, если знание есть власть, то власть, будучи зависима от требований борьбы, *ведет к расколу знания на жизненное и нежизненное.* Только на первый взгляд это выглядит как противоречие между «идеализмом» и «реализмом». На деле *тут противостоит*

шизоидный и нешизоидный реализм. Первый берет на себя ответственность за то, за что невозможно отвечать, второй безответственно становится на сторону того, за что должно отвечать (36. с.95).

Во-вторых, как пишет С.Аверинцев, с коренными трансформациями режима власти, романтика свободы, романтика сопротивления тоталитаризму, которой вдохновлялось интеллигентское сознание 60-80-х г.г. прошлого столетия не может пережить тоталитаризма. С приходом свободы неминуемо возвращаются профессиональные, деловые критерии - при страшном дефиците профессионализма. Когда прозревали ложь идеологии - переживание было волнующее. Но вот прозреть собственную немощь, ограниченность, прозреть хаос в собственном сознании, едва ли не труднее, предупреждал Сергей Аверинцев (2,с.740). Отсюда, организация полемического знания Просветительством в шизоидно заряженном посткапиталистическом российском обществе, может оборачиваться не конструктивизмом, а резиньацией, иронией, сарказмом, меланхолией и депрессией.

Ныне настал час добровольцев, - но, конечно, и час самозванцев, отмечал в этой связи все тот же С.Аверинцев. Увы, сетовал мыслитель, граница между добровольчеством и самозванчеством сегодня не только неотчетлива, но и подвижна. Единственный шанс не отказываться от инициатив и все же не стать самозванцем – смирение. Но такое смирение, которое предстает не как набожная жестикуляция, а безжалостное узрение правды о нас самих, переоценка уже не внешних «ценностей», ложных или не вовсе ложных, а самой самости. И тут снова возникают крайности: либо смирение без фраз - либо цинизм без удержу, «середины для нас, русских, больше нет», - подчеркивал с сожалением мыслитель. И далее он, очевидно, примиряясь с исторически сформированными особенностями российского менталитета, высказывает достаточно полемическую мысль: «Может быть, и хорошо, что нет. Или - или. О тех, кто избирает цинизм, лучше молчать, как о мертвых; да ведь они и вправду были из числа живых. Жизнь сохранит в себе нынче лишь тот, кто решится выбрать смирение» (там же, с.740-741).

Похоже, что история делает очередной виток, и вот уже на новом временном этапе в сознании интеллектуалов всплывают некоторые культурные архетипы, естественно, обретающие иной социальный контекст и реанимирующие в памяти призабытые смыслы. В свое время русский православный философ, позже ставший священником, С.Булгаков также призывал к смирению, противопоставляя его «интеллигентскому героизму» как духовному «продукту Просвещенчества». При этом он отмечал такие сопутствующие героизму черты интеллигентского сознания как максимализм, вследствие которого интеллигенция малодоступна доводам исторического реализма и научного знания, сознательное или бессознательное ожидание социального чуда и всеобщего катаклизма, распространение эсхатологических настроений (12, с.320-321).

В противовес героизму смирение - первая и основная христианская добродетель, даже вне христианства есть ценное качество, свидетельствующее о высоком уровне духовного развития (так успехи знания сопровождаются увеличивающимся пониманием нашего незнания, следовательно, и ростом интеллектуального смирения). Одно из наиболее обычных недоразумений относительно смирения состоит в том, что христианское смирение, внутренний и незримый подвиг борьбы с самостью, со своеволием, с самообожением, истолковывается непременно как внешняя пассивность, как примирение со злом, как бездействие и даже низкопоклонничество или же, как неделание. Смирение часто истолковывают как христианское подвижничество (там же).

Все же, как представляется, зловещий гость - современный нигилизм, несущий терроризм, цинизм и войну - не может быть преодолен ни самоотверженным героическим служением идее на ниве Просвещения масс, ни христианским (православным) смирением каждого из нас на ниве служения Богу. Это, впрочем, не отменяет репрезентативной общественной значимости (и так необходимых для человека «воображаемых значений», с которыми связаны все ожидания и смысл его жизни) того и другого: как показывает история, они могут сосуществовать и дополнять друг друга. Весь вопрос заключается в том, как преодолеть все более углубляющуюся бездну между «государственным» и «общественным», «приватным» и «публичным». В конституировании новых форм общественности (которые, как всегда это было в истории, рождаются в муках преодоления дилеммы «власти духа и духа власти»: «кесарю -

кесарево, Богу - богово»), многое зависит от понимания необходимости создания правового демократического и открытого общества, составляющими которого являются гражданские институты, и «воспитуемая» ими в свободе автономная личность. Современное массовое общество в России (как и в ряде постсоветских стран), которое в отличие от Запада, минуя гражданскую фазу общественного развития, сразу пришло на смену патриархально-патерналистскому с «племенным сознанием» обществу, плодит, как отмечал российский философ В.Межуев, не автономного, а атомизированного массового индивида. В сознании последнего сохраняются рудименты «советского человека» с его психологией патернализма и этатизма. Между тем, общественная (русская, украинская, белорусская, казахская и др.) идея «счастья» (воображаемая людьми полнота бытия в ожидании достойной жизни) каждого, зависит не от национальной специфики («национальной идеи»), как это в духе платонизма пытаются представить идеологи тех или иных «миров», а от «качества» «другого» и «иного» *bios politicos*, что проклинаемый Русским миром Западный мир давно уже осознал. К.Касториadis писал, что осуществление этой цели пролегает через проводимую демократической властью политику социальной институциональной помощи индивидам на их пути к автономии. Это и есть подлинная «пайдейя» (παιδεία – гр.: образование, воспитание) в глубочайшем смысле этого понятия. Именно демократия как режим стремится процедурно реализовать, насколько это возможно, индивидуальную и коллективную автономию (20, с. 67).

Поскольку человеческое существо в обычной повседневной жизни поглощается коллективностью, начиная со случайности рождения в определенное время и месте, и невозможностью объяснить принимаемые решения только свободой своей, то оно в некоторой кризисной точке своего *modus vivendi* в тех или иных формах коллективности, в осмыслении жизни с неизбежностью попадает в смысловую оптику двойного обмана:

- обмана относительно того, что человеческое существо настолько является добрым, насколько добрым является общество (это показывает анализ социализации и гуманизации индивида);

- обмана относительно того, что является политикой как созиданием определенного типа бытия, что эксплицируется через законы собственного существования и одновременно через проекты индивидуальной и коллективной автономии (см.: там же).

Практика лжи и насилия, vyplывающая из проектов «Русского мира» и «Новоросии», наглядное свидетельство тому. В условиях, когда отстаивается образ жизни, характерный для авторитарных обществ, подавляющий гражданскую жизнь масштабами безличных «государственных» политических и экономических связей (тут же оборачивающийся потребностью в *лицах* как субъектах решения, и которые в силу реального отсутствия таковых, замещается «нужными» и «своими людьми», мимикрирующими под некий идеальный пробраз личности и создающих ее культ), становится невозможным сохранять нравственное единство мотивации поступков в этосе индивида. Отсюда проистекает обман в виде неизбежного дуализма общества и государства, «дольного» и «горнего», таким образом, и неизбежности сакрального, что служит экзистенциальной основой религиозного опыта и ведет к понятию Бога, легитимирующего сферу человеческих предпочтений и ожиданий, сферу должного в противовес сущему, т.е., в конечном счете, религиозному обоснованию морали. И поскольку властно-режимно, т.е. социально-институционально, внушается мысль, что *несправедливое страдание лучше несправедливого деяния*, то легитимирующей силой с неизбежностью выступает некая историческая традиция, в данном случае опирающаяся на платонизирующее, зиждемое этикой смирения, православие. Здесь теряет смысл всякий аристотелевский эвдемонизм, т.к. в нем пережитая человеком несправедливость не компенсируется божественной потусторонней справедливостью: Аристотелев «неподвижный двигатель» не в силах заботиться о жизни людей (20, с.41). Брать же на себя ответственность за принимаемые решения, люди институционально и психологически не привыкшие к свободе и бегущие от нее, не в состоянии. Этос и обычай заменяют в таком сознании свободу выбора, препятствуют выработке правовых и властно-политических норм общежития, а в силу случайного наличия таковых хотя бы в зародыше, противятся

их внедрению. Как следствие, в обществе растет роль не знаний, а вещания, проповеди, информационного контроля и всякого рода нравственных и духовных санкций, а на передний план сознания выходит добровольный, не знающий социального давления конформизм. Так формируется смысловая оптика второго обмана – политической коллективной иллюзии в жизненности идеи особого мира, легитимация которого находится в сфере ценностей и смыслов православия, и связанных с ним традиций патриархального уклада жизни. В конечном счете, искусство притворства, что непосредственно связано с циничным обращением насильственного сознания против других и изначально инкарнировано в христианский религиозный опыт (библейская история Каина и Авеля), создает посюсторонние социальные миры, в которых укрывается страх перед насильственной смертью, а девитализированная жизнь, связывая свою угасающую энергию с щедро преподносимыми историями ужасами уничтожения, жаждет компенсации в утопии, эсхатологии, хилиазме (36,с. 279).

Другой, не менее важный, вывод в отношении снятия дилеммы «смирение - героическое подвижничество нигилизма/цинизма» может быть сделан из того обстоятельства, что ныне обнаруживается радикальная недостаточность традиционных, философских и религиозных этик. Дело в том, что никакое абстрактное правило, никакое универсальное предписание с конкретным содержанием не может избавить нас от ответственности за наши действия. Ссылаясь на Аристотеля, К.Касториadis пишет, что мы всегда находимся в особенной ситуации, а не в универсальном измерении, и это требует от нас проявления *phronesis* – создания возможности и способности выносить суждения, когда не существует автоматических объективированных правил. Между тем, все религиозные и философские моральные системы пренебрегают этим требованием, предоставляя в основном каталоги особенных добродетелей и списки предписаний, которые не всегда могут быть применены (например, «не убий»). События человеческой – общественной и личной жизни – всегда практичны, а практическое в Кантовом смысле - это все, что возможно благодаря свободе. Но именно

поэтому они имеют не только моральное измерение. Прежде всего, они выходят за рамки моральности в сферу публичного, следовательно, и политического (Х. Арендт).

Традиционные философские и моральные системы суть «счастливые морали», они претендуют на знание того, что есть Добро и Зло, и поэтому единственной проблемой для них является внутренняя проблема человека: мы знаем или должны знать, где находятся Добро и Зло, и чистота/нечистота наших помыслов и действий заключается в выборе этих раз и навсегда определенных сущностей. Однако после всех рациональных и символических извлечений из витальности человеческого бытия в корне жизни остается как раз то, что остается до конца непонятым - что есть Добро или Зло, и не просто сами по себе как чистые сущности, а именно в определенных обстоятельствах. В классических философских и религиозных этиках базирующихся на универсалиях и, соответственно, универсальных предписаниях, происходит непризнание или припрятывание этого «остатка», который, как показывает история всемирной культуры, и придает трагическое измерение человеческому существованию (см.: 20, с.35-36). Не признавая это платоническая абсолютистская и универсалистская этика православного, более того, «праведного» как ищущего «Правду» Русского мира, в быту с неизбежностью оборачивается релятивизмом и двойничеством - практикой лжи и террора²⁶.

Дотрагическому восприятию, писал К. Ясперс, свойственна особого рода примиренность с судьбой. Вместе с печалью в нем присутствует чувство защищенности, остающееся постоянным фоном даже в тех случаях, когда речь идет о смерти, горе, катастрофах. Тут нет страха перед миром, нет ни отрицания мира, ни его оправдания, нет обвинений, а только жалоба, нет

---

²⁶ Следует, конечно же, учитывать двоякую роль религий в обществах: они могут служить для того, чтобы легитимировать угнетение и увеличивать его, помогая преодолевать страх, давать индивиду свободу, способность к сопротивлению и творчеству. Поэтому религия может быть, в зависимости от обстоятельств, и тем, и другим: инструментом власти и ядром сопротивления власти, проводником репрессий и проводником эмансипации: инструментом девитализации или учением о ревитализации (см.:36, с.279).

разочарованности отчаяния, есть лишь спокойное терпение и смерть... Там же где появляется трагическое сознание, там утрачивается защищенность. Суть трагического сознания – в знании однократности и необратимости, но в каждом конкретном случае оно предстает как «незнающее знание» окончательной неразрешимости человеческих проблем. Христианская религия предлагает освобождение от трагического знания через спасение благодатью. Но верующему христианину по сути неведом опыт трагического, поскольку трагическое знание и христианская вера в искупление – антиподы (см.: 15,с.322,326). Хотя Христос и является символом крушения в мире – это не трагическое крушение, и это осознается в опыте веры как католицизма, так и православия. В этом один из истоков нигилизма и цинизма, которые в своей культурной форме привносит христианство в человеческий мир. Опыт подлинно трагического, связанного с автономией и аутентичностью человеческого выбора, остается по существу за рамками религиозного сознания.

Но и автономия, как в индивидуальном, так и в коллективном плане, не дает автоматического ответа на все вопросы, которые ставит человеческое существование. Мы всегда осуществляем свою жизнь в трагических условиях «незнающего знания» своей конечности. Мы никогда не знаем, что есть Добро и Зло, более того, мы не привержены Злу больше, чем Добру, потому что можем возвратиться (и через телесную боль и духовное усилие осознания вины возвращаемся) к самим себе. Мы размышляем над нашими поступками, надеясь их исправить, а если нет, то покаяться, в чем, однако, сказывается не просто прерогатива религиозного опыта, но всего опыта витального и символического существования человека в истории, которая, как известно, чревата двумя формами – трагедии и фарса. Но, так или иначе, перед человеком всегда открывается, говоря словами А.Тойнби, два способа взметнуть пыль на площадях и исторической арене: путь насилия и путь добра. «Майдан», как и История по Тойнби, выбрал второй путь, но Добро, говорил поэт, должно быть с кулаками. Не только через Добро и Истину, Веру и Любовь, но страдание и страх, заботу и душевный трепет, порождающих как Прекрасное и Возвышенное, так Зло и Ненависть, происходит

вхождение жизни в историю. При этом осуществляется и вхождение телесных, душевных и духовных феноменов, связанных с жизнью человека как определенного био-логического вида, в порядок знания и власти (М.Фуко). Технологии управления обществом, сочетающие власть и знание, должны в будущем принимать в расчет эти специфические феномены, научиться контролировать и модифицировать их, избегая как цинизма власти, так и цинизма знаний.

Литература

- 1.Аверинцев С.С. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Сергей Аверинцев. Собрание сочинений / Под ред. Н.П.Аверинцевой и К.Б.Сигова. София-Логос. Словарь. – К.: ДУХ і ЛІТЕРА, 2006. – 912 с.
- 2.Аверинцев С.С. Мы и наши иерархи – вчера и сегодня // Сергей Аверинцев. Собрание сочинений / Под ред. Н.П.Аверинцевой и К.Б.Сигова. София-Логос. Словарь. – К.: ДУХ і ЛІТЕРА, 2006. – 912 с.
- 3.Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. - 1988. - № 7, 9.
- 4.Адорно Т. Исследование авторитарной личности [Эл. ресурс: <http://filegiver.com/free-download/adorno-issledovanie-avtoritarnoy-lichnosti.fb2.html>].
- 5.Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Какой посткапитализм нужен России? // Вопросы философии, 2014, №10.
- 6.Барт Р. Избранные работы:Семиотика: Поэтика /Пер с фр.- М.: Прогресс, 1989. – 616с.
- 7.Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологи войны и национальности – М.: Философское общество СССР. 1990. – 240 с.
- 8.Бердяев М. Истоки и смысл русского коммунизма.-М.:Наука,1990 - 222с.
- 9.Бердяев М. Утопический этатизм евразийцев. [Эл. ресурс: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1927_324.html].

10. Боброва Е.К. Н.С.Трубецкой о роли языка в динамике культуры // Вестник МГУКИ, 2011. – 2 (40). Март-апрель. С.34-40.
11. Бодріяр Ж. Симулякри і симуляції. – Київ: Основи, 2004. – 230с.
- 12.Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) / Булгаков С.Н. Соч. в 2-х т. Т.2. М.: Наука, 1993. - С.302-342.
- 13.Бурд'є П.Практичний глузд. - Київ: Український центр духовної культури,2003. - 530с.
14. Вернадский Г. Опыт истории Евразии [Эл.ресурс: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/library:01433>].
- 15.Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. - 495 с.
- 16.Гоголь Н. Мертвые души. Поэма – Собр. соч. в 4-х т.- Т.3. – М.: Правда, 1968.
- 17.Деррида Ж. Голос и феномен / пер. с франц. С.Г.Кашина, Н.В. Суслов.- СПб.: Издательство «Алетейя», 1999 г. – 208 с.
18. Дугин А. Четвертая политическая теория.- М.:Амфора, 2009. – 352 с.
19. Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы / Пер. с англ. - М.: «Европа», 2011. - 476 с.
- 20.Касториадіс К. Злиденність етики. Демократія як процедура і як режим /Політика та етика – Київ: Україн. філос. фонд, 1999. - С. 29-45; С.46-68.
- 21.Козловский П.Современность постмодерна// Вопросы философии, 1995, № 10. С.85- 94.
- 22.Кримський С.Б. Заклики духовності XXI століття. – Київ. Видавничий дім «КМ Академія», 2003. – 32 с.
- 23.Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии - М.: Мысль, 1993.- 959 с.
- 24.Малахов В. Практика людяності: до етичного осмислення ситуації наших днів// Філософсько-антропологічні студії'2013. Визначальні виміри сучасного філософсько-антропологічного знання - Київ: Стило, 2013. С.197-201.
- 25.Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.:Алетейя,2000.- 311с.
- 26.Навроцький В. Колективність та етнічність // Проблеми теорії ментальності. - К.: Наукова думка, 2006. – 405 с.
- 27.Новейший философский словарь / Под.ред. А. Грицанова.- Минск: Книжный Дом, 1999.
- 28.Попович М. Теорія ментальності // Проблеми теорії ментальності. К.: Наукова думка, 2006. – 405 с. - С.3-30.
- 29.Поппер К. Открытое общество и его враги Т.1: Чары Платона. – М.: Феникс, Межд. фонд «Культурная инициатива». 1992. - 448 с.

- 30.Рікер П. Идеология та утопія/Пер. з англ..К.:ДУХ і ЛІТЕРА., 2005. – 386с.
- 31.Росман В.Платон как зеркало русской идеи // Вопросы философии,2005, № 4.-С.38-50.
- 32.Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник.Кн.IV/ Под ред. П.Н.Савицкого, П.П.Сувчинского и кн. Н.С.Трубецкого. - Берлин, 1925.-С. 5-23.
- 33.Савицкий П.Н. Православие как основа идеологии : [Эл. версия: <http://maxpark.com/community/politic/content/2749008/>]
- 34.Савчук П. Истоки современного терроризма [Эл.версия:<http://sr.fondedin.ru/new/full-news.php?archive=1164199726&id=1164197905&startfrom=&subaction=showfull&ucat=14>].
35. Словарь Русского языка XI –XVII вв. Вып. 6 - М.: Наука, 1979.
- 36.Слоттердайк П. Критика цинічного розуму. Пер. з нім. – Київ: Тандем, 2002. – 544с.
- 37.Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры / Исход к Востоку. – М.: Добросвет, 1997 - 264с.
- 38.Трубецкой Н.С. Избранные труды / Н.С. Трубецкой. – Киев, 1998.-350с.
- 39.Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме / Исход к Востоку. – М.:Добросвет,1997. – 264 с.
40. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. -799с.
- 41.Устрялов Н.В. Итальянский фашизм. 2004. [Эл.ресурс: rushist.com/index.php/mussolini/1484-duche-mussolini].
- 42.Шалашенко Г. Про антропологічний «запас» («rest») людського самовиконання //Філософсько-антропологічні студії’2013. Визначальні виміри сучасного філософсько-антропологічного знання .- Київ: Стилос, 2013. С. 202-208).
- 43.Шкаратан О.И. [Эл.ресурс: <http://www.alleng.ru/d/sociol/soc061.htm>].
- 44.Шушарин Д.//«День»: №194,(2014).Опубликовано 07.10.2014
- 45.Эко У. Ур-фашизм [Эл. ресурс: [uglich-jj](http://uglich-jj.ru)].Источник:<http://censor.net.ua/p323794>].
- 46.Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, - 1987. -312с.
- 47.Эл.ресурс:<http://portal-kultura.ru/articles/person/64670-aleksandr-dugin-nuzhno-borotsya-s-shestoy-kolonnoy/> Культура,10.10.2014
48. Эл.ресурс: <http://cont.ws/post/49159>
49. Эл.ресурс <http://eurasia.org/2013/31/01>
- 50.Эл.ресурс:http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?archive=1164199726&id=1164197905&start_from=&subaction=showfull&ucat=14.
51. Эл. ресурс: [rusprostranstvo.com](http://rusprostranstvo.com/article/view/1060)»article/view/1060).

- 52.Эл.ресурс:<http://cheloveknauka.com/liberalizm-i-konservatizm#ixzz3T8qRpwDs>)
- 53.Эл.ресурс:http://www.libok.net/writer/12417/kniga/49333/dugin_aleksandr/metafizika_blagoy_vesti/read.
- 54.Эл.ресурс: gregbar <http://gregbar.livejournal.com/234405.html>
- 55.Эл.ресурс: <http://www.postsovet.ru/blog/russia/10771.html>
- 56.Эл.ресурс: <http://med.org.ru.e2.gfns.net/article/840>
- 57.Эл.ресурс:<http://aillarionov.livejournal.com/735134.html>.
- 58.Эл.ресурс<http://www.inopressa.ru/article/19Feb2015/nytimes/TV.html>
- 59.Эл.ресурс: vl-club.com»1423237 stratfor-geopoliticheskiy ...na...
- 60.Эл. ресурс: uglich-jj:http://censor.net.ua/p323794
- 61.Эл.ресурс: Foreign Affairs, США, 16 січня 2015, переклад IHOCMI.Ru
Антон Барбашин Газета: День №6, (2015)
- 62.Эл.ресурс:<http://www.platonizm.ru/content/dugin-hristianstvo-i-neoplatonizm>
63. Эл.ресурс: <http://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf>
- 64.Эл.ресурс: www.eurasiavolga.narod.ru/put.htm
- 65.Эл.ресурс:ruspravda.info/gospod-yavit-svoego-pomazannika-dlya-rusi-i-v-pervuyu ochered- v-novorossii-dlya-utverzheniya-istiny.html

Y.A.Ishchenko

Simulacra of "Novorossiya" – Kyiv: Center of Humanitarian Education of National Academy of Sciences of Ukraine, 2015. – 146 p.

Developed by Russian propagandists within the ideological concept of the "Russian world" and used in the information war against Ukraine, the project "Novorossiya" is a manipulative discourse practice. This project speculates on the distortion of historical facts, philosophical and geopolitical concepts of classical Eurasianism, on the stereotypes of "post-Soviet man" consciousness. The article explores the ethical and epistemological roots of Platonism of the "Russian world", its negative attitude to the Aristotelian tradition of thinking, simulative information technologies, and utopianism and nihilism of the "New Russia" practitioners. The book by ideologist of the "Russian world" Alexander Dugin "Fourth political theory" (2009), provisions of which are largely a paraphrase of the provisions of the main theorist of the European "New Right" and the enemy of globalization A. de Benoist, is reviewed. Like French theorist, A.Dugin bases his reasoning upon the theory of "large spaces" by K. Schmitt, which, in the framework of the Slavophile tradition (Danilevsky, Leontiev) of interpretation of cultures as cultural-historical types, declared the relevance of the concept of "Empire" for the modern world, especially Russia, defends the value of the war and denies "tolerance", advocated by the Western world, as the forms of aggressive imposition of its values to all other cultures and civilizations. On the basis of philosophical analysis, non-argumentativeness of interpretation of the "secret" of conservatism on the basis of the alleged thesis of M. Heidegger's "Being is primary, time secondary", is revealed. Inconsistency of A. Dugin's understanding of "deconstruction" strategy, applied to the explication of the concept of "civilization" and justification of the concept of "Empire" as the horizon of human existence and people in large spaces, is demonstrated. The reactionary role of the ideologists of the Russian Orthodox Church in the justification of the Messianic and utopian ideas of the "Russian world", the propagation of the great Russian chauvinistic sentiments, pursuing aggressive policies and terrorist actions by current regime of the authorities of the Russian Federation in the war in Eastern Ukraine, are traced.

Designed for philosophers, scientists, a wide range of readers.

Ю.А. ИЩЕНКО

Симулякры «Новороссии»

Подписанно к печати 05.06.2015.

Формат 60 х 84 / 16.

Усл. печ. листов. 8.49. Тираж 300 экз.

Ищенко Юрий Анатольевич, доктор философских наук, заведующий отделом «Научные и образовательные методологии и практики» Центра гуманитарного образования НАН Украины, автор более чем 200 публикаций, из них трех монографий, специалист в области философии науки, гуманитарной экспертизы и исследования толерантности.

Ishchenko Yuri Anatolyevich, doctor of Philosophical Sciences, Head of Department of «Scientific and educational methodology and practice», Center for Humanities, NAS of Ukraine, author of more than 200 publications, including three monographs, a specialist in the field of philosophy of science, humanitarian expertise and study of tolerance.